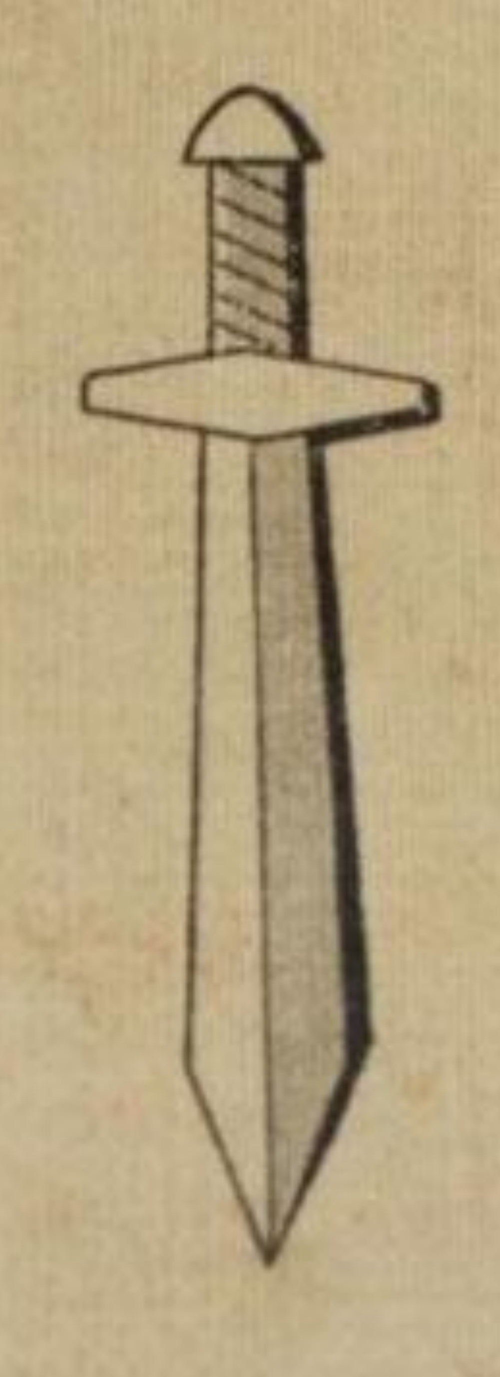
КОРНИЛОВСКІЙ УДАРНЫЙ ПОЛКЪ

ПАРИЖЪ — 1936

КОРНИЛОВСКІЙ УДАРНЫЙ ПОЛКЪ

ПАРИЖЪ — 1936

Составлена подъ руководствомъ полковой Редакціонной Комиссіи по документамъ и матеріаламъ полкового архива и по личнымъ воспоминаніямъ и запискамъ г.г. офицеровъ полка и ударниковъ: *ген. Скоблина, полк. Щеглова* (†), *подполк. Пухъ, подполк. Трошина, подполк. Лебедева, кап. Шинина, кап. Чернова, кап. Дороховскаго, кап. Рѣдько, шт.-кап. Канелецъ, шт.-кап. Яремчука 2-го, шт.-кап. Андріанова, пор. Хвостова, пор. Сорокина (†), пор. Лужинскаго, пор. Байбакова, пор. Дудниченко, пор. Харченко, пор. Евдокимова, подпрап. Мищенко, ударника Дегтярева,*

М. А. КРИТСКИМЪ.

КОРНИЛОВСКІЙ УДАРНЫЙ ПОЛКЪ

ПАРИЖЪ
1936

ИЗЪ ПРИКАЗА КОРНИЛОВСКОМУ УДАРНОМУ ПОЛКУ.

..... «Изданіе книги «Корниловскій Ударный Полкъ» отвѣчаетъ нашему общему чувству святой памяти павшихъ соратниковъ въ борьбѣ за Родину и тому моральному долгу, который Корниловцы несутъ передъ исторіей...

Національная Россія не забудетъ жертвенный подвигъ Корниловцевъ — нынѣ же мы, еще живые свидѣтели и участники, приносимъ только свой первый по праву вкладъ для будущаго памятника пройденнаго пути Корниловцевъ.

Я горжусь — въ нашемъ идейномъ стремленіи мы не были одиноки... — Чуткое проникновенное слово авторитетнаго носителя военно-научной мысли, профессора Генерала Головина въ предисловіи къ книгѣ, попутно оцѣнившаго прекрасную работу составителя М. А. Критскаго, для насъ особенно цѣнно и говоритъ само за себя. Отъ лица Корниловцевъ приношу глубокую благодарность М. А. Критскому, талантливо использовавшему документальный сырой матеріалъ боевыхъ дѣйствій полка, профессору Генералу Н. Н. Головину, редактору журнала «Часовой» В. В. Орѣхову, Лейбъ-Гвардіи Волынскаго Полка поручику Красусскому, Евгенію Тарусскому (Рышкову) и чинамъ полка принесшимъ свои знанія и трудъ для книги «Корниловскій Ударный Полкъ».

Командиръ Полка
Генералъ Маіоръ СКОБЛИНЪ.

Полковой Адъютантъ
Штабсъ-Капитанъ Григуль».

ПРЕДИСЛОВІЕ

Вниманію читателя предлагается книга: «Корниловскій Ударный Полкъ». Составитель этой книги опытный писатель. Интереснѣйшій документальный матеріалъ въ талантливомъ изложеніи М. А. Критскаго, отъ первой до последней страницы будетъ держать читателя въ напряженномъ состояніи. Передъ нимъ ярко предстанетъ крестный путь доблестнѣйшихъ Корниловцевъ. Какъ драгоцѣнные камни блестятъ проявленія высшаго героизма на мрачномъ фонѣ братоубійственной войны.

Не сомнѣваюсь, что читатель самъ оцѣнитъ книгу «Корниловскій Ударный Полкъ». Я же, какъ военный историкъ, хочу здѣсь обратить вниманіе на другую, еще не написанную книгу, но которая должна быть написана. Я говорю про «Исторію Корниловскаго Ударнаго Полка». Выдержки, изъ сохранившихся въ рукахъ Корниловцевъ документовъ, приведенныя М. А. Критскимъ въ книгѣ, показываютъ, какъ нужна эта полная исторія полка. Весьма вѣроятно, что эта полная Исторія не будетъ такъ легко читаться, какъ книга «Корниловскій Ударный Полкъ», но за то она сохранитъ для потомства всѣ подробности повседневнаго героизма Корниловскаго полка. Безъ этихъ же подробностей, при этомъ *всѣхъ* подробностей, всякое изображеніе является условнымъ и субъективнымъ.

А между тѣмъ, сохранить эту полную картину Корниловской доблести нужно для возрожденной Россіи.

Воинская доблесть — далеко не столь часто встрѣчаемое качество, какъ это принято думать. Поэтому, народъ, въ арміи котораго много доблести, можетъ взирать на свое будущее спокойно, несмотря на свое мрачное настоящее.

А какую высшую доблесть проявили Корниловцы — свидѣтельствуетъ сухой языкъ цифръ.

Съ 25-го іюня 1917 г. по 1-ое ноября 1920 г., т. е. за сорокъ мѣсяцевъ своей борьбы съ большевиками, Корниловскій полкъ, а впослѣдствіи полки Корниловской дивизіи выдержали 570 боевъ (въ это число не входятъ бои, которые вели отдѣльные батальоны или роты) и потеряли убитыми — 13.674 человѣка, ранеными — 34.328, а всего, — 48.002 человѣка.

Вотъ распредѣленіе этихъ потерь:

	Убито	Ранено	Всего
Начальниковъ дивизій		2	2
Командировъ полковъ	4	15	19
Командировъ батальоновъ	64	125	189
Командировъ ротъ	472	1100	1572
Младшихъ офицеровъ	4781	11500	16281
Ударниковъ	8327	21500	29827
Военныхъ чиновниковъ	15	48	63
Докторовъ	3	12	15
Сестеръ милосердія	8	26	34
ИТОГО	13674	34328	48002

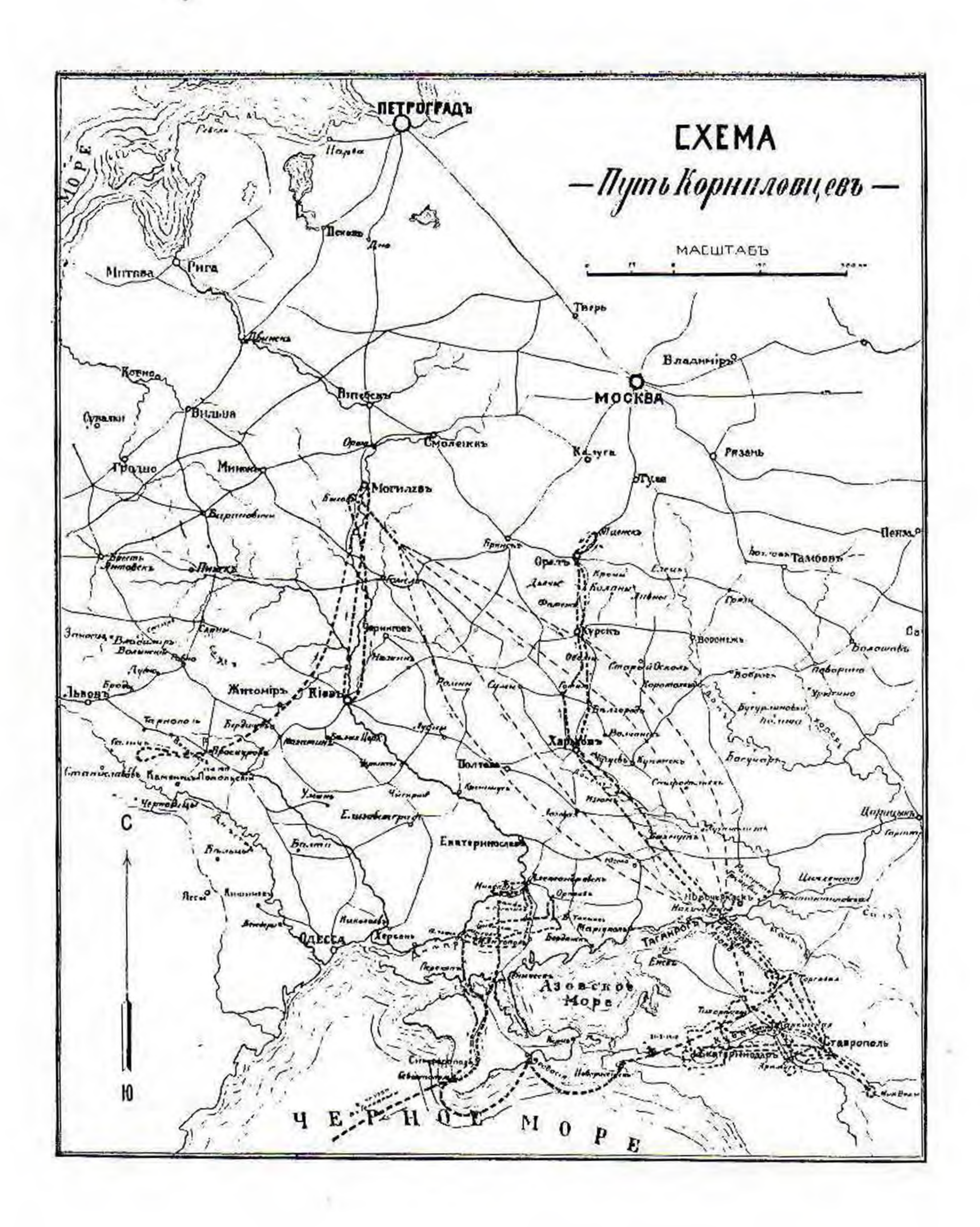
Если начать перечислять поименно всѣхъ погибшихъ Корниловцевъ, то только для одного сухого перечня понадобилась бы книга въ нѣсколько сотъ страницъ. Перечень именъ погибшихъ бережно хранится у генерала Скоблина. Но этого мало. Имена эти должны быть дороги не только Корниловцамъ, но и всѣмъ людямъ, въ груди которыхъ бьется русское сердце.

Неужели же въ насъ такъ мало національнаго самосознанія, что мы допустимъ, чтобы время стерло въ нашей памяти все морально-красивое нашего прошлаго? Неужели наша эмиграція, празднующая каждый годъ праздникъ Русской Культуры, не проникнется мыслью о настоятельной необходимости сохранить память о существеннѣйшей части этой культуры — о Русской Доблести? Или же Корниловцамъ, и теперь, суждено, въ своемъ желаніи сохра-

нить для потомства повѣсть о геройствѣ своихъ павшихъ соратниковъ, быть столь же одинокими, какъ тогда, когда они вели кровавую борьбу за спасеніе Россіи? Хочется вѣрить, что книга «Корниловскій Ударный Полкъ» побудитъ русскихъ людей, живущихъ за рубежомъ, поддержать начинаніе Корниловцевъ,и явится лишь первымъ шагомъ къ напечатанію полковой исторіи Корниловскаго Ударнаго Полка.

Генералъ Н. ГОЛОВИНЪ.

СХЕМА
— Путь Корниловцевъ —
МАСШТАБЪ
ПЕТРОГРАДЪ
МОСКВА
Рига
Митава
Двинскъ
Витебскъ
Смоленскъ
Могилевъ
Минскъ
Вильна
Гродно
Ковно
Сувалки
Пинскъ
Житоміръ
Кіевъ
Черниговъ
Львовъ
Проскуровъ
Полтава
Харьковъ
Курскъ
Орелъ
Калуга
Тула
Тверь
Владиміръ
Рязань
Тамбовъ
Воронежъ
Царицынъ
Екатеринославъ
Одесса
Херсонъ
Таганрогъ
Ставрополь
Азовское Море
С
Ю
ЧЕРНОЕ МОРЕ

Малькольмъ. Пойдемъ и выплачемъ въ уединеніи печаль души...

Мандуфъ. Нѣтъ! Лучше обнажимъ губящій мечъ, пойдемъ спасать отчизну и бодро станемъ за свои права.

«Макбетъ» Шекспира.

I.

ЗАРОЖДЕНІЕ КОРНИЛОВСКАГО УДАРНАГО ПОЛКА.

Въ маѣ 1917 года командующимъ 8-й арміей, дѣйствовавшей въ Галиціи и Буковинѣ, былъ назначенъ генералъ Корниловъ. Новый командующій немедленно началъ объѣздъ своихъ войскъ. Во всѣхъ штабахъ ему докладывали, что власть офицеровъ парализована комитетами, дисциплина расшатана, боеспособность полковъ съ каждымъ днемъ падаетъ.

Въ развалѣ своей арміи Корниловъ убѣдился, когда сталъ обходить окопы. Его острые, немного раскосые глаза повсюду замѣчали безпорядокъ и распущенность солдатъ, но то, что его ждало на одномъ боевомъ участкѣ, превзошло все. Командующаго никто не встрѣтилъ, солдатъ не было. Въ зловѣщей тишинѣ онъ шелъ по пустымъ окопамъ, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятельской линіи. Корниловъ шелъ и бормоталъ: предатели... измѣнники... Потомъ обернулся къ сопровождавшему его молодому капитану Генеральнаго Штаба Нѣженцеву и сказалъ:

— Какой позоръ... Нѣмцы слѣдятъ за нами и даже не обстрѣливаютъ. Точно издѣваются надъ нашимъ безсиліемъ... Я нисколько не удивлюсь, если сейчасъ наткнусь на нихъ, и они заиграютъ мнѣ встрѣчный маршъ...

— Въ этихъ словахъ Корнилова было столько горе-

чи, — раскаѕывалъ впослѣдствіи Нѣженцевъ, — что у меня все перевернулось въ груди. Съ тѣхъ поръ я только и думалъ о нашей гибнущей арміи... Почувствовалъ я и то, что за Корниловымъ пойду, хоть на край свѣта...

Въ скоромъ времени Нѣженцевъ подалъ обстоятельный докладъ, озаглавленный — «Главнѣйшая причина пассивности нашей арміи и мѣры противодѣйствія ей». Въ немъ онъ писалъ, что возстановить боевую мощь Россійской Арміи могутъ только рѣшительныя мѣры, идущія отъ Верховной власти. Но не дожидаясь ихъ, самъ фронтъ долженъ проявить иниціативу: необходимо при штабахъ армій и корпусовъ, а также во всѣхъ полкахъ немедленно начать формированіе ударныхъ отрядовъ изъ добровольцевъ, готовыхъ безъ колебанія пожертвовать собою во имя побѣды. Эти отряды на атакуемомъ участкѣ надо бросать для прорыва самаго укрѣпленнаго мѣста, чтобы они могли своимъ примѣромъ воодушевлять остальныя войска... Въ концѣ рапорта Нѣженцевъ просилъ разрѣшенія приступить къ формированію такого отряда.

Приказомъ по 8-й арміи (отъ 19-го мая 1917 года) генералъ Корниловъ разрѣшилъ. Такъ зародилась въ первый же годъ русской революціи идея добровольчества, идея, разросшаяся впослѣдствіи въ національное добровольческое движеніе.

Митрофанъ Осиповичъ Нѣженцевъ въ штабѣ 8-й арміи былъ свой человѣкъ. Онъ былъ помощникъ старшаго адъютанта развѣдывательнаго отдѣленія. Несмотря на это Нѣженцевъ въ своемъ штабѣ никакого сочувствія своей идеѣ не встрѣтилъ. Идея добровольчества слишкомъ противорѣчила принципу регулярства, на которомъ воспитывались въ Академіи офицеры Генеральнаго Штаба. Въ головахъ еще не укладывалась мысль, что революція уже уничтожила всѣ тѣ каналы власти, при которыхъ только и могла быть приложима формула — организація не терпитъ импровизаціи.

Штабъ 8-й арміи весьма неохотно помогалъ формированію отряда. Вербовать солдатъ - добровольцевъ Нѣженцеву было разрѣшено лишь изъ запасныхъ частей и среди тыловыхъ учрежденій, отнюдь не съ фронта. То же самое и съ офицерскимъ составомъ — этимъ костякомъ

каждой воинской части. Такой костякъ въ ударномъ отрядѣ, по распоряженію штаба, должны были составить прапорщики, прибывающіе на фронтъ. Только послѣ усиленныхъ хлопотъ Нѣженцевъ добился разрѣшенія вызвать съ фронта шесть добровольцевъ въ чинѣ штабсъ-капитана.

Нѣженцевъ вообще проявилъ удивительную настойчивость. Онъ все время обходилъ запасные батальоны и особенно часто навѣщалъ пулеметные курсы, которые были устроены въ Черновицахъ при штабѣ 8-й арміи. Эти курсы въ теченіе мѣсяца проходили солдаты изъ различныхъ частей, а также прапорщики, только что выпущенные изъ училищъ и командированные въ распоряженіе генералъ-квартирмейстера.

Большинство прапорщиковъ на курсахъ были молодые безусые люди изъ небогатыхъ и даже бѣдныхъ семей средняго сословія. Эти только что произведенные офицеры не только не получали изъ дому никакой поддержки, но сами каждый мѣсяцъ удѣляли роднымъ часть своего небольшого жалованья. Такія семьи отъ февральской революціи ничего не потеряли, и онѣ отнеслись къ ней спокойно. Ихъ молодежь, какъ болѣе восторженная, скорѣе своихъ отцовъ заразилась общимъ тыловымъ революціоннымъ настроеніемъ. Пріѣзжавшіе прапорщики, если и не были по молодости своихъ лѣтъ активными революціонерами, то во всякомъ случаѣ, по модѣ того времени, почти всѣ считали себя или республиканцами или сочувствующими партіи соціалистовъ-революціонеровъ, а одинъ прапорщикъ, универсантъ, даже состоялъ въ этой партіи.

Тогдашнее настроеніе юныхъ прапорщиковъ отразилъ прапорщикъ Кривошеевъ въ своей книгѣ «Пѣсни Корниловца».

Вотъ одна изъ нихъ, которую особенно часто распѣвали Корниловцы на мотивъ сербской пѣсни «Кто свою Отчизну любитъ»:

Маршъ Корниловскаго Ударнаго полка.

Пусть вокругъ одно глумленье,
Клевета и гнетъ, —
Насъ, корниловцевъ, презрѣнье

Черни не убьетъ.

Припѣвъ.

Мы былого не жалѣемъ,
Царь намъ — не кумиръ, —
Мы одну мечту лелѣемъ:
Дать Россіи миръ.

Припѣвъ.

Вѣримъ мы: близка развязка
Съ чарами врага,
Упадетъ съ очей повязка
У Россіи, да.

Припѣвъ.

Русь пойметъ, кто ей измѣнникъ,
Въ чемъ ея недугъ,
И что въ Быховѣ не плѣнникъ
Былъ, а — вѣрный другъ.

Припѣвъ.

За Россію и свободу
Если въ бой зовутъ,
То, корниловцы, и въ воду
И въ огонь идутъ.

Припѣвъ.

Впередъ, на бой,
Впередъ, на бой,
На бой, открытый бой.

Однажды въ 1-мъ Кубанскомъ походѣ Корниловъ, услышавъ этотъ мотивъ, попросилъ, чтобы ему записали слова. Когда Корниловъ былъ убитъ, листокъ съ этой пѣсней, пробитый осколкомъ, былъ найденъ въ карманѣ на груди погибшаго Главнокомандующаго. Это такъ поразило Корниловцевъ, что съ тѣхъ поръ пѣснь Кривошеева стала офиціальнымъ маршемъ Корниловскаго полка.

Время и дальнѣйшія грозныя событія перемололи революціонный пафосъ молодыхъ Корниловцевъ, строфу о «быломъ» позднѣе они уже перестали пѣть.

Нѣженцевъ изо дня въ день все болѣе и болѣе сближался съ прапорщиками. Онъ подолгу бесѣдовалъ съ ними. Говорилъ о революціи, о родинѣ, объ упадкѣ дис-

циплины въ дѣйствующей арміи, о необходимости во что бы то ни стало поднять ея боеспособность.

Прапорщики присматривались къ Нѣженцеву. Имъ многое въ немъ сначала не нравилось. Когда Нѣженцевъ снималъ пенснэ, его близорукіе глаза какъ бы презрительно прищуривались. Говорилъ онъ нѣсколько растянуто, что производило впечатлѣніе высокомѣрія. Это высокомѣріе, казалось, еще болѣе подчеркивали небольшіе подкрученные усики и штабная франтоватость. Но чѣмъ ближе знакомились прапорщики съ Нѣженцевымъ, тѣмъ больше проникались къ нему довѣріемъ и уваженіемъ. Постепенно, человѣка по два, по три, они стали переходить въ ударный отрядъ, а къ 10-му мая въ него записались почти всѣ слушавшіе курсы, около 25 человѣкъ. Нѣженцевъ просилъ своихъ прапорщиковъ набирать солдатъ. Это было трудно. Многіе солдаты на всѣ уговоры отвѣчали:

— Вы, господинъ прапорщикъ, пороху то еще не нюхали, вотъ понюхаете, тогда узнаете, что значитъ война.

Прапорщики замолкали. Тогда они прибѣгли къ такому способу вербовки: подходили къ кучкамъ солдатъ и прислушивались къ разговорамъ. Солдаты, нисколько не смущаясь присутствіемъ офицеровъ, обычно разсуждали о войнѣ.

— Пора ее кончать, — говорили, — война только господамъ нужна, а намъ ни къ чему. Смотри, сколько народу перебито.

Бывало, кто-нибудь изъ солдатъ возражалъ:

— Какъ война ни къ чему? Небось германъ отхватитъ русскую землю, ее потомъ и не увидишь. И насчетъ господъ офицеровъ неправильно. Они въ окопахъ ту же тяготу несутъ, что и мы, да и пуля не разбираетъ, кто офицеръ, а кто солдатъ.

Такіе солдаты довольно быстро соглашались итти въ отрядъ Нѣженцева. Прельщало ихъ и то, что они станутъ «ударниками», то-есть не будутъ, какъ имъ было обѣщано, испытывать нуднаго и изнурительнаго сидѣнія въ окопахъ.

Къ серединѣ мая была набрана почти полностью пу-

леметная команда. Вокругъ этого основного ядра стали быстро формироваться роты. Добровольцы поступали изъ разныхъ штабныхъ и корпусныхъ командъ, изъ запасныхъ батальоновъ, проходящихъ эшелоновъ. Записывались и солдаты - одиночки.

Когда въ ротахъ уже было по 80-90 человѣкъ, генералъ Корниловъ, согласившійся, по просьбѣ Нѣженцева, принять шефство надъ отрядомъ, сталъ посѣщать ударниковъ. Являлся небольшого роста худощавый генералъ. Его черные волосы и смуглое, слегка скуластое лицо напоминало скорѣе монгола, чѣмъ русскаго. Поражала необыкновенная простота Корнилова и его довѣрчивая искренность при разговорѣ. Первое же посѣщеніе командующаго до сихъ поръ хранится въ памяти тѣхъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ, которые были при этомъ.

Въ своихъ запискахъ капитанъ Шининъ вспоминаетъ:

«Послѣ рѣчи Корнилова, въ тотъ памятный день, меня, да и всѣхъ одинаково охватилъ форменный энтузіазмъ. Своимъ посѣщеніемъ и своими словами Корниловъ забралъ всѣ наши души, всю волю, всѣ чувства... За него мы были готовы итти на какія угодно лишенія...

«Теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ, — продолжаетъ Шининъ, — я стараюсь уяснить себѣ, чѣмъ Корниловъ могъ вызвать такой восторгъ? Былъ замѣчательнымъ ораторомъ? Нѣтъ, не то... Говорилъ онъ не плохо, но его сила была не въ ораторскомъ искусствѣ. Его слова объ отечествѣ? — Можетъ быть, да... Но вѣдь о родинѣ каждому изъ насъ говорили уже много и много разъ, но нашихъ сердецъ такъ никто не зажигалъ. Моя молодость? То, что мнѣ было 20 лѣтъ? Но вѣдь я былъ тѣхъ же лѣтъ и при выпускѣ изъ школы прапорщиковъ, и находясь въ запасномъ полку, и при отъѣздѣ на фронтъ, когда я слышалъ такія же рѣчи о родинѣ... Да, тѣ же рѣчи, но видно не такіе, какъ Корниловъ, люди ихъ говорили»...

А другой доброволецъ изъ бывшихъ солдатъ разсказывалъ:

— До великой войны я былъ рабочимъ-наборщикомъ. По своему происхожденію, по своей работѣ, казалось, я долженъ былъ бы остаться у большевиковъ, а вотъ уви-

дѣлъ Корнилова и пошелъ за нимъ въ Добровольческую армію.

У Корнилова былъ талантъ улавливать сердца...

Въ концѣ мая къ Нѣженцеву прибыли съ фронта шесть штабсъ-капитановъ: Гавриленко, Морозовъ, Петровъ, Савковъ, Скоблинъ и князь Чичуа. Многіе офицеры изъ полковъ 8-й арміи стремились попасть въ ударный отрядъ, но въ силу ограниченнаго количества вакансій преимущественное право на это получили наиболѣе отличившіеся, какъ напримѣръ, будущій командиръ Корниловскаго полка, а затѣмъ начальникъ Корниловской дивизіи — штабсъ-капитанъ Скоблинъ. Онъ въ первый же годъ войны, еще въ чинѣ прапорщика 126 пѣх. Рыльскаго полка, былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія и золотымъ Георгіевскимъ оружіемъ. Высокія отличія у молодого офицера были настолько необычны, что во время отпуска Скоблина часто подзывали къ себѣ генералы и съ подозрѣніемъ — не самозванецъ ли передъ ними? — расправшивали его. Скоблину приходилось носить въ карманѣ соотвѣтствующія удостовѣренія... Конечно, такихъ боевыхъ офицеровъ командиры полковъ всячески отговаривали уѣзжать изъ родного полка въ какой-то неизвѣстный отрядъ, но для этихъ штабсъ-капитановъ было уже невыносимо видѣть превращеніе дѣйствующей арміи въ бездѣйствующую.

Съ пріѣздомъ штабсъ-капитановъ отрядъ былъ переведенъ въ Стрѣлецкіе-Куты, гдѣ и закипѣла работа по его развертыванію, обученію и сколачиванію.

Каждый ударникъ назначался на опредѣленную должность, гдѣ отъ него требовалась вся его находчивость и смекалка, особенно въ командѣ развѣдчиковъ или въ пулеметной. Одновременно, незамѣтно для себя, ударникъ пріобщался къ соборному дѣйству и въ этомъ дѣйствѣ сливался со всѣми въ единое цѣлое, въ единый какъ бы духовный орденъ. Ибо воинская часть или полкъ русской арміи были не сборище механически спаянныхъ людей, а живой организмъ съ единымъ духомъ, съ единой ему присущей жизнью. Полкъ держался духовной скрѣпой, духовнымъ единомысліемъ; въ полку блюли свои неписанные законы — традиціи, свое прошлое —

боевую лѣтопись, свое настоящее — наименованіе и внѣшнія отличія; въ полку, какъ листья на деревѣ, мѣнялись люди, появлялись новые, обновлялся весь составъ, но невидимые корни продолжали его питать живительными соками, соборное дѣйство полка оставалось неизмѣннымъ.

На фронтѣ полки еще жили, но уже были обречены. И вотъ въ это трагическое время зарождается 1-ый Ударный отрядъ, впослѣдствіи переименованный въ 1-ый Ударный Корниловскій полкъ. Отрядъ зародился въ пламени революціи, когда воздухъ былъ насыщенъ вѣрою въ грядущую обновленную Россію, но съ первыхъ же дней своей жизни вмѣстѣ съ этой вѣрой отрядъ впитывалъ въ себя боевые завѣты императорской арміи, которые ему прививали офицеры старыхъ полковъ. Первый непререкаемый завѣтъ былъ — жертвенная любовь къ отечеству, второй — самъ погибай, а товарища выручай.

Насколько Нѣженцевъ придавалъ исключительное значеніе духовной скрѣпѣ между офицерами и солдатами своего отряда, это видно изъ его приказовъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ писалъ:

«Трафаретнаго отбыванія часовъ на занятіяхъ мнѣ не нужно. Отъ Васъ, г.г. офицеры, я требую, чтобы Вы были въ полной мѣрѣ начальниками, но не тѣми, которые умѣютъ только отдавать сухія распоряженія. Вы должны быть начальниками, показывающими Вашимъ подчиненнымъ примѣръ воина — человѣка долга и порядка. Вы должны быть и въ часы Вашего досуга среди солдатъ, бесѣдовать съ ними, разъяснять имъ всѣ ихъ сомнѣнія, колебанія... Въ отрядѣ должна быть прочная спайка, достигаемая взаимнымъ довѣріемъ, общностью интересовъ и любовью къ тому дѣлу, для котораго мы собраны... Пусть вся Россія знаетъ, что у нея еще есть сыны, сказавшіе — лучше смерть, чѣмъ рабство».

Закончилъ отрядъ свое формированіе въ серединѣ іюня.

Во главѣ отряда, по приказу Корнилова, сталъ Нѣженцевъ. Собственными усиліями, безъ какого бы то ни было содѣйствія штаба, онъ подобралъ себѣ ближайшихъ сотрудниковъ среди своихъ друзей-единомышленниковъ.

Генералъ КОРНИЛОВЪ.

Полковникъ НѢЖЕНЦЕВЪ.

Его адъютантомъ сталъ поручикъ князь Ухтомскій, отбывавшій воинскую повинность въ одномъ гвардейскомъ полку и призванный изъ запаса. Нынѣ князь Ухтомскій постригся въ монахи и одно время былъ настоятелемъ церкви-памятника на Шипкѣ, гдѣ доживаютъ свой вѣкъ наши многіе инвалиды, въ томъ числѣ и Корниловскіе.

Своимъ помощникомъ Нѣженцевъ назначилъ гвардіи капитана Агапова, а начальникомъ штаба капитана Леонтьева.

Самъ отрядъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ по 1000 штыковъ каждый и трехъ пулеметныхъ командъ въ 600 человѣкъ. Команда пѣшихъ развѣдчиковъ была сформирована изъ плѣнныхъ добровольцевъ-чеховъ, а въ конные развѣдчики пошла сотня Донскихъ казаковъ, бывшая въ распоряженіи штаба 8-й арміи. Своимъ переходомъ въ отрядъ Нѣженцева казаки вызвали такое неудовольствіе штаба, что у нихъ отняли коней — идите молъ пѣшкомъ. И все-таки казаки ушли подъ начальствомъ своихъ двухъ войсковыхъ старшинъ Дударева и Краснянскаго.

При формированіи отряда наиболѣе тяжелое положеніе создалось съ его продовольствіемъ. Штабъ арміи категорически отказался снабдить отрядъ хозяйственной частью. Нѣженцевъ поѣхалъ къ главноуполномоченному Краснаго Креста при 8-ой арміи г. Лерхе, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и попросилъ у него помощи. Лерхе немедленно откомандировалъ въ распоряженіе Нѣженцева санитарную летучку, которая и стала кормить отрядъ за счетъ Краснаго Креста. Начальникомъ хозяйственной части — начхозомъ — сдѣлалась сестра милосердія — пожилая женщина небольшого роста и очень полная, похожая на просфорку. Говорила она тонкимъ пискливымъ голосомъ. Ее быстро окрестили «крошкой Дорой». Крошка Дора въ своей бѣлой косынкѣ цѣлый день была въ хлопотахъ, горошиной перекатывалась съ мѣста на мѣсто и, какъ родная мать, заботилась о своемъ отрядѣ. Она оставалась «начхозомъ» вплоть до переформированія ударнаго отряда въ полкъ, послѣ чего перешла въ полковой околодокъ.

10-го іюня былъ назначенъ смотръ отряда командующимъ арміей генераломъ Корниловымъ.

Трехтысячный отрядъ въ стальныхъ каскахъ былъ построенъ въ каррэ. На всѣхъ плечахъ черно-красные погоны. На лѣвыхъ рукавахъ суровая эмблема: на щитѣ черепъ надъ скрещенными мечами, подъ ними граната. Черепъ бѣлый, граната красная, щитъ голубой — національные цвѣта Россіи.

Прокатилась отрывистая команда, заигралъ встрѣчный маршъ. Начался смотръ. Генералъ Корниловъ вручилъ колѣнопреклоненному Нѣженцеву знамя отряда — черно-красное полотнище, на которомъ бѣлѣли слова: «1-ый Ударный Отрядъ».

Корниловъ произнесъ рѣчь; онъ говорилъ:

— Русскій народъ добился свободы, но еще не пробилъ часъ, чтобы строить свободную жизнь. Война не кончена, врагъ не побѣжденъ, подъ нимъ еще русскія земли. Если русская армія положитъ оружіе, то нѣмцы закабалятъ на долгіе годы всю Россію. Нашимъ дѣтямъ и внукамъ придется работать на нѣмцевъ. Должны побѣдить мы... Побѣда близка... Австрійцы и нѣмцы устали, уже сколько времени они не переходятъ въ наступленіе, мы же теперь, какъ никогда, сильны орудіями, снарядами. Одинъ нашъ сильный нажимъ, и врагъ будетъ сломленъ. Не напрасны будутъ всѣ великія жертвы, которыя понесъ русскій народъ. Правда, устали и наши войска, этимъ пользуются и ихъ смущаютъ всѣ тѣ, кому не дорога наша родина, ея честь и слава... Но вы, добровольцы и ударники, поклялись воодушевить всѣхъ слабыхъ духомъ. На вашихъ рукавахъ нашитъ символъ смерти — черепъ на скрещенныхъ мечахъ. Это значитъ — побѣда или смерть. Страшна не смерть, страшны позоръ и безчестье...

Съ этого дня всѣ ударники называли себя «Корниловцами». Это слово они начертали надъ своей суровой эмблемой.

II.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНІЕ КОРНИЛОВЦЕВЪ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смотра Нѣженцевъ получилъ приказъ выступить на фронтъ и, смѣнивъ въ 12-мъ корпусѣ Заамурскую дивизію, которая должна была продвинуться вправо, занять линію Ямницы — Поваличе съ ея укрѣпленнымъ тэтъ-де-пономъ.

Отрядъ взбудоражился, только и слышно было: на фронтъ! Ѣдемъ на фронтъ! Для части ударниковъ фронтъ былъ таинственнымъ и страшнымъ мѣстомъ, о которомъ знали по наслышкѣ, и которое каждый воображалъ по своему. На всемъ пути жадно впитывали въ себя прифронтовыя картины. Проѣзжали мимо старыхъ запущенныхъ окоповъ, опутанныхъ ржавой и порванной проволокой на покосившихся сѣрыхъ кольяхъ. Смотрѣли на разбросанныя по полямъ плѣшины, уже заростахшія съ боковъ зеленымъ пушкомъ. Изрѣдка попадались вздутыя лошади съ оскаленными мордами и одеревенѣвшими вытянутыми ногами. Горячій іюньскій вѣтеръ доносилъ полосами тошнотворно-сладковатый запахъ тлѣнія. Этотъ запахъ до сихъ поръ часто чудится всѣмъ бывшимъ на войнѣ, когда они въ жаркіе лѣтніе дни попадаютъ въ поле...

Глубокой ночью отрядъ сталъ смѣнять Заамурцевъ. Ударники, подвязавъ котелки и загасивъ папироски, безшумно втягивались въ извилистые ходы сообщеній и растекались по глубокимъ темнымъ окопамъ, только сверху, на узкой полоскѣ неба, мерцали звѣзды. Съ разсвѣтомъ огдядѣлись. Окопы были запущены, загажены. Накаты со многихъ блиндажей сняты, бревна расколоты на костерки для чая. Немедленно начали приводить все въ порядокъ и строить новыя гнѣзда для пулеметовъ и бом-

бометовъ. Черезъ небольшія щели-бойницы подолгу всматривались передъ собой: колья съ перекрещенной паутиной изъ проволоки, густая трава съ высохшими прошлогодними стеблями и разбѣгающіеся въ обѣ стороны невысокіе сѣрые валы. Кое-гдѣ надъ ними струятся столбики дыма. Вдали, на горизонтѣ, перелѣски на волнистыхъ холмахъ сливаются съ сѣроватымъ небомъ. Тихо, безлюдно...

По намѣченнымъ цѣлямъ быстро пристрѣляли пулеметы, и горе было той голубоватой фигуркѣ, которая вдругъ показывалась за непріятельскими окопами и безпечно маячила. Короткая очередь изъ пулемета, и фигурка падала. Былъ убитъ человѣкъ, но объ этомъ не думалось. Оставалось лишь ощущеніе, какъ на охотѣ послѣ удачнаго выстрѣла. Однажды только что закончили стрѣльбу, какъ вдругъ гдѣ-то впереди коротко прогремѣло. Тотчасъ надъ головой раздался хлопокъ, и кто-то точно бросилъ сверху горсть сухого гороха. Прапорщикъ, стоявшій около пулемета, увидѣлъ, какъ унтеръ-офицеръ, первый номеръ при пулеметѣ, на полусловѣ грузно осѣлъ, будто выдернули изъ него стержень.

— Что съ тобой? Что съ тобой? — вскрикнулъ прапорщикъ и бросился подымать пулеметчика подъ мышки. Насилу поднялъ страшно отяжелѣвшее тѣло съ повисшими руками. По загорѣлой шеѣ стекала за воротъ красная струйка. Пулеметчикъ былъ убитъ шрапнельной пулей.

Много разъ потомъ видѣли ударники смерть, свыклись съ ней, но первая смерть на войнѣ и въ такой непосредственной близости остается въ памяти на всю жизнь.

По ночамъ бомбометчики еле подымали здоровенные снаряды и вкладывали ихъ въ широкіе короткіе стволы. Съ гуломъ вылетали снопы краснаго пламени, съ грохотомъ подымались надъ непріятельскими окопами столбы чернаго дыма.

Ударники ходили въ развѣдку, приводили плѣнныхъ. Плѣнные показывали, что у нихъ въ полку прозвали Корниловцевъ «голубыми діаволами», и что всѣ въ недоумѣніи — откуда только этихъ діаволовъ принесло на фронтъ.

Изъ сосѣднихъ полковъ къ Корниловцамъ приходи-

ли комитетчики и съ возмущеніемъ требовали прекратить стрѣльбу.

— Безъ васъ, — говорили они, — все было спокойно. По брустверу гуляли, и насъ не трогали. А теперь житья нѣтъ. Что васъ обкладываютъ нѣмцы, такъ вамъ и надо, но вѣдь бьютъ теперь и по нашимъ окопамъ. У насъ есть уже убитые и раненые. Не кончите вашего безобразія, въ штыки на васъ пойдемъ!

Комитетчиковъ выпроваживали.

Шесть дней провели ударники въ окопахъ, но уже начали вздыхать:

— Что же это, молъ, за война, сидимъ и сидимъ!

Наконецъ, въ серединѣ іюня было назначено общее наступленіе 8-й арміи. Прорвать фронтъ и нанести главный ударъ долженъ былъ 12-ый корпусъ. Артиллерійская подготовка началась наканунѣ. Въ первый разъ ударники услышали одновременный рокотъ сотенъ орудій. Казалось, что небо разверзлось непрерывными громовыми раскатами. Холодъ пробѣгалъ по спинѣ, но подымалось и горделивое чувство за свою русскую мощь. Австрійскихъ окоповъ уже не было видно — все было застлано клубами дыма и пыли. Загремѣли и непріятельскія батареи, но быстро одна за другой замолкали. Только наши артиллеристы никакъ не могли нащупать тяжелыя нѣмецкія батареи. Огромные снаряды сверлили небо и обрушивались то на окопы Корниловцевъ, то на сосѣдей — Заамурцевъ.

Командиръ 12-го корпуса генералъ Черемисовъ вызвалъ къ себѣ Нѣженцева. Генералъ сказалъ, что по постановленію комитета его корпусъ не пойдетъ въ атаку до тѣхъ поръ, пока не будетъ взята группа тяжелыхъ нѣмецкихъ батарей, скрытыхъ гдѣ-то правѣе деревни Ямницъ, и что комитетъ со злорадствомъ заявилъ — пусть эти батареи возьмутъ Корниловцы.

— Такъ вотъ, голубчикъ, — кончилъ генералъ, не глядя въ глаза молодому капитану, — ужъ вы какъ-нибудь тамъ постарайтесь...

— Слушаюсь, — отвѣтилъ Нѣженцевъ.

Атаку своего отряда Нѣженцевъ назначилъ на десять минутъ раньше общаго штурма; ознакомилъ своихъ офи-

церовъ съ поставленной задачей и далъ соотвѣтствующія распоряженія. Черезъ взводныхъ, отдѣленныхъ и звеньевыхъ они докатились до ударниковъ. Каждый втолковывалъ подчиненнымъ, что надо дѣлать. Звено говорило своимъ ударникамъ:

— У австріяковъ въ окопахъ не задерживайся. Плѣнныхъ подберутъ тѣ, кто за нами, а главное бѣги вонъ на ту деревню, тамъ залопаемъ тяжелыя орудія. Бѣги, да ори громче уру...

Командиръ 2-го батальона Скоблинъ сказалъ небольшую рѣчь:

— Не посрамите, Корниловцы, своего имени. Мчитесь, что есть силъ до непріятельскихъ окоповъ и въ оба глядите на своихъ взводныхъ, равняйтесь по нимъ. Какъ добѣжите, самое опасное позади. Я уже много разъ ходилъ въ атаку, и, видите, остался живъ. И ничего страшнаго нѣтъ. Некогда будетъ думать объ этомъ... Ну, а коли убьютъ, сразу попадешь въ Царствіе Небесное, подранятъ — поѣдешь домой отдыхать, останешься живъ и невредимъ — героемъ будешь.

— Ну и ну, — говорили ударники, — ловко все это обернулъ нашъ командиръ.

Когда стемнѣло, окончательно приготовились къ атакѣ — ножницами разрѣзали проволоку для проходовъ, вынули изъ гнѣздъ пулеметы. Ударники попросили оставить въ окопахъ скатки и вещевые мѣшки для того, чтобы можно было взять съ собою какъ можно больше патроновъ и ручныхъ гранатъ.

Приближалась рѣшительная минута, каждый стоялъ на своемъ мѣстѣ. Никто не разговаривалъ, у всѣхъ были строгія лица, какъ передъ принятіемъ таинства. Взвилась ракета... Громче прежняго и торопливѣе загрохотали орудія, застрочили пулеметы, но кромѣ своего крика уже никто ничего не слышалъ. Никто и не помнилъ, какъ окунулся въ пороховую мглу и промчался до непріятельскихъ окоповъ.

Атака Корниловцевъ шла волнами; черезъ каждыя 3-5 минутъ одна команда за другой захлестывали австрійскіе окопы. Первая волна уже вынеслась на третью непріятельскую линію. Здѣсь австрійцы пытались перейти

въ контръ-атаку. Корниловцы опрокинули ихъ штыками и ворвались въ послѣдніе основные окопы. Отсюда уже былъ виденъ тылъ противника. Прапорщикъ Шининъ, начальникъ пулеметнаго взвода, оглядѣлся и вдругъ замѣтилъ въ лощинѣ сѣрыя пушки. Около нихъ суетились люди, вздымались кони.

— Сейчасъ батарея снимется, — закричалъ Шининъ, взводъ, живо, по батареѣ огонь!

Около батареи все смѣшалось, лошади упали. Корниловцы, что есть духу, побѣжали къ батареѣ...

Свою задачу Корниловцы выполнили: они захватили 4 тяжелыхъ орудія и 2 легкихъ. За полтора часа своего боя они прорвали фронтъ противника глубиною въ семь верстъ и подошли къ изгибу желѣзной дороги Калушъ-Станиславовъ. Съ высокой насыпи Корниловцы увидѣли, какъ правѣе ихъ, сзади, продвигались съ боемъ Заамурцы.

— Слава Богу! Заамурцы пошли, — раздавалось повсюду.

У сосѣдей слѣва тоже слышалась оживленная ружейная и пулеметная стрѣльба. Уже рѣже, какъ при затишьѣ грозы, доносились глухіе раскаты. На голубомъ небѣ еще таяли бѣлыя и розовыя облачка шрапнели.

Нѣженцевъ получилъ приказаніе: собрать свой отрядъ и, укрывшись въ ближайшей лощинѣ, составить резервъ корпуса.

Быстро нашли большую котловину. Въ нее со всѣхъ сторонъ стекались Корниловцы. У всѣхъ возбужденныя потныя лица. Котловина загудѣла. Ударники отыскивали пріятелей, перекликались, собирались кучками. Каждому хотѣлось разсказать, что пронеслось передъ его глазами. Одинъ все удивлялся австрійскимъ окопамъ:

— Грязи ни-ни, чисто какъ въ казармахъ, и повсюду бетонъ... А въ офицерскихъ землянкахъ словно въ барской комнатѣ — кресла, постели съ бѣльемъ, на стѣнахъ портреты...

— Чего тамъ бетонъ, — отвѣчали ему, — наша артиллерія его вдребезгу расколотила. И накрошила же она тамъ народу...

Въ другой кучкѣ ударникъ разсказывалъ:

— А вѣдь вышло, какъ по писаному, что говорилъ

нашъ командиръ. Бѣгу я за нимъ и, право слово, не боюсь. Только думаю, какъ бы его не упустить. А онъ, ровно коза, такъ и сигаетъ черезъ воронки, черезъ проволоку. Нашъ командиръ такъ первымъ и вкатился въ окопы. Однимъ словомъ — герой...

Офицеры выясняли потери, подсчитывали огромную добычу. Кромѣ орудій, зарядныхъ ящиковъ, пулеметовъ и бомбометовъ было взято въ плѣнъ 26 офицеровъ и 831 солдатъ.

Всѣмъ захотѣлось ѣсть. Послали въ свои окопы за вещевыми мѣшками по пяти человѣкъ отъ взвода. Тѣ скоро вернулись и доложили, что оставленное имущество «сперли» подошедшіе резервы. Выручили захваченныя австрійскія кухни.

Пообѣдали. Офицеры сидѣли отдѣльной кучкой, ударники разбрелись по лощинѣ и перемѣшались ротами. Кто лежалъ, кто переобувался. Всѣхъ разморило. Съ нетерпѣніемъ поджидали, скоро ли пойдутъ на отдыхъ, какъ обѣщалъ командиръ полка, въ только что захваченную деревню Ямницы.

Было уже семь часовъ вечера. Вдругъ на фронтѣ впереди Корниловцевъ сразу все стихло, какъ отрѣзало, — — ни одного выстрѣла. Всѣ смолкли, напряженно прислушиваясь. Тишину такъ же неожиданно разорвалъ сильнѣйшій пулеметный трескъ и ружейные залпы. По верху лощины, мимо Корниловцевъ, стали пробѣгать солдаты то въ одиночку, то по нѣсколько человѣкъ. На всѣ окрики, отмахивались и торопились дальше.

Офицеры взбѣжали наверхъ. По всей равнинѣ въ полномъ безпорядкѣ отступали наши солдаты, за ними шли въ каскахъ сомкнутыя цѣпи нѣмцевъ со штыками на перевѣсъ. Какъ выяснилось впослѣдствіи, это была стальная нѣмецкая дивизія, спѣшно переброшенная по желѣзной дорогѣ для возстановленія положенія.

Штабсъ-капитанъ Скоблинъ закричалъ во всю мочь:

— Корниловцы, впередъ, въ атаку!

Не разбираясь по ротно, Корниловцы всѣ, какъ одинъ, выскочили изъ котловины. Завопили дикимъ крикомъ. Одни со штыками на перевѣсъ, другіе, крутя надъ головой винтовки такъ, что свистѣло вокругъ, третьи съ

поднятыми въ рукахъ гранатами бросились на нѣмцевъ. Столкнулись. Было минутное клокотанье, и нѣмцы побѣжали назадъ. Корниловцы ихъ преслѣдовали до полной темноты. Захватили плѣнныхъ, пулеметы. Сами Корниловцы потеряли около трехсотъ человѣкъ, сто изъ нихъ было заколото штыками...

Такъ произошло первое боевое крещеніе Корниловцевъ, ихъ первое соборное дѣйство на фронтѣ.

Отъ командующаго арміей была получена телеграмма:

«Сердечное спасибо лихимъ ударникамъ, на дѣлѣ доказавшимъ вѣрность боевымъ завѣтамъ. Счастливъ, что они въ рядахъ 8-ой арміи и горжусь, что они носятъ мое имя».

А 29-го іюня передъ развернутымъ отрядомъ генералъ Корниловъ объявилъ:

— Военный министръ Керенскій приказалъ раздать по пяти крестовъ на роту, — и, обернувшись къ адъютанту, Корниловъ сказалъ — дайте эти кресты.

Подполковникъ Нѣженцевъ выступилъ впередъ, приложивъ руку къ козырьку:

— Ваше превосходительство, Корниловцы отказываются отъ этихъ крестовъ, такъ какъ выдѣлить отличившихся нѣтъ никакой возможности.

— Я такъ и думалъ, — промолвилъ Корниловъ.

III.

РАЗВАЛЪ АРМІИ.

8-ая армія во время своего іюньскаго наступленія, такъ побѣдоносно начатаго Корниловцами, прорвала на 30-верстномъ протяженіи фронтъ австро-венгерцевъ, взяла Галичъ, Станиславовъ, Калушъ, свыше 10-ти тысячъ плѣнныхъ, болѣе 100 орудій и, проникая въ глубь Галиціи, уже угрожала Львову. 8-ую армію двигала воля Корнилова, но остальныя русскія арміи уже были безсильны. Нѣмцы легко сбили войска 11-ой арміи и стали заходить въ тылъ 8-ой. Наступили постыдные «Тарнопольскіе дни».

Русскія войска не отступали, а бѣжали при малѣйшемъ нажимѣ противника. Бросали свои позиціи, оружіе, огромные склады военнаго снаряженія. Никакихъ боевыхъ приказовъ не исполняли. «На поляхъ, которыхъ нельзя назвать полями сраженій, — возмущался Корниловъ, — царятъ сплошной ужасъ, позоръ и срамъ, которыхъ русская армія еще не знала съ самаго начала своего существованія». Войска окончательно потеряли воинскій обликъ и духъ, тылъ заразилъ фронтъ безуміемъ и истерикой.

Армія, чей языкъ — краткія команды и непреклонные приказы, вдругъ во время революціи стала слышать пространныя увѣщанія и уговоры, точно для выполненія своего долга у нея могла быть свобода выбора. Этотъ соблазнъ увеличила «декларація правъ солдата», уничтожившая начала принудительной дисциплины. — «Вы самые свободные солдаты міра!» — восклицалъ Керенскій на митингахъ, и «Великая Молчальница» сама превратилась въ митинговаго оратора, стала обсуждать, какой ей сдѣлать выборъ — воевать или нѣтъ.

До революціи она сражалась «за вѣру, царя и отечество», а теперь цѣль и смыслъ войны были утеряны. На митингахъ кричали — война выгодна только буржуямъ, капиталистамъ, да господамъ офицерамъ, которые на нашей кровушкѣ получаютъ чины. Въ газетахъ писали, что это Англія изъ за соревнованія съ Германіей вовлекла Россію въ войну, а военный министръ, разъѣзжая по фронту, заявлялъ: «мы не хотимъ захватовъ, насилія, не хотимъ чужого достоянія, мы хотимъ скорѣйшаго мира». — «Мира во чтобы то ни стало», — добавляли агитаторы.

Армію, у которой можетъ быть порывъ только во имя побѣды, звали сражаться за миръ. Да не проще ли было для «скорѣйшаго мира» воткнуть въ землю свои штыки? Такъ и сдѣлали «самые свободные солдаты». И съ какою болью, съ какимъ негодованіемъ долженъ былъ телеграфировать Корниловъ въ Ставку и Временному Правительству:

«Армія обезумѣвшихъ темныхъ людей, не ограждавшихся властью отъ систематическаго развращенія и разложенія, потерявшихъ чувство человѣческаго достоинства, бѣжитъ»...

Побѣжали даже тѣ солдаты, которыхъ Корниловъ только что водилъ къ побѣдамъ. Старые боевые командиры рыдали...

Фронтъ былъ открытъ. Чтобы спасти положеніе, Временное Правительство 7-го іюля назначило Корнилова Главнокомандующимъ Юго-Западнымъ фронтомъ. Корниловъ немедленно потребовалъ проведенія закона о возстановленіи дисциплины и введеніи смертной казни на фронтѣ.

«... Сообщаю вамъ, стоящимъ у кормила власти, — писалъ онъ, — что Родина, дѣйствительно, наканунѣ безвозвратной гибели, что время словъ, увѣщаній и пожеланій прошло... Необходимо немедленное введеніе смертной казни... Мѣры кротости правительственной, расшатывая въ арміи дисциплину, стихійно вызываютъ безпорядочную жестокость ничѣмъ не сдержанныхъ массъ, и стихія эта проявляется въ буйствахъ, насиліяхъ, грабежахъ, убійствахъ... Смерть не только отъ вражеской пули, но и

отъ руки своихъ непрестанно летаетъ надъ арміей. Смертная казнь спасетъ многія невинныя жизни цѣной гибели измѣнниковъ, предателей и трусовъ».

Подъ этимъ требованіемъ Корнилова подписался комиссаръ арміи, старый революціонеръ Борисъ Савинковъ.

Позорная смерть предателямъ и дезертирамъ неизбѣжна. Ибо чѣмъ защищаться отъ тѣхъ, которые сами обрекаютъ на смерть вѣрныхъ воиновъ, а съ ними обрекаютъ на гибель и свою родину? Каждый воинъ долженъ быть увѣренъ, что рядомъ съ нимъ, локоть къ локтю, вѣрные товарищи, и что, если ему и суждено пасть, то въ честномъ бою, а не отъ руки измѣнника. Долженъ быть увѣренъ и въ томъ, что его жертва не будетъ напрасна, что требованіе, предъявляемое Верховной властью ко всей арміи непреложно настолько, что солдатъ, не исполнившій своего высшаго долга передъ родиной, не достоинъ называться ея сыномъ, не достоинъ дышать ея воздухомъ. Конечно, трусъ всегда можетъ скрыться въ тылу, безнаказанно перебѣжать къ противнику или сдаться въ плѣнъ при первой же стычкѣ, но смертная казнь на фронтѣ, гдѣ и такъ все дышетъ смертью, не столько устрашаетъ, сколько знаменуетъ собою непреклонную волю націи къ полной побѣдѣ надъ врагомъ. Не подчиниться такому велѣнію сможетъ только тотъ, кто отрекся отъ своего отечества, или тотъ, кто свою жизнь поставилъ выше бытія государства. И когда большевики предали Россійскую націю во имя интернаціонала, то за ними въ первую голову пошли дезертиры, преступившіе законъ отечества.

Временное правительство пошло на уступки и удовлетворило требованія Корнилова. Достаточно было нѣсколькихъ смертныхъ приговоровъ, утвержденныхъ Корниловымъ, какъ войска, почувствовавъ твердую власть, стали постепенно приходить въ порядокъ. Ихъ боеспособность вернулась, противникъ былъ остановленъ.

За все это время Корниловцы не имѣли ни одного дня отдыха. Отрядъ перебрасывали по всему фронту въ наиболѣе угрожаемыя мѣста, и только однажды, когда было приказано итти на выручку 47-ой дивизіи, третья рота, подъ вліяніемъ агитаціи, вдругъ заколебалась и отказалась

выступить. По постановленію всего отряда она была немедленно расформирована.

Корниловцамъ пришлось побывать во всѣхъ корпусахъ 8-ой арміи. Были корпуса, въ которыхъ на довольствіи числилось тысячъ 20, а штыковъ на боевомъ участкѣ оказывалось не болѣе 800. Были и такіе корпуса, которые совсѣмъ бросали свои окопы. Подъ Трембовлей, когда бѣжали финляндскіе полки, а противникъ шелъ какъ на парадѣ, безъ выстрѣла, Корниловцы развернули всего двѣ роты и сразу возстановили положеніе.

Приходилось Корниловцамъ крутыми мѣрами останавливать и возвращать въ окопы даже славнѣйшіе русскіе полки...

Наконецъ, 22-го іюля Корниловскій отрядъ сталъ на отдыхъ въ гор. Проскуровѣ и немедленно приступилъ къ развертыванію въ полкъ. Слава отряда уже разнеслась по Россіи, и къ нему на пополненіе пришли издалека два отряда, сформированные на тѣхъ же добровольческихъ началахъ: Пермскій батальонъ чести поручика Конишевскаго и легіонъ смерти поручика Кондратьева.

11-го августа 1917 года генералъ Корниловъ, уже ставшій къ этому времени Верховнымъ Главнокомандующимъ, подписалъ приказъ № 796, параграфъ первый котораго гласилъ:

«Корниловскій Ударный отрядъ считать переформированнымъ въ четырехбатальонный полкъ съ 1 августа с.г.»

Съ этого дня ведетъ свое старшинство Корниловскій Ударный полкъ — самый молодой полкъ Россійской Арміи и самый старѣйшій всей Добровольческой.

16-го августа всѣ Корниловцы за свои бои на Юго-Западномъ фронтѣ были награждены Георгіевскими крестами. Командующій 7-й арміей каждому Корниловцу прикололъ на груди символъ храбрости и жертвенности за свое отечество.

IV

ГЕНЕРАЛЪ КОРНИЛОВЪ

Юго-Западный фронтъ рѣшительными мѣрами Корнилова, а также доблестью Корниловцевъ и сформированныхъ по ихъ образцу другихъ ударныхъ отрядовъ былъ возстановленъ. Но Западный и Сѣверный фронты разрушались. Вмѣсто военныхъ дѣйствій шло непрерывное «братанье». Отдѣльные полки заключали съ нѣмцами мирные договоры «безъ аннексій», но только со стороны Россіи, сами же полки обратной передачи захваченныхъ Германіей русскихъ городовъ и земель не требовали. Соглашались полки даже на «контрибуцію» въ пользу нѣмцевъ «по двѣсти рублей съ брата». Въ любой моментъ вражескія силы могли прорвать нашъ фронтъ, захватить Ригу и угрожать Петрограду.

За это грозное время, наканунѣ полной гибели русской арміи, тылъ продолжалъ торжествовать свою побѣду надъ «старымъ режимомъ». Точно сквозь прорвавшуюся плотину неудержимо лились рѣчи. Восхваляли «великую и безкровную революцію», провозглашали свободу, умиляясь своей терпимостью къ крайнимъ лѣвымъ партіямъ, призывали всѣ народы къ любви и братству, мечтали озарить весь міръ своимъ революціоннымъ свѣтомъ. Слова звенѣли, какъ пустыя склянки.

Въ упоеніи отъ собственныхъ рѣчей весь успѣхъ іюньскаго наступленія 8-ой арміи Корнилова приписали силѣ своего краснорѣчія. Керенскій предложилъ князю Львову наименовать начавшіе наступленіе полки «полками 18 іюня» и вручить имъ «красныя знамена революціи».

И вдругъ среди этого неумолчнаго стрекотанья, какъ

набатъ, прозвучалъ голосъ Корнилова: «Армія бѣжитъ, Отечество гибнетъ»... Вздрогнули всѣ тѣ, кто за паутиной словъ еще видѣлъ дорогой ликъ Россіи. Встревоженная мысль заметалась въ поискахъ вождя, способнаго возстановить боевую силу арміи. Корниловъ уже справился съ анархіей на Юго-Западномъ фронтѣ, и не онъ ли тотъ, кто можетъ возглавить армію и взять судьбы обновленной Россіи въ свои руки? Все прошлое Корнилова заставляло вѣрить ему.

Лавръ Георгіевичъ Корниловъ былъ самородкомъ, которыми такъ богата русская земля. Сынъ небогатаго сибирскаго казака-землепашца урывками и по ночамъ послѣ тяжелыхъ дневныхъ работъ самостоятельно учится и готовится въ Сибирскій кадетскій корпусъ. Блестяще кончаетъ корпусъ, Михайловское артиллерійское училище и Академію Генеральнаго Штаба. Вся его служба протекаетъ на востокѣ. Великолѣпно изучаетъ афганскій, персидскій, китайскій и восточные туземные языки. Становится отважнымъ путешественникомъ, 2-мъ Пржевальскимъ. Его изслѣдованія — особенно книга «Кашгарія или Восточный Туркестанъ» — высоко расцѣниваются этнографами. Ученый изслѣдователь въ Корниловѣ сочетается съ блестящимъ полководцемъ. Онъ отличается на Японской и Великой войнѣ.

Корниловъ весь сказался въ четырехъ яркихъ эпизодахъ его жизни:

Когда онъ служилъ на Афганской границѣ, однажды услышалъ онъ отъ своего начальника генерала Іонова сѣтованія, что нѣтъ никакой возможности выяснить характеръ укрѣпленій крѣпости Дейдади, выстроенной афганцами противъ нашего стратегическаго пункта. Корниловъ ничего не сказалъ и только попросилъ дать ему трехдневный отпускъ.

Переодѣвшись афганцемъ, Корниловъ съ однимъ туркменомъ переплылъ на бурдюкахъ пограничную бурную Аму-Дарью. Всю ночь скакалъ до крѣпости. Утромъ около крѣпости его останавливаетъ афганскій офицеръ:

— Кто ты?

Корниловъ отвѣчаетъ:

— Великій Абдерхманъ, эмиръ Афганистана, собираетъ всадниковъ въ конный полкъ. Я ѣду къ нему.

— Да будетъ благословенно имя Абдерхмана,— говоритъ офицеръ.

Ровно черезъ три дня капитанъ Корниловъ возвращается обратно и передаетъ своему изумленному генералу пять фотографическихъ снимковъ съ крѣпости, кроки мѣстности и подробный докладъ о характерѣ укрѣпленій.

. . . .

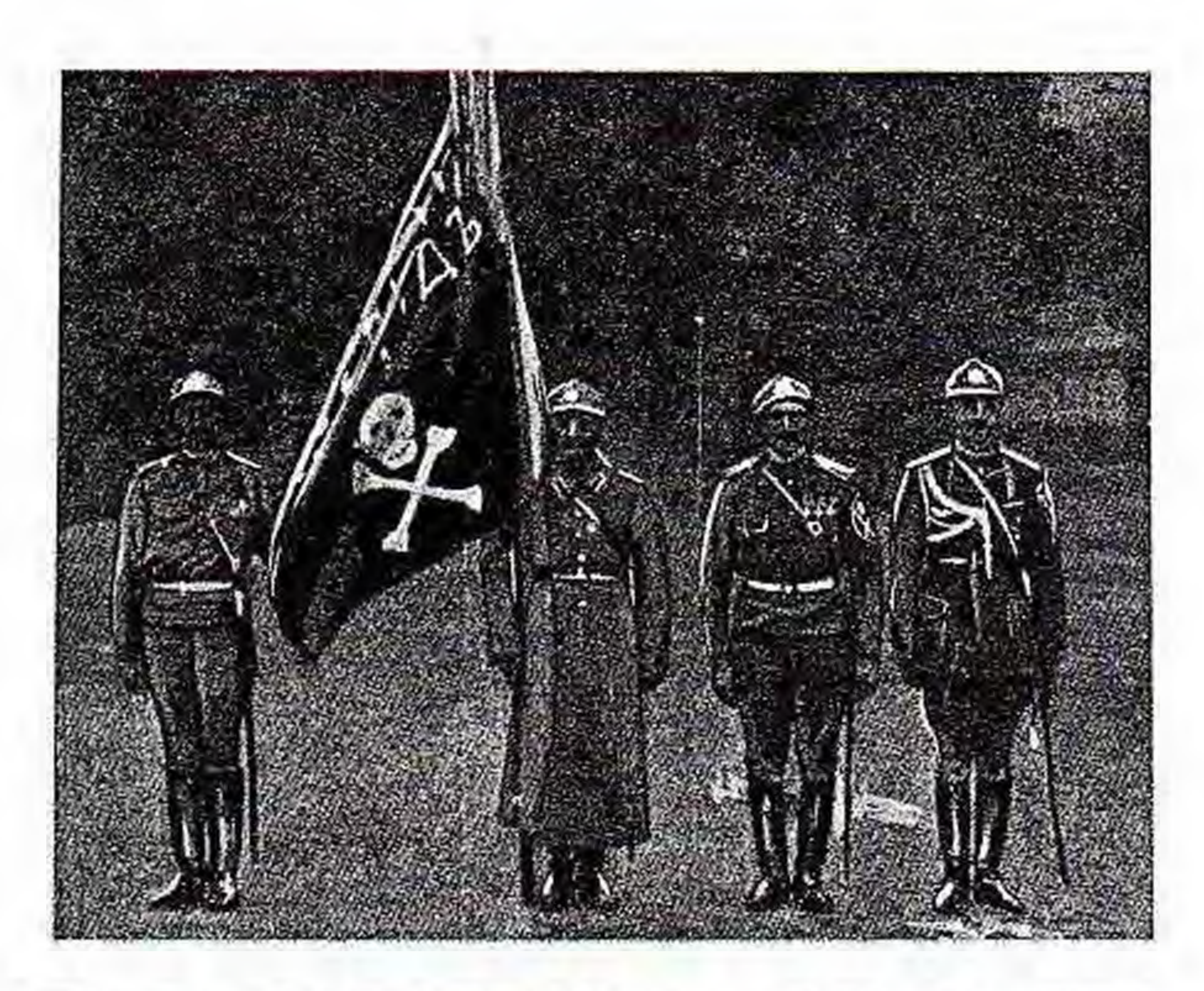
Въ Персіи Корниловъ былъ первымъ и единственнымъ человѣкомъ, который отважился пройти черезъ всю безводную и знойную пустыню, прозванную персами «Степью Отчаянія» и значившуюся на картахъ подъ именемъ «неизслѣдованныхъ земель». Путешествіе Корнилова длилось семь мѣсяцевъ.

. . . .

На великой войнѣ Корниловъ командовалъ 48-й пѣх. дивизіей, называвшейся ранѣе Суворовской. Эта дивизія при Корниловѣ скоро получила названіе «стальной». Съ нимъ она дошла до Карпатъ. Прошла черезъ хребты и ущелья и нависла надъ Венгерской долиной. Но армія Брусилова уже покидала Карпаты. Отступала безъ снарядовъ. Корниловъ долженъ былъ прикрывать отступленіе. Его дивизія билась на два фронта — противъ австрійцевъ и нѣмцевъ, пытавшихся ее окружить. Корниловъ раненъ въ руку, но остается въ строю. Выигравъ время для отхода нашей арміи, Корниловъ отправляетъ на соединеніе съ ней три полка своей дивизіи, а самъ остается съ Рымникскимъ полкомъ прикрывать и этотъ отходъ. Двое сутокъ онъ выдерживаетъ непріятельскія атаки, а когда не осталось патроновъ, Рымникскій полкъ идетъ въ послѣднюю штыковую атаку и разрываетъ непріятельское кольцо. Корниловъ опять остается въ арьергардѣ, но только съ одной ротой и съ этой горстью героевъ, спасая полкъ, держится четверо сутокъ. Отъ роты остается семь человѣкъ, съ ними лежитъ тяжело раненый въ ногу съ раз-

Пріѣздъ Верховнаго Главнокомандующаго Генерала КОРНИЛОВА въ Москву на государственное совѣщаніе.

Первое знамя Корниловскаго уд. полка. Адъютантъ полка поручикъ князь УХТОМСКІЙ.

Группа первыхъ Корниловцевъ въ ст. С. Егорлыцкой. въ іюнѣ 1918 г.

дробленіемъ кости генералъ Корниловъ. Ихъ берутъ въ плѣнъ.

. . . .

Корниловъ въ плѣну. Но его воля не сломлена. Онъ изучаетъ нѣмецкій языкъ и разрабатываетъ планъ побѣга. Всѣ попытки Корнилова бѣжать изъ плѣна пресѣкаются. Его переводятъ изъ одного лагеря въ другой и, наконецъ, выбираютъ для него мѣсто наиболѣе глухое и отдаленное отъ границъ И все-таки Корниловъ, еще не совсѣмъ оправившійся отъ раненія и потери крови, бѣжитъ отсюда со своимъ часовымъ, чехомъ Францемъ Мрнякомъ. Въ изодранной одеждѣ, безъ пищи, пробирались они по лѣсамъ и ущельямъ. Всѣ деревни обходили стороной. Чехъ не выдержалъ голода и, какъ его ни отговаривалъ Корниловъ, пошелъ въ одну деревню за хлѣбомъ, гдѣ тотчасъ былъ арестованъ, а потомъ и разстрѣлянъ. Корниловъ продолжалъ путь одинъ. Черезъ 48 дней добрался до пограничной съ Румыніей рѣки. Подъ обстрѣломъ часовыхъ ее переплываетъ. Генералъ Корниловъ возвращается въ Россію.

. . . .

За свои бои на Карпатахъ Корниловъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени, а сибирскіе казаки изъ станицы Каркалинской прислали своему доблестному станичнику натѣльный крестъ и сто рублей награды.

— Этотъ не выдастъ,— говорили про Корнилова солдаты.

— Да, этотъ генералъ сумѣетъ возродить русскую армію,— думали не только офицеры, но и многіе общественные дѣятели, и подъ ихъ давленіемъ Временное Правительство 19-го іюля назначило Корнилова Верховнымъ Главнокомандующимъ.

Армія получила вождя.

V.

КОРНИЛОВЪ И КЕРЕНСКІЙ.

Генералъ Корниловъ, принимая должность Верховнаго Главнокомандующаго, поставилъ непремѣннымъ условіемъ «распространеніе принятыхъ въ послѣднее время мѣръ на фронтѣ и на тѣ мѣстности тыла, гдѣ расположены пополненія арміи». Правительство дало «принципіальное» согласіе, но разнузданная солдатская тыловая масса, вмѣстѣ съ выразителемъ ея настроеній совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ,яростно обрушилась на «контръреволюціонера» Корнилова. Керенскій — министръ-предсѣдатель, считая себя представителемъ «революціонной демократіи», все время оглядываясь на нее и гоняясь за популярностью слѣва, всячески оттягивалъ разрѣшеніе вопроса объ оздоровленіи тыла. Чѣмъ тверже и рѣшительнѣе настаивалъ Корниловъ на своемъ требованіи,тѣмъ все болѣе Керенскій начиналъ опасаться новаго Верховнаго; въ немъ ему мерещился русскій Бонапартъ, генералъ на бѣломъ конѣ.Ужс черезъ нѣсколько дней послѣ назначенія Корнилова Верховнымъ Главнокомандующимъ Керенскій сталъ подыскивать ему замѣстителя. Слухи объ этомъ быстро распространились и вызвали чрезвычайное волненіе. Совѣтъ союза казачьихъ войскъ, союзъ офицеровъ арміи и флота, союзъ Георгіевскихъ кавалеровъ вынесли постановленіе, что «генералъ Корниловъ не можетъ быть смѣненъ, какъ истинный народный вождь», и что онъ «единственный генералъ, могущій возродить боевую мощь арміи и вывести страну изъ тяжелаго положенія».

Къ этому голосу скоро присоединились общественные дѣятели, противополагавшіе себя «революціонной демо-

кратіи». Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко отъ ихъ имени телеграфировалъ Корнилову:

«Въ грозный часъ тяжелаго испытанія вся мыслящая Россія смотритъ на Васъ съ надеждой и вѣрой. Да поможетъ Вамъ Богъ въ Вашемъ величайшемъ подвигѣ по возсозданію могучей арміи и спасенію Россіи».

Всѣ подобныя заявленія еще болѣе усиливали подозрѣнія и страхъ Керенскаго передъ возможнымъ «Корниловскимъ заговоромъ», и это особенно сказалось на Московскомъ Совѣщаніи, когда глава правительства грозилъ «желѣзомъ и кровью» всѣмъ тѣмъ, «которые думаютъ, что настало время, опираясь на штыки, низвергнуть революціонную власть».

«Революціонную власть» Керенскій отождествлялъ съ самимъ собой. Для спасенія своей власти онъ не скупился на угрозы кровью, но для спасенія России рѣшительныя мѣры, предлагаемыя Корниловымъ, содрогали его душу.

«Развѣ вы не знаете, — трагически вопрошалъ Керенскій, — что въ тотъ часъ, когда была возстановлена смертная казнь на фронтѣ, была убита частица нашей человѣческой души? Но эта мѣра въ тылу — великое искушеніе... и пусть никто не осмѣливается въ этомъ пунктѣ намъ ставить какія-либо требованія. Мы этого не допустимъ»...

На послѣднемъ засѣданіи Московскаго Совѣщанія, послѣ того, какъ передъ слушателями встала вся ужасная картина развала фронта и тыла, Керенскій снова вернулся къ вопросу объ оздоровленіи тыла. Но какъ онъ говорилъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ участникъ Совѣщанія профессоръ П. Н. Милюковъ:

«Ораторъ какъ бы впалъ въ своего рода трансъ. Прерывающимся голосомъ, который отъ истерическаго крика падалъ до трагическаго шопота, А. Ф. Керенскій грозилъ воображаемому противнику, пытливо отыскивая его въ залѣ воспаленнымъ взглядомъ лихорадочно блестѣвшихъ глазъ и пугая гибелью собственной души.

«Отъ него требуютъ суровыхъ методовъ въ управленіи? Да, можетъ быть, его приведутъ къ этому! Его принудятъ вырвать изъ души и растоптать цвѣты, и сердце его станетъ, какъ камень!..

«Нѣтъ, Александръ Федоровичъ, вы этого не сдѣлаете!» — раздался изъ ложи истерическій женскій голосъ» *).

Александръ Федоровичъ такъ этого и не сдѣлалъ...

На то же Московское Совѣщаніе пріѣхалъ и генералъ Корниловъ. Москва встрѣтила его восторженно. Думскій депутатъ Ф. И. Родичевъ сказалъ рѣчь. Онъ говорилъ:

«Вы теперь символъ нашего единства. Въ вѣрѣ въ васъ мы сходимся всѣ, вся Москва. Мы вѣримъ, что во главѣ обновленной русской арміи вы поведете Русь къ торжеству надъ врагомъ, и что кличъ — да здравствуетъ генералъ Корниловъ! — теперь кличъ надежды — сдѣлается возгласомъ народнаго торжества. Спасите Россію, и благодарный народъ увѣнчаетъ васъ»...

Офицеры и юнкера вынесли Корнилова съ вокзала на рукахъ. Весь автомобиль былъ забросанъ цвѣтами.

— Я не теноръ, — сказалъ Корниловъ и приказалъ убрать цвѣты.

Около московской святыни — Иверской Богоматери — Корниловъ сошелъ съ автомобиля и преклонилъ колѣни на ступенькахъ часовни. И вдругъ по всей площади передъ часовней пронесся шелестъ — многотысячная толпа, встрѣчавшая Корнилова, тоже опустилась на колѣни. Въ полной тишинѣ изъ часовни доносилось пѣснопѣніе:

— Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебѣ, Владычице...

. . . .

Вся рѣчь Корнилова на Совѣщаніи была пронизана острою болью за армію и родину. Говорилъ онъ краткими, какъ въ приказахъ, фразами.

«Съ глубокою скорбью я открыто заявляю, — началъ Корниловъ, — у меня нѣтъ увѣренности, чтобы русская армія исполнила безъ колебанія свой долгъ передъ Родиной»...

Далѣе Корниловъ приводилъ ужасающіе факты «неслыханнаго развала» войскъ и указывалъ на преступное

---

*) П. Н. Милюковъ: «Исторія второй русской революціи», т. I, вып. 2-ой, стр. 147.

отношеніе тыла къ фронту. Производительность заводовъ, работающихъ на оборону, рѣзко упала, продовольственныя заготовки сократились настолько, что войска, особенно на Кавказскомъ фронтѣ, теперь часто испытываютъ голодъ. Приходящія пополненія дѣлаютъ армію еще болѣе неустойчивой. Постоянные митинги открываютъ непріятелю военныя тайны. Корниловъ предсказывалъ скорое паденіе Риги. Несмотря на все это, Корниловъ не отчаивался въ разумѣ русскаго народа и вѣрилъ въ его свѣтлое будущее, но теперь, въ настоящее время, необходимо немедленное безотлагательное проведеніе всѣхъ мѣръ, указанныхъ имъ въ его докладахъ по оздоровленію тыла.

«Впечатлѣніе отъ рѣчи Корнилова, — свидѣтельствуетъ Милюковъ, — было громадное и крайне подавляющее»*).

Черезъ нѣсколько дней послѣ Московскаго Совѣщанія мрачныя предсказанія Корнилова сбылись: нѣмцы съ легкостью прорвали Сѣверный фронтъ и взяли Ригу. Въ то же время въ тылу нѣмецкіе агенты взорвали въ Казани огромный военный заводъ со складами боевыхъ припасовъ, желѣзнодорожники готовили въ концѣ августа общую забастовку, а большевики возстаніе.

Грозящая родинѣ гибель могла быть предотвращена только твердой и рѣшительной властью. На верхахъ власти въ это время были — министръ-предсѣдатель Керенскій и Верховный Главнокомандующій Корниловъ. Передъ Россіей стояло два пути — итти за Корниловымъ или за Керенскимъ. Судьбы Россіи качались, какъ чаши вѣсовъ...

Корниловъ вышелъ изъ народныхъ глубинъ, Керенскій — изъ круговъ типичной интеллигенціи.

Первый былъ человѣкъ дѣйствія, второй — человѣкъ фразы.

Первый — сжатая пружина воли, готовая развернуться при всякой опасности, второй — обнаженный комокъ нервовъ, подхлестываемыхъ «медицинскими средствами».

---

*) П. Н. Милюковъ: «Исторія второй русской революціи», т. I, вып. 2-ой, стр. 138.

Первый служилъ Россіи, второй — революціи.

Первый выдвинулся за свои боевыя заслуги, второй былъ вынесенъ наверхъ революціонной волной.

Корниловъ всю свою жизнь провелъ съ солдатами, любилъ ихъ, но говорилъ: «надо заставить солдатъ чистить казарму. Иначе, иначе демократія захлебнется въ собственныхъ нечистотахъ». Керенскій, совершенно не знавшій солдатъ и даже не отбывавшій воинской повинности, становится въ позу ихъ защитника и вводитъ въ армію «декларацію правъ солдата», подрывающую всю дисциплину.

Въ моментъ величайшихъ потрясеній вождь арміи полонъ тревоги за отечество и армію, вождь «революціонной демократіи» полонъ подозрѣній и страха за революцію и свою власть.

Одинъ говоритъ: «я лично не стремлюсь къ власти и готовъ подчиниться тому, кому будутъ вручены диктаторскія полномочія». Другой неустанно твердитъ: «я имъ революціи не отдамъ».

Одинъ хочетъ спасти родину, другой спасаетъ «завоеванія революціи».

Корниловъ становится символомъ родины, Керенскій — символомъ революціи.

Неизбѣжное столкновеніе между этими двумя столь противоположными людьми разразилось.

Началось оно такъ:

Савинковъ — военный министръ — отъ имени Керенскаго просилъ прислать войска въ Петроградъ на случай выступленія большевиковъ. Корниловъ послалъ конный корпусъ подъ начальствомъ генерала Крымова.

Вслѣдъ за Савинковымъ пріѣзжаетъ въ Ставку бывшій членъ Временнаго Правительства оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода В. Н. Львовъ и тоже отъ имени Керенскаго говоритъ съ Корниловымъ о реконструкціи власти. Корниловъ повторяетъ свою неизмѣнную точку зрѣнія о необходимости установленія диктатуры, а для окончательнаго обсужденія этого вопроса проситъ Керенскаго и Савинкова пріѣхать въ Ставку.

26-го августа Львовъ возвратился въ Петроградъ и передалъ Керенскому пожеланія Корнилова. Выслушавъ

Львова, Керенскій вдругъ вообразилъ, что онъ, наконецъ, раскрылъ «Корниловскій заговоръ». Вся картина этого заговора ему стала ясна: конный корпусъ посланъ для политическаго переворота въ Петроградѣ, глава правительства вызывается въ Ставку для ареста, а пожеланія Корнилова, переданныя черезъ Львова, ультимативныя требованія Ставки.

Вечеромъ того же 26-го августа Керенскій по телеграфу приказалъ Корнилову сложить съ себя званіе Верховнаго Главнокомандующаго и выѣхать въ Петроградъ. Корниловъ отказался.

Что же произошло на самомъ дѣлѣ между Корниловымъ и Керенскимъ?

«Великая провокація» — по словамъ Корнилова.

«Великое преступленіе Генерала» — по утвержденію Керенскаго.

«Въ основѣ событій, разыгравшихся 26-го августа, лежитъ недоразумѣніе» — говорили ближайшіе сотрудники Керенскаго.

Непосредственный свидѣтель этихъ событій профессоръ Милюковъ считаетъ, что Керенскій въ этотъ день «потерялъ способность спокойной и холодной оцѣнки», а его душевное состояніе, подготовленное долгими мѣсяцами подозрѣній и страха, представляло собою «совершенно клиническую картину».

«Понималъ ли Керенскій въ эту минуту, — спрашиваетъ Милюковъ, — что, объявляя себя противникомъ Корнилова, онъ выдаетъ Россію Ленину? Понималъ ли онъ, что данный моментъ — послѣдній, когда схватка съ большевиками могла быть выиграна для правительства...

«Вопреки обѣщанію, данному въ Москвѣ: погубить душу, а родину спасти, Керенскій душу свою спасъ, а погубилъ родину, «отдавъ революцію» тѣмъ другимъ, о которыхъ самъ зналъ, что они ведутъ Россію къ гибели...

«Если можно сосредоточить въ одной хронологической точкѣ то «преступленіе» Керенскаго передъ Россіей, о которомъ такъ много говорили, то это «преступленіе» было совершено въ эту минуту, вечеромъ 26-го августа.

«... 26-ое августа предрѣшило 26-ое октября»...*).

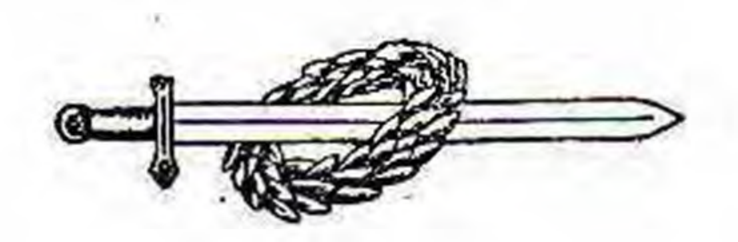
Будущій историкъ при оцѣнкѣ этого рокового дня для Россіи приметъ во вниманіе еще слѣдующее:

Обвиненіе въ мятежѣ и измѣнѣ революціи самого Верховнаго Главнокомандующаго окончательно разложило всю армію. Въ этомъ обвиненіи солдаты сразу нашли оправданіе своему позорному отступленію и полному бездѣйствію на фронтѣ. На всѣхъ митингахъ кричали:

— Генералъ Корниловъ и офицерье нарочно посылали насъ воевать. Они хотѣли набить какъ можно больше народу, чтобы вернуть старый режимъ.

Контръ-революціонными съ тѣхъ поръ стали на фронтѣ всѣ призывы къ защитѣ родины. Контръ-революціоннымъ стало самое слово родина. Произносить это слово уже было нельзя. Кто говорилъ о родинѣ, тотъ считался Корниловцемъ.

Обезглавливаніе русской арміи сразу учло и нѣмецкое командованіе. Когда Керенскимъ былъ арестованъ Верховный Главнокомандующій генералъ Корниловъ, — пишетъ профессоръ полковникъ Зайцовъ, — то «только съ этого времени наши противники стали оголять русскій фронтъ». Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ до Октябрьскаго переворота нѣмцы перебросили съ русскаго фронта во Францію семь дивизій**).

---

*) П. Н. Милюковъ: «Исторія второй русской революціи», т. I, вып. 2-ой, стр. 216-217.

**) Проф. ген. шт. полк. А. Зайцовъ: «1918 годъ». Очерки по исторіи гражданской войны, стр. 18.

VI.

МОГИЛЕВСКІЕ ДНИ.

За нѣсколько дней до отрѣшенія Корнилова отъ арміи Корниловскій полкъ получилъ приказаніе грузиться въ эшелоны для спѣшной переброски на Сѣверный фронтъ, въ мѣстечко Уева для охраны Балтійскаго побережья. Четыре эшелона, одинъ за другимъ на десятиминутномъ разстояніи, выѣхали изъ Проскурова и 25-го августа прибыли въ Могилевъ для дальнѣйшаго слѣдованія, но здѣсь по приказу Верховнаго Корниловцы были выгружены. Стройными рядами трехтысячный полкъ вошелъ въ городъ.

Немедленно Корниловцамъ былъ назначенъ смотръ Верховнымъ Главнокомандующимъ, одновременно съ ними и Георгіевскому батальону, находившемуся при Ставкѣ. До Корниловцевъ уже дошли слухи, что Георгіевцы совершенно распропагандированы мѣстнымъ армейскимъ комитетомъ. Съ особой тщательностью Корниловскій полкъ сталъ готовиться къ смотру. Когда Корниловцы построились, стоявшіе рядомъ Георгіевцы бросали недружелюбные, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасливые взгляды на своихъ сосѣдей. Уже давно никто не видѣлъ такую подтянутую и внушительную воинскую часть...

— Здравствуйте, родные Корниловцы! — раздался знакомый волнующій голосъ.

— Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство! — единодушно загремѣло въ отвѣтъ, и тотчасъ по рядамъ покатились крики ура...

Корниловъ подошелъ къ Георгіевцамъ:

— Здравствуйте, Георгіевцы!

И тутъ совершенно неожиданно для всѣхъ Георгіевцы отвѣтили не «по-революціонному» — здравія желаемъ, господинъ генералъ! — а такъ же, какъ Корниловцы, по «старо-режимному» и тоже съ криками ура.

— Ну и перетрусили же Георгіевцы, — говорили потомъ Корниловцы.

На другой день послѣ смотра ошеломленные Корниловцы узнали о разрывѣ Ставки съ правительствомъ. Сжималось сердце, когда читали обращеніе Корнилова:

«Русскіе люди, великая родина наша умираетъ, близокъ часъ кончины... Очнитесь отъ безумія и вглядитесь въ бездонную пропасть, куда стремительно идетъ Россія!..».

Но эти страшныя слова не дошли до русской арміи. Корниловское воззваніе задерживалъ телеграфъ и комитеты. Зато неслось «всѣмъ, всѣмъ» Керенскаго:

«Товарищи, часъ испытанія вашей вѣрности свободѣ, революціи наступилъ»...

Когда же до фронта докатилось, что Керенскій настаиваетъ на преданіи Корнилова военно-полевому суду, а министръ внутреннихъ дѣлъ Авксентьевъ прямо требуетъ «смертной казни для генерала, который самъ возстановилъ ее въ арміи», то по всему фронту, на всѣхъ митингахъ, разнеслось:

— Смерть Корнилову, смерть измѣнникамъ!

Не усомнились въ своемъ Верховномъ Главнокомандующемъ лишь вѣрные Корниловцы и Текинскій полкъ. Поклялись:

— Умремъ за Корнилова, а его не выдадимъ!

Для подавленія «Корниловскаго мятежа» новый Верховный Главнокомандующій Керенскій приказалъ съ ближайшаго къ Ставкѣ Западнаго фронта двинуть на Могилевъ отрядъ.

Чтобы предотвратить кровопролитіе и распадъ верховнаго управленія арміей при двухъ главнокомандующихъ, генералъ Алексѣевъ согласился принять на себя должность начальника штаба при Керенскомъ и немедленно съ чрезвычайной слѣдственной комиссіей выѣхалъ въ Могилевъ.

Генералъ Корниловъ, тоже больше всего опасаясь за фронтъ, переговорилъ съ Алексѣевымъ и согласился подчиниться правительству, требуя только одного — гласнаго суда надъ собою. Корниловъ вмѣстѣ со своими ближайшими сотрудниками переѣхалъ въ гостинницу Метрополь на положеніе арестованныхъ.

Внѣшнюю охрану арестованныхъ несъ Георгіевскій батальонъ, а внутреннюю охрану Корнилова потребовали себѣ Текинцы, души не чаявшіе въ своемъ «боярѣ», говорившемъ на ихъ языкѣ, какъ на своемъ родномъ.

Потянулись томительные Могилевскіе дни.

Каждый день Корниловцы, возвращаясь съ ученія, съ оркестромъ впереди проходили по улицѣ Метрополя. Изъ окна глядѣлъ Корниловъ. Раздавалась команда:

— Смирно! Равненіе на-лѣво, господа офицеры!

Съ винтовками «на руку» церемоніальнымъ маршемъ шли Корниловцы. Офицеры салютовали шашками.

— Жандармы, контръ-революціонеры... — неслось вслѣдъ Корниловцамъ.

Армейскій комитетъ постановилъ разоружить Корниловскій полкъ.

— Только попробуйте, — отвѣтили Корниловцы.

Тогда комитетъ сталъ выносить постановленія, одно оскорбительнѣе другого, направленныя противъ Корнилова и его «опричниковъ».

Корниловцы не выдержали и отправились за объясненіями въ комитетъ, охраняемый карауломъ отъ Георгіевцевъ. Караулъ не пропускалъ. На шумъ выбѣжалъ предсѣдатель комитета и заоралъ:

— Гони въ шею эту сволочь...

— Ахъ, такъ! — крикнули Корниловцы. Мигомъ смяли караулъ и бросились наверхъ, гдѣ засѣдалъ комитетъ. Члены комитета выпрыгнули изъ оконъ со второго этажа. Упали на стеклянную веранду и сильно порѣзались.

Послѣ этого Корниловцамъ ходить по Могилеву въ одиночку было нельзя. Сплошь и рядомъ происходили нападенія на отдѣльныхъ Корниловцевъ.

Несмотря на такую враждебность Могилевскаго гарнизона, въ Корниловскій полкъ продолжали прибывать

добровольцы. Шли простые русскіе люди, всѣ тѣ, въ комъ загорѣлось національное чувство, кто почувствовалъ себя сыномъ Россіи.

Въ Корниловскую пулеметную команду поступилъ доброволецъ матросъ Черноморскаго флота. Приземистый, широкоплечій, грудь колесомъ, но только съ одной лѣвой рукой, правую потерялъ въ бою на кораблѣ. Его такъ и прозвали «безрукимъ». Съ гордостью сталъ носить «безрукій» Корниловскую форму. Если онъ видѣлъ кучки солдатъ или какой-нибудь митингъ, то сейчасъ же своимъ лѣвымъ плечомъ, какъ тараномъ, расталкивалъ толпу и становился вплотную къ оратору. Слушалъ, понуривъ голову. При первой же заминкѣ оратора подымалъ на него глаза и, глядя въ упоръ, вопрошалъ:

— А Россія?

— Что Россія? — отвѣчалъ озадаченный ораторъ.

— Про Россію почему не говоришь? Погибаетъ Россія, самъ Корниловъ объ этомъ писалъ.

— Ну и спасай Россію со своимъ Корниловымъ...

— Да ужъ, конечно, съ нимъ, а не съ твоимъ аблакатомъ Керенскимъ...

— Вы, товарищъ, потише насчетъ Керенскаго, — вступался какой-нибудь писарекъ. — Керенскій — личность замѣчательная. На стражѣ противъ гидры...

— Чего уже замѣчательнѣе, — прерывалъ «безрукій», — про такихъ личностей у насъ на слободкѣ говорятъ: на лицо, какъ яйцо, а въ середкѣ болтунъ.

Большею частью диспуты «безрукаго» кончались потасовкой. Въ качествѣ послѣдняго довода онъ срывалъ съ головы свою каску и ею начиналъ колотить противниковъ.

Однажды капитанъ Скоблинъ, уже занимавшій должность помощника командира полка, вышелъ изъ канцеляріи полка, какъ вдругъ услышалъ топотъ ногъ и крики: «Георгіевцы безрукаго убили!» Къ городскому саду бѣжали Корниловскіе пулеметчики, выхватывая тесаки. Тамъ

окружили кучку солдатъ Георгіевскаго батальона. Отчаянная ругань, крики — гдѣ безрукій? угрозы — прикончимъ! — висѣли въ воздухѣ. Командиръ во время подбѣжалъ. Поблѣднѣвшіе Георгіевцы оправдывались:

— Да онъ самъ первый началъ насъ колошматить каской...

Въ это время изъ кустовъ вынырнулъ «безрукій», весь въ подтекахъ на лицѣ, и доложилъ командиру:

— Малость поспорили про Россію...

Въ Ставку пріѣхалъ Керенскій. Корниловцы, проходя мимо своего шефа, еще тверже печатали шагъ, еще громче кричали ура... Керенскій рѣшилъ стереть съ полка ненавистное имя Корнилова и потребовалъ переименовать Корниловскій полкъ въ 1-й Всероссійскій ударный полкъ. Корниловцы возмутились и попросили отправить ихъ на французскій фронтъ. Учитывая, что Корниловскій полкъ чуть ли не единственная сохранившаяся воинская часть на всемъ фронтѣ, Керенскій наотрѣзъ отказался выпустить Корниловцевъ за-границу. Въ это время въ Ставкѣ былъ Масарикъ — будущій президентъ Чехо-Словацкой республики. Послѣ переговоровъ съ нимъ было рѣшено, что Корниловскій полкъ войдетъ въ составъ 1-го Чешскаго Гуситскаго корпуса, формируемаго изъ плѣнныхъ чеховъ, и будетъ переименованъ въ «Славянскій ударный полкъ»; но съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ отличій и эмблемъ, вплоть до надписи «Корниловцы».

Чешскій корпусъ стоялъ въ резервѣ Главнокомандующаго Юго-Западнымъ фронтомъ, и Корниловцы получили предписаніе выѣхать туда немедленно. Въ это же время самого Корнилова Ставка рѣшила перевести изъ Могилева въ городокъ Быховъ.

Корниловцы взволновались. Готовы были перебить Георгіевскій батальонъ и арестовать Керенскаго. Корниловъ вызвалъ Нѣженцева и приказалъ подчиниться требованію Ставки. Отказался Корниловъ и отъ прощальнаго парада Корниловскому полку.

Корниловское гнѣздо было разорено. Полкъ былъ оторванъ отъ своего шефа, но глубоко запалъ въ душу

каждаго Корниловца прощальный приказъ бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго:

« Будьте и впредь такими, какіе вы теперь. Всѣ ваши мысли, чувства и силы отдайте Родинѣ, многострадальной Россіи. Живите, дышите только мечтой о ея величіи, счастьѣ и славѣ»...

VII.

АГОНІЯ АРМІИ

Корниловцы уѣхали въ Чешскій корпусъ. Въ русской арміи имъ уже не было мѣста. Ихъ сплоченность, дисциплина, боевой духъ и вѣрность Россіи были непереносимы для разнузданной солдатской массы, еще державшейся скопомъ подъ обликомъ прежнихъ полковъ.

Сначала между Корниловцами и чехами былъ нѣкоторый холодокъ. Чехи плохо говорили по-русски, да и странно было Корниловцамъ чувствовать себя на своей землѣ гостями у иноземцевъ, но натянутость отношеній быстро прошла. Нашелся общій языкъ въ разговорахъ о родинѣ, правда, у чеховъ о своей родинѣ — Чехіи, у Корниловцевъ — о Россіи, но помыслы и складъ души у тѣхъ и другихъ были одинаковы. Нѣсколько чеховъ и словаковъ настолько сроднились съ Корниловцами, что не покинули ихъ рядовъ даже во время гражданской войны. Эти иноземные Корниловцы оставили по себѣ добрую память какъ вѣрные товарищи и храбрые офицеры. Такъ, словакъ Сумасторжичъ, всегда начинавшій свои приказанія словами: «на одинъ разъ», былъ отважнымъ командиромъ пулеметной роты и палъ въ бою съ большевиками на Кубани.

Корниловцамъ отвели раіонъ села Булдычева близъ станціи Печановка. Здѣсь пришлось имъ пережить агонію русской арміи.

Страшна толпа, когда она чувствуетъ свою безнаказанность, толпа вооруженная еще страшнѣе. Мѣстечки стонали отъ жестокихъ погромовъ. Но достаточно было появиться одной ротѣ Корниловцевъ, какъ сотни погромщиковъ, которые могли бы одной своей массой раздавить ро-

ту, разбѣгались во всѣ стороны. На улицахъ оставались разбросанные пожитки, между ними валялись трупы, въ домахъ навзрыдъ рыдали опозоренныя раздѣтыя дѣвушки, матери.

Особо памятенъ остался Корниловцамъ разгромъ имѣнія князя Сангушко. Старый князь былъ заколотъ штыками, его дворецъ разграбленъ. Не былъ пощаженъ и знаменитый княжескій конскій заводъ.

— Рѣжь и коли эту буржуйскую забаву, — кричали въ конюшняхъ — и двадцать бѣлоснѣжныхъ арабскихъ жеребцовъ и кобылицъ были прикончены. Кровь изъ конюшенъ текла ручьями.

— Врѣзалось мнѣ въ память на всю жизнь еще два случая, ничѣмъ необъяснимыхъ по своей безсмысленной жестокости, — разсказывалъ штабсъ-капитанъ Конашевичъ. — Иду я и вижу, какъ около шоссе сидитъ вокругъ костерка кучка солдатъ и что-то жаритъ. Прохожу мимо и вижу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ лежитъ телка. Она медленно задираетъ голову и такъ протяжно, глухо мычитъ. Изъ ея зада былъ вырѣзанъ большой кусокъ мяса. Мерзавцы даже не потрудились ее прирѣзать...

— А другой случай такой: я шелъ по деревнѣ со своей ротой. Противникъ изрѣдка стрѣлялъ тяжелыми снарядами. Всѣ жители попрятались. Навстрѣчу попадались бѣгущіе безъ винтовокъ солдаты съ перекошенными отъ страха мордами. Вдругъ одинъ изъ нихъ подбѣжалъ къ погребу, поднялъ дверцу. Въ глубинѣ погреба сгрудилась цѣлая семья. — Ахъ, такъ вашу такъ, прячтесь! — заоралъ солдатъ, выхватилъ изъ-подъ пояса ручную гранату и бросилъ ее въ погребъ....

Бѣшенство и омерзѣніе заливало Корниловцевъ. Многое еще пришлось имъ перевидать, особенно въ братоубійственной войнѣ, но если спросить ихъ, что они пережили самое тяжелое? — Они отвѣтятъ:

— Ужасна гражданская война... Тяжко было и разставаться съ родиной... Но не было ничего мучительнѣе того времени, когда мы видѣли на великой войнѣ безславную гибель нашей арміи, видѣли русскихъ солдатъ, разбѣгавшихся съ фронта со звѣринымъ оскаломъ на лицахъ....

Теперь подыскиваютъ оправданія этому ужасу. Говорятъ: неизбѣжныя послѣдствія войны, кровь развращаетъ людей... Но вотъ что поражало:

Солдаты, дольше всѣхъ воевавшіе, по многу разъ раненые, были на фронтѣ наиболѣе жалостливы къ людямъ и къ полковому звѣрью. Почти всегда держались въ сторонѣ отъ комитетовъ, этихъ революціонныхъ дрожжей, и отъ всего революціоннаго мѣсива. Старые боевые солдаты были замкнуты, молчаливы, точно познали нѣкую сокровенную тайну...

На митингѣ выступаетъ солдатъ. Только и слышно:

— Довольно намъ воевать, довольно мы кровь проливали...

Его спросишь:

— Да ты, братецъ, давно въ окопахъ?

— Я то?

— Да, ты то.

— Да онъ только что пришелъ съ маршевой ротой, — отвѣтитъ кто-нибудь изъ старыхъ солдатъ и добавитъ, — а вѣдь смотри, какъ разоряется...

Война — грозное бѣдствіе, но не фронтъ развращаетъ людей — какъ можетъ развратить человѣческія души вѣрность законамъ Отечества, жертва за други своя, вѣнчаніе кровью и честью на полѣ бранномъ? — людей развращаетъ ихъ собственная трусость и распаленное воображеніе тыла объ ужасахъ войны. Но распаленное воображеніе и самую любовь претворяетъ въ развратъ.

На войнѣ владычествуетъ смерть. Для тыла нѣтъ ничего болѣе гнетущаго, чѣмъ смерть, для фронта нѣтъ ничего болѣе торжествующаго, чѣмъ преодолѣніе страха смерти...

VIII.

ВЪ КІЕВѢ

Въ концѣ сентября Корниловцы со 2-мъ Чехо-Словацкимъ полкомъ, подъ общей командой полковника Леонтьева, спѣшно были переброшены въ Кіевъ.

Весь Кіевъ бурлилъ. Сепаратическія теченія украинскихъ націоналистовъ усиливались. «Союзъ освобожденія Украины», для достиженія національной независимости, хотя бы путемъ первоначальной оккупаціи центральными государствами, дошелъ до того, что послалъ привѣтственную телеграмму австрійскому генералу Пухало съ пожеланіемъ «дальнѣйшаго побѣднаго напора славной австро-венгерской арміи въ самое сердце Украины, Кіевъ, во славу Его Величества Императора Франца-Іосифа». Позднѣе украинскіе націоналисты объявили, что они противъ «затягивающей эту бойню буржуазіи» и потребовали отъ Временнаго Правительства немедленно приступить къ мирнымъ переговорамъ и заключить на всѣхъ фронтахъ перемиріе.

Въ концѣ концовъ украинцы объединились съ большевиками и подъ руководствомъ генеральнаго секретаря Петлюры и большевицкаго комиссара Пятакова подняли возстаніе противъ Временнаго Правительства. Правительственный комиссаръ докторъ Леонтьевъ отъ имени Временнаго Правительства вызвалъ къ себѣ на помощь Корниловцевъ и чеховъ.

По прибытіи въ Кіевъ отряда полковн. Леонтьева, Чехо-Словацкій полкъ остался въ предмѣстьѣ Кіева, а Корниловцы должны были размѣститься въ Константиновскомъ военномъ училищѣ. Когда Корниловцы шли по городу и

проходили мимо арсенала, ихъ удивило, что около него толпятся вооруженные рабочіе. Только въ самомъ училищѣ Нѣженцевъ узналъ, что арсеналъ захваченъ большевиками. Корниловцы немедленно приняли мѣры предосторожности и выставили сторожевое охраненіе. Въ ту же ночь большевики повели наступленіе на Константиновское училище, но сразу были отбиты. Въ теченіе трехъ дней большевики каждый вечеръ повторяли свои попытки захватить училище, обстрѣливали его даже артиллерійскимъ огнемъ, но были всегда отбрасываемы съ большимъ для себя урономъ. Здѣсь былъ убитъ командиръ 10-ой роты поручикъ Григорьевъ.

Пытались и украинцы обезоружить Корниловцевъ. Украинскій Георгіевскій полкъ черезъ парламентеровъ предложилъ Нѣженцеву сдать оружіе. Нѣженцевъ отвѣтилъ классической фразой — придите и возьмите. Украинцы пошли въ атаку, но потерпѣли пораженіе. Были и у Корниловцевъ убитые и раненые.

Окруженные со всѣхъ сторонъ Корниловцы оказались отрѣзанными отъ полковника Леонтьева и штаба округа. Чехи подъ вліяніемъ комиссара Максы объявили нейтралитетъ и уѣхали обратно. Начальникъ отряда тоже бросилъ Корниловцевъ на произволъ судьбы. Правительственный комиссаръ заявилъ, что «выступленіе правительственныхъ войскъ въ Кіевѣ противъ большевиковъ натолкнулось на національное украинское движеніе, на что онъ не шелъ, а потому онъ приступаетъ къ переговорамъ о выводѣ правительственныхъ войскъ.»

Власть въ Кіевѣ окончательно перешла къ Центральной Радѣ въ блокѣ съ большевиками, и начальникъ украинскаго штаба полковникъ Павлюченко не нашелъ ничего лучшаго, какъ предложить Корниловцамъ перейти въ подчиненіе Украинской Радѣ и стать ея сердюцкимъ (гвардейскимъ) полкомъ. Нѣженцевъ только разсмѣялся и потребовалъ или отправить его полкъ на Донъ или же снова въ Чешскій корпусъ. Порѣшили на послѣднемъ. Но, опасаясь расправы украинцевъ съ юнкерами Константиновскаго училища, которые все время помогали Корниловцамъ,

Нѣженцевъ настоялъ, чтобы предварительно, до отъѣзда Корниловцевъ, было отправлено въ Екатеринодаръ все училище. И только когда юнкера со своимъ начальникомъ генераломъ Чокаревымъ были погружены въ эшелоны, Нѣженцевъ облегченно вздохнулъ.

Корниловцы, пріѣхавъ на свою прежнюю стоянку, немедленно возстановили связь съ генераломъ Корниловымъ. Сообща съ нимъ былъ выработанъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій для встрѣчи на Дону. Увѣренности у Корнилова, что ему удастся благополучно вырваться изъ Быховской тюрьмы, конечно, не могло быть, и онъ на прощанье послалъ Корниловцамъ образъ съ препроводительнымъ письмомъ на имя Нѣженцева. Въ этомъ письмѣ Корниловъ писалъ:

«Съ твердою увѣренностью въ непоколебимой вѣрности полка завѣтамъ, на основѣ которыхъ онъ зародился, я шлю ему образъ, которымъ епископъ благословилъ меня, какъ старшаго изъ Корниловцевъ. Шлю полку мое благословеніе на новые ратные подвиги за честь Россіи и ея арміи и мой сердечный горячій привѣтъ Вамъ, всѣмъ офицерамъ и солдатамъ.»

Наконецъ, 25-го ноября изъ Ставки былъ полученъ приказъ о переброскѣ Корниловцевъ на Кавказскій фронтъ. Нѣженцевъ выѣхалъ впередъ, а его полкъ сталъ спѣшно готовиться къ погрузкѣ на станціи Печановка.

Уже головная часть полкового обоза подтягивалась къ станціи, какъ оставшійся замѣстителемъ Нѣженцева капитанъ Скоблинъ неожиданно получилъ отъ генерала Духонина новое приказаніе о пріостановкѣ погрузки. Это приказаніе Скоблинъ немедленно разослалъ съ конными по всѣмъ батальонамъ, растянувшимся на походѣ, а самъ еще оставался въ штабѣ полка — въ домѣ одного священника. Уже темнѣло. Вдругъ всѣ комнаты озарились яркимъ свѣтомъ.

— Батя, пожаръ, видно сѣно вспыхнуло,— крикнулъ Скоблинъ, но въ это мгновеніе донеслись громовые раскаты. Всѣ выскочили на улицу. Огромный столбъ пламени надъ станціей. Небо колыхалось отъ ежеминутныхъ взры-

вовъ. При станцiи были взорваны громадные склады со снарядами. Отъ станцiи, отъ поѣздныхъ составовъ и близлежащаго поселка не осталось камня на камнѣ. Охранная рота при складахъ, станцiонные служащiе и мѣстные жители были убиты. Опоздай Скоблинъ остановить во-время свой полкъ, не остался бы въ живыхъ и никто изъ Корниловцевъ.

IX.

НА ДОНУ

На одномъ изъ прифронтовыхъ митинговъ Керенскій восклицалъ:

— Если вамъ предстоитъ почетная смерть на глазахъ всего міра, позовите меня: я пойду съ ружьемъ въ рукахъ впереди васъ... Впередъ! На борьбу за свободу! Не на пиръ, а на смерть я зову васъ... Мы, дѣятели революціи, имѣемъ право на смерть...

Рѣшительный часъ «борьбы за свободу» насталъ 26-го октября. Ночью въ Петроградѣ большевики подняли возстаніе. Верховный Главнокомандующій Керенскій, оставивъ въ Зимнемъ Дворцѣ свое безпомощное правительство подъ защитой юнкеровъ и женскаго ударнаго батальона, рано утромъ умчался на автомобилѣ въ Гатчину. Оттуда черезъ нѣсколько дней онъ безслѣдно исчезъ. На должность Верховнаго Главнокомандующаго автоматически вступилъ начальникъ штаба генералъ Духонинъ. Большевики, захвативъ власть, стали подготовлять экспедицію для ликвидаціи Ставки и «Быховскихъ узниковъ». Во главѣ экспедиціи былъ поставленъ Крыленко, назначенный совѣтскимъ правительствомъ Верховнымъ Главнокомандующимъ.

Генералъ Духонинъ, получивъ свѣдѣнія о движеніи большевицкаго отряда на Могилевъ, 1-го декабря послалъ Корнилову телеграмму, въ которой совѣтовалъ ему и всѣмъ арестованнымъ съ нимъ генераламъ спѣшно уѣзжать на Донъ, чтобы избѣжать въ Быховѣ большевицкаго самосуда. Самъ Духонинъ рѣшилъ остаться на своемъ посту до конца.

Послѣ совмѣстнаго обсужденія и по настоянію Корнилова, оставшіеся съ нимъ подъ арестомъ генералы Деникинъ, Лукомскій, Марковъ и Романовскій выѣхали изъ Быхова рано утромъ 2-го декабря, а въ 10 часовъ вечера того же дня Корниловъ вышелъ къ своимъ Текинцамъ и во главѣ ихъ двинулся въ Донскую область.

Передъ своимъ отъѣздомъ Корниловъ отправилъ Духонину телеграмму:

«Доношу Вамъ, что сегодня покинулъ Быховъ и отправляюсь на Донъ, чтобы тамъ снова начать, хотя бы рядовымъ борцомъ, безпощадную борьбу съ предателями родины».

Георгіевскій батальонъ, уже понявшій всю правоту Корнилова, обступилъ его и провожалъ пожеланіями:

— Счастливаго пути, господинъ генералъ! Ура генералу...

Большевики, узнавъ о бѣгствѣ «Быховскихъ узниковъ», немедленно отдали распоряженіе выслѣдить, по какимъ путямъ двигается Текинскій полкъ и отправить въ догонку ему красные отряды и бронепоѣзда.

Приближалась зима. Наступила гололедица, кони подбились. Вскорѣ большевики настигли Текинцевъ. Текинскій полкъ попадалъ то подъ огонь бронепоѣздовъ, то въ засады. Такъ прошли 400 верстъ. Послѣ одной переправы черезъ рѣку Сеймъ, полкъ попалъ въ полузамерзшее болото и потерялъ много коней. Корниловъ, не желая больше подвергать опасности своихъ вѣрныхъ Текинцевъ, снялъ съ нихъ клятву не оставлять его, распрощался съ ними и, переодѣвшись въ крестьянскій зипунишко, сѣлъ въ поѣздъ на одной изъ глухихъ станцій.

На другой же день послѣ ухода Корнилова изъ Быхова, Духонинъ былъ звѣрски убитъ въ Могилевѣ матросами изъ отряда Крыленко. Самъ Крыленко безучастно глядѣлъ изъ окна своего вагона на гибель послѣдняго Верховнаго Главнокомандующаго россійской арміей. Всякая связь Корниловцевъ съ прежней Ставкой была порвана, и они рѣшили принять собственныя мѣры къ переѣзду на Донъ. Съ разрѣшенія казаковъ, проѣзжавшихъ эшелонами на Донъ, Корниловцы стали съ ихъ поѣздными соста-

вами переправлять въ Новочеркасскъ свой обозъ, обмундированіе, винтовки, пулеметы, гранаты, патроны. Удалось Корниловцамъ отправить часть своего имущества и отдѣльнымъ эшелономъ съ фальшивымъ удостовѣреніемъ о принадлежности его къ одной изъ кавказскихъ частей. Сами Корниловцы рѣшили пробираться небольшими группами или одиночнымъ порядкомъ.

Многіе поѣхали кружнымъ путемъ. Имя «Корниловца» было настолько ненавистно большевикамъ, что разъѣзжавшимся пришлось доставать подложные документы. Но и они не всегда спасали офицеровъ. Ихъ часто выдавали молчаливая сосредоточенность и внѣшній обликъ. Если въ теплушкѣ находились матросы или красногвардейцы, то опознанныхъ офицеровъ зачастую выкидывали изъ вагона на полномъ ходу поѣзда. Попадались Корниловцы и при повальныхъ обыскахъ на станціяхъ и въ городахъ. Нѣкоторымъ Корниловцамъ удалось бѣжать буквально изъ-подъ разстрѣла, спасала находчивость и рѣшительность.

Одинъ за другимъ съѣзжались Корниловцы въ Новочеркасскъ. Здѣсь генералъ Алексѣевъ уже формировалъ Добровольческую армію, во главѣ которой сталъ генералъ Корниловъ. Большую подмогу зарождавшейся арміи оказали Корниловскіе запасы обмундированія и вооруженія, съ такой заботливостью привезенные капитаномъ Гавриленко. Къ концу декабря Корниловцевъ собралось до 500 человѣкъ. Нѣженцевъ собралъ свой полкъ, и Корниловцы стали основнымъ ядромъ Добровольческой арміи.

Какъ и раньше, Корниловцы снова выдѣлялись своей дисциплинированностью и внѣшней подтянутостью. Служба въ полку была не легка,особенно съ того времени, когда весь полкъ былъ переведенъ изъ Новочеркасска въ Ростовъ. Кромѣ занятій ежедневно приходилось нести караулы и ходить патрулями по городу. Тысячи офицеровъ изъ разбѣжавшихся съ фронта полковъ бродили по городу и съ равнодушіемъ смотрѣли, какъ какіе-то чудаки въ офицерской формѣ съ винтовками на плечахъ несли гарнизонную службу и всегда находились въ полной боевой готовности — на окраинахъ города было очень неспокойно, а къ самому городу подступали красные отряды. Противъ

нихъ въ раіонѣ Таганрога дѣйствовалъ подъ начальствомъ полковника Кутепова небольшой сводный отрядъ по одной ротѣ отъ всѣхъ формировавшихся полковъ Добровольческой арміи. Отъ Корниловцевъ была сводная рота въ 128 штыковъ при 4-хъ пулеметахъ во главѣ съ капитаномъ Скоблинымъ. Этой ротѣ пришлось прикрывать весь отрядъ со стороны Таганрога, захваченнаго мѣстными большевиками.

На этихъ позиціяхъ Корниловцы впервые увидѣли весь звѣриный ликъ красногвардейцевъ.

Однажды, по приказу Кутепова, была занята съ боемъ небольшая станція Хопры. На перронѣ валялся изуродованный трупъ старичка — начальника станціи. У него былъ отрѣзанъ и вставленъ въ ротъ... а на груди лежали проткнутыя штыками фотографическія карточки двухъ молоденькихъ прапорщиковъ, сыновей начальника станціи. За свое пораженіе красные отомстили ни въ чемъ неповинному отцу....

Если такъ расправлялись большевики съ родителями офицеровъ, то надъ самими офицерами, взятыми въ плѣнъ, красные палачи изощряли всю свою жестокость. На плечахъ вырѣзывали погоны, вмѣсто звѣздочекъ вколачивали гвозди, на лбу выжигали кокарды, на ногахъ сдирали кожу узкими полосками въ видѣ лампасъ. Бывали случаи, когда даже тяжело раненыхъ офицеровъ медленно сжигали на кострахъ. Видя неминуемый плѣнъ, офицеры добровольцы застрѣливались, или же, если были не въ состояніи пошевелить рукой, просили своихъ друзей пристрѣлить ихъ во имя дружбы.

Около станціи Синявки красные подтянули главныя силы и потѣснили Кутеповскій отрядъ, но въ этотъ моментъ совершенно неожиданно подошли на подмогу двѣсти казаковъ изъ станицы Гниловской. Впереди казаковъ шелъ священникъ съ крестомъ въ рукахъ.

— Православные, ратуйте за Церковь Христову, за домъ Богоматери, — призывалъ священникъ и поднялъ крестъ.

— Тутъ казаки и мы, — вспоминалъ одинъ Корниловскій ударникъ, — набрались духу отъ поднятія креста и

перешли въ наступленіе. Ну ужъ и начался бой... Мы не мало побили латышей и даже взяли у нихъ 12 пулеметовъ...

Въ этихъ бояхъ подъ Таганрогомъ рота Скоблина понесла большую потерю: у хутора Адабишева былъ убитъ подпоручикъ Андреевъ, начальникъ пулеметной команды. На эту отвѣтственную должность въ полку онъ былъ назначенъ Нѣжецевымъ еще съ первыхъ дней зарожденія Корниловскаго ударнаго отряда.

30-го января 1918 г. сводная рота Скоблина была смѣнена офицерской ротой Корниловцевъ въ составѣ 120 офицеровъ при двухъ пулеметахъ подъ командой штабсъ-капитана Зарембы.

Въ теченіе недѣли офицерская рота по колѣно въ снѣгу, безъ теплой одежды защищала линію желѣзной дороги Таганрогъ — Ростовъ на Дону. Особенно досаждалъ Корниловцамъ бронепоѣздъ красныхъ — не было ни ключа, чтобы отвинтить рельсы, ни подрывныхъ шашекъ, чтобы взорвать полотно. Подъ пулеметнымъ огнемъ приходилось загораживать путь бронепоѣзду шпалами. Только 8-го февраля Корниловцевъ смѣнила «морская рота» въ 17 человѣкъ и отрядъ есаула Грекова въ 29 человѣкъ. На позиціи около станціи Хопры въ то же время выступилъ и весь Корниловскій полкъ. На другой день на Корниловцевъ обрушилась вся латышская дивизія изъ отряда Сиверса. Полку было приказано отходить на Ростовъ.

Латыши преслѣдовали Крониловцевъ и густыми цѣпями непрестанно вели атаки съ фронта и фланга. Высокая фигура Нѣженцева всегда появлялась тамъ, гдѣ особенно насѣдалъ противникъ. Отбиваясь контръ-атаками, Корниловцы къ вечеру подошли къ городу. Кругомъ слышалась артиллерійская стрѣльба. Большевики огромными силами сжимали Ростовъ въ кольцо. Казачьи части больше не защищали своего тихаго Дона, онѣ или расходились по домамъ или переходили на сторону большевиковъ. Даже роковой выстрѣлъ перваго выборнаго войскового атамана Каледина, покончившаго съ собой, не встрепенулъ казацкія души.

Когда Корниловцы втянулись въ городъ, въ ту же ночь съ 8-го на 9-ое февраля Корниловъ рѣшилъ вывести изъ

Ростова всю свою маленькую армію. Было объявлено брать съ собою лишь самое необходимое. Корниловцы побросали свои чемоданы, запихали въ вещевые мѣшки по смѣнѣ бѣлья, полотенце да мыло и выстроились въ колонну.

Крутился хлопьями снѣгъ. Сугробы, наметенные вѣтромъ, розовѣли отблескомъ пылавшихъ складовъ. Заскрипѣли колеса, заколыхались штыки — армія тронулась въ путь. Впереди шелъ Корниловъ въ генеральской формѣ, за нимъ развѣвалось трехцвѣтное знамя...

X.

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНІЯ КОРНИЛОВЦЕВЪ

Выйдя изъ Ростова, добровольцы переночевали въ Аксайской станицѣ, а на другой день они перешли по льду черезъ Донъ и вышли въ Задонскія степи. Съ суровыми, но бодрыми лицами шли Корниловцы. Никто изъ нихъ не спрашивалъ, куда ихъ ведетъ Корниловъ. Знали одно: послѣднее пристанище покинуто, тыла нѣтъ, впереди неизвѣстное будущее, быть можетъ, болѣе грозное и жестокое, чѣмъ все до сихъ поръ пережитое.

Какая же сила двигала этими людьми? Во имя чего они снова шли на смерть вмѣсто того, чтобы бѣжать къ своимъ домашнимъ очагамъ, гдѣ все-таки была надежда забыться и отойти отъ всѣхъ кошмаровъ, нахлынувшихъ на фронтъ при развалѣ русской арміи, и уже тогда начавшейся бртоубійственной войны? — Отвѣтъ намъ даютъ дневники и воспоминанія Корниловцевъ, собранные для будущаго полкового музея.

Особую цѣнность по своей правдивости и искренности представляютъ дневники, найденные послѣ смерти ихъ авторовъ. По тѣмъ интимнымъ записямъ, которыя встрѣчаются въ одномъ офицерскомъ дневникѣ, видно, что онѣ велись авторомъ исключительно для самого себя, какъ простая памятка обо всемъ видѣнномъ и пережитомъ имъ за гражданскую войну. Дневникъ ударника, къ сожалѣнію, наполовину утерянный, простая безыскусственная запись о 1-мъ Кубанскомъ походѣ.

Вотъ эти дневники и раскрываютъ то душевное состояніе Корниловцевъ, которое побудило ихъ итти на борьбу

съ большевиками. Въ душѣ Корниловцевъ горѣла любовь къ Россіи, вѣра въ Корнилова и вѣрность своему Корниловскому полку.

Это горѣніе у офицеровъ сразу подверглось испытанію еще въ Новочеркасскѣ. Офицеры пріѣзжали въ свой полкъ и почти всѣ становились на положеніе рядовыхъ въ офицерской ротѣ. — Произвели насъ въ командиры отдѣльныхъ винтовокъ, — какъ они сами шутили надъ собою.

Прапорщикъ Сорокинъ заноситъ въ свой дневникъ:

«21 января 1918 г. Командиръ полка полковникъ Нѣженцевъ меня предупредилъ, что должностей у него нѣтъ, и я долженъ буду служить рядовымъ. Я сказалъ, что, поступая въ Добровольческую армію, я не думалъ о томъ, какую займу должность, а думалъ лишь о Россіи.

«29 января. Наша офицерская рота выступила на позиціи. За два часа до выступленія въ казарму полка пріѣхала Оля Ч., вызванная мною запиской. Узнавъ о моемъ отъѣздѣ, она расплакалась. Съ трудомъ я успокоилъ ее... Прощаясь со мной, она благословила меня. Она поняла, что мое мѣсто на фронтѣ, и что не время думать о личномъ счастьѣ, когда гибнетъ Россія... Хотѣлось не на словахъ, а на дѣлѣ доказать свою преданность Родинѣ. Хотѣлось еще разъ послужить матушкѣ Россіи».

30-го января офицерская рота смѣнила роту капитана Скоблина и размѣстилась на вокзалѣ, въ которомъ были выбиты всѣ окна. «А на дворѣ морозъ. Вечеромъ перешли въ вагоны 2-го класса, гдѣ стало теплѣе, уютнѣе. Вокругъ тишина, лишь изъ сосѣднихъ вагоновъ доносятся пѣсни о Россіи... Долго не ложились спать... Всѣ офицеры роты въ одинъ день стали близкими, родными. У всѣхъ одна мысль, одна цѣль — Россія...»

Тревога за Россію не покидаетъ автора дневника даже въ тѣ минуты, когда онъ лежитъ въ госпиталѣ при смерти отъ полученныхъ ранъ. При какихъ обстоятельствахъ былъ раненъ Сорокинъ, и насколько его раны были тяжелы, видно изъ послѣдующихъ записей.

Въ первый разъ Сорокинъ былъ раненъ 6-го марта двумя пулями въ грудь и правую руку, а 17-го іюля подъ Армавиромъ онъ снова раненъ «залпомъ черноморскихъ

матросовъ». Подбѣжавшая сестра милосердія сдѣлала ему перевязку и отправила въ лазаретъ. Послѣ вторичной перевязки Сорокинъ потерялъ сознаніе, а когда пришелъ въ себя, то увидѣлъ что всѣ легко раненые эвакуированы.

«Надъ зданіемъ лазарета рвались снаряды. Обливаясь кровью,— пишетъ Сорокинъ, — я ползкомъ спустился со второго этажа и почти голый выползъ на улицу. На окраинѣ города кипѣлъ бой, жители попрятались, кругомъ не было ни души. Въ дверяхъ лазарета показался капитанъ Костемаровъ съ револьверомъ въ рукѣ. Его такъ же бросили, какъ и меня... Не желая оставить меня «на милость» побѣдителей, онъ рѣшилъ остаться со мной, а если нельзя будетъ спастись, то предложилъ мнѣ застрѣлиться вмѣстѣ съ нимъ. Я далъ свое согласіе. Другого выхода не было.... Никогда жизнь для меня не была такъ дорога, какъ въ эти минуты.... Вспомнилъ прошлое, вспомнилъ родныхъ и заплакалъ...

«Мы оба ждали прихода большевиковъ и приготовились. Но счастье улыбнулось намъ. По улицѣ пробѣгали двое рабочихъ. Они подхватили меня и вынесли на берегъ Кубани, гдѣ меня подобрала 9-ая рота нашего полка. Капитанъ Костомаровъ все время ковылялъ за мной. Солдаты положили меня на мѣшокъ съ сахаромъ, который черезъ полчаса сталъ красный отъ крови».

Только на восьмой день послѣ раненія Сорокинъ попалъ въ лазаретъ, и онъ записываетъ:

«За эти дни я страшно ослабъ и лежу, какъ парализованный. Дѣйствуютъ только руки. Каждое движеніе причиняетъ мнѣ адскую боль....»

Черезъ три недѣли Сорокину сдѣлали вторую операцію. 4-го августа онъ отмѣчаетъ:

«Раны стали такъ велики, что въ нѣкоторыя изъ нихъ можно вложить четыре пальца. Боль усиливается. Сестра милосердія изъ операціонной цѣлыми днями сидитъ у моей кровати, а остальныя сестры по очереди, добровольно, дежурятъ по ночамъ. Я сталъ самый серьезный раненый въ лазаретѣ. Мнѣ ежедневно вспрыскиваютъ морфій...»

Слѣдующая запись въ дневникѣ уже отъ 20-го и 21-го августа:

«Здоровье мое становится хуже, предстоитъ третья операція, и я, не шутя, готовлюсь къ смерти... Видно дни мои сочтены, а умирать такъ не хочется....»

Мысли умирающаго обращаются къ родной матери:

«Знаетъ-ли мама что-нибудь обо мнѣ? Узнаетъ-ли она о судьбѣ своего сына? Бѣдная, бѣдная....»

Но тутъ же вспыхиваютъ его думы о Россіи Онъ вспоминаетъ:

«Мы уходимъ въ степи. Можемъ вернуться, если только будетъ милость Божья. Но нужно зажечь свѣточъ, чтобы была хоть одна свѣтлая точка среди охватившей Россію тьмы», — такъ писалъ своимъ близкимъ генералъ Алексѣевъ.

«...Этотъ огонекъ мы понесли по Кубанскимъ степямъ. Ни буря ни ненастье не могли загасить его... Мы знали, что идемъ на вѣрную смерть, но шли безропотно, со святою вѣрой въ наше правое дѣло, не ожидая для себя никакой награды, зная напередъ, что и смерть каждаго изъ насъ останется неизвѣстной, и никто не придетъ помолиться за насъ на наши безвѣстныя заброшенныя могилы...

«Мы шли за поруганную честь, за идею Великой Россіи противъ тѣхъ, кто предалъ Государство Россійское...

«Я исполнилъ свой долгъ передъ Россіей, сдѣлалъ все, что могъ, и теперь со спокойной совѣстью могу умереть...

«На наше мѣсто приходятъ другіе люди, и когда-нибудь отъ зажженнаго добровольцами свѣточа снова возгорится слава нашей Родины».

Горячая любовь къ Россіи постоянно перемежается въ дневникахъ и воспоминаніяхъ Корниловцевъ съ такою же вѣрой въ самого Корнилова.

Въ походѣ Корниловъ всегда ѣздилъ на кровной буланой кобылѣ Фатьмѣ, подаренной ему Нѣженцевымъ, и когда Главнокомандующій, окруженный текинцами, проѣзжалъ мимо своихъ Корниловцевъ, особо радостно звенѣла пѣснь: «Такъ за Корнилова, за Родину, за Вѣру мы грянемъ громкое ура!» Кромѣ этого, во всѣхъ дневникахъ всегда встрѣчаются почти однѣ и тѣ же фразы:

«Вся надежда на генерала Корнилова... Онъ собралъ

насъ, и мы вѣримъ въ то, что онъ приведетъ насъ къ завѣтной цѣли... Только Корниловъ спасетъ Россію».

Каковъ же былъ ударъ, особенно для Корниловцевъ, когда подъ Екатеринодаромъ «разнеслась ужасная вѣсть, что Корниловъ убитъ. Сначала никто не хотѣлъ этому вѣрить. Но потомъ, когда пришло подтвержденіе, всѣ впали въ отчаяніе, — пишетъ капитанъ Шининъ. — Если нѣтъ съ нами Корнилова, то это значитъ конецъ, конецъ насъ всѣхъ, конецъ всѣхъ нашихъ надеждъ.... Зачѣмъ тогда жить? Нѣсколько человѣкъ раненыхъ въ нашей комнатѣ застрѣлились. Санитары и сестры бросились отбирать револьверы, но никто не отдавалъ... Лежавшій со мной рядомъ Корниловецъ съ перебитыми ногами пытался застрѣлиться въ високъ, но его рука должно быть дрогнула, и пуля скользнула. Онъ былъ все еще живъ и все кричалъ, чтобы его пристрѣлили. Его пристрѣлилъ артиллеристъ, лежавшій съ нимъ рядомъ съ другой стороны».

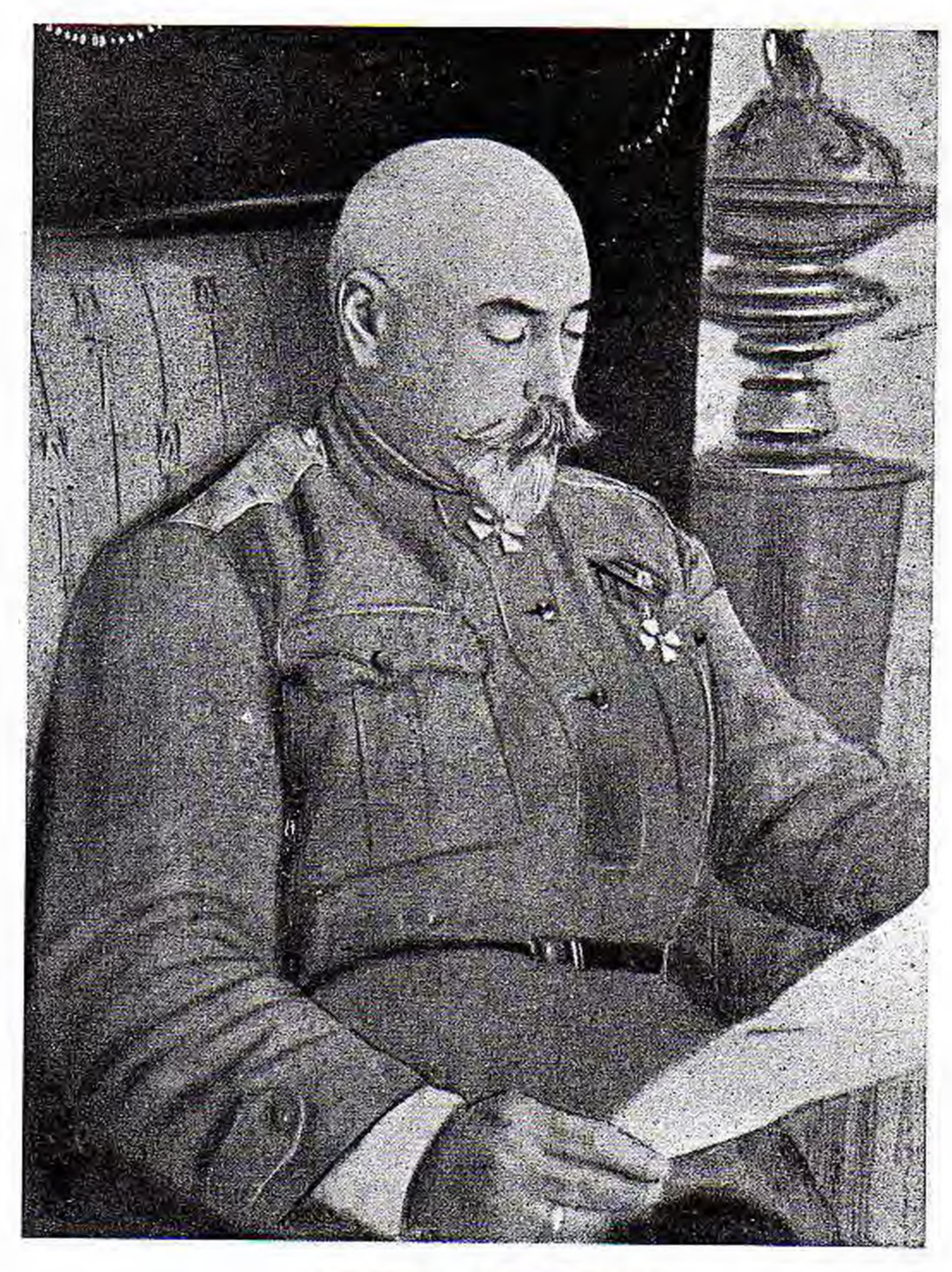
Въ другомъ дневникѣ читаемъ то же самое:

«Трудно передать наше горе, когда мы узнали о смерти нашего Корнилова. Закаленные въ бояхъ офицеры, маленькіе кадеты и сестры милосердія плакали, какъ дѣти... Со смертью Корнилова погасла вѣра въ воскресеніе Россіи....»

Не стало Корнилова, и съ особой силой загорѣлась у Корниловцевъ вѣрность къ своему полку, къ родному дѣтищу того, кто самъ «погибъ на своемъ посту и принесъ въ жертву Родинѣ самое большое, что онъ имѣлъ — свою жизнь». Этой вѣрности прямо поражаешься. Офицеры по многу разъ раненые, искалѣченные, имѣвшіе полную возможность устроиться въ тылу, при первой же возможности ѣдутъ снова въ свой полкъ.

Такъ, прапорщикъ Сорокинъ, чудомъ выздоровѣвшій отъ своихъ ранъ и прозванный своими пріятелями «живыми мощами», былъ назначенъ въ Ростовѣ комендантомъ клиники. Ему предоставили хорошую квартиру, прислугу, денщиковъ. Въ свой дневникъ онъ заноситъ:

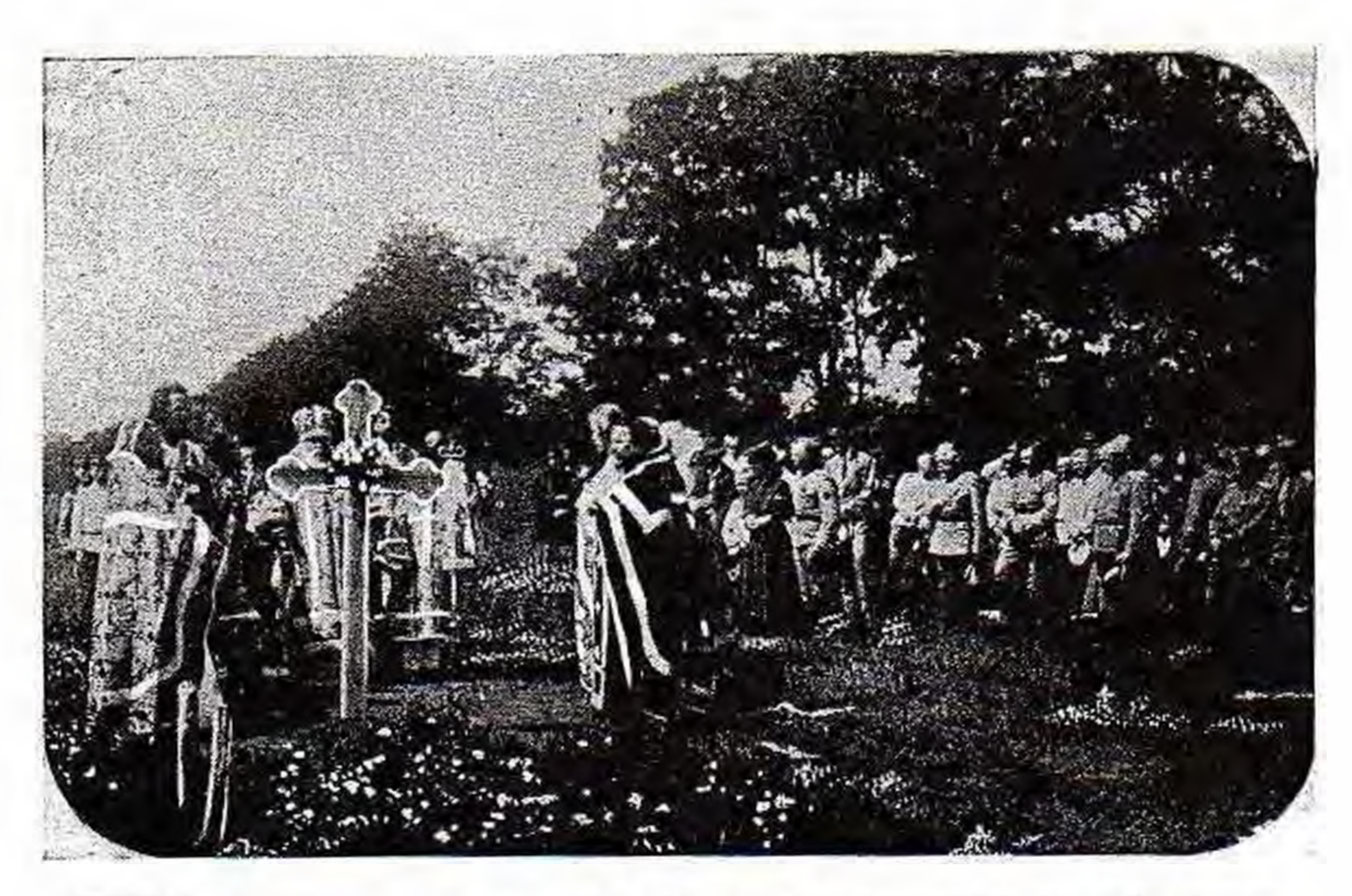
«Работать приходится много, но за то по вечерамъ вознаграждаю себя за дневные труды. Завелъ новыя зна-

Генералъ ДЕНИКИНЪ.

Бой подъ Екатеринодаромъ. Крестомъ отмѣчено мѣсто штаба полка, вблизи котораго былъ убитъ полк. Нѣженцевъ.

Первая панихида на могилѣ генерала Корнилова послѣ взятія Екатеринодара.

комства и часто получаю приглашенія. Почти ежедневно посѣщаю театръ, гдѣ у меня есть постоянная ложа».

Сорокинъ очень влюбчивъ. Постоянно вздыхаетъ по какой-нибудь сестрѣ милосердія или же «очаровательной дѣвушкѣ». Судя по дневнику, пользуется успѣхомъ. Въ Ростовѣ онъ увлеченъ «Людочкой», тѣмъ не менѣе онъ вдругъ такъ заскучалъ по «родному полку», что рѣшилъ сдать свою должность коменданта клиники и ѣхать на фронтъ.

«Мое рѣшеніе страшно удивило моихъ знакомыхъ. Они никакъ не могутъ понять, почему я бросаю службу въ тылу и ѣду на позицію...»

Очень скоро во время боевъ Сорокинъ простудился, и у него на ногахъ открылись раны. Командиръ полка отправляетъ Сорокина въ тылъ формировать роту, но и здѣсь онъ долго не выдерживаетъ.

«Сегодня (4 февраля 1919 г.), — записываетъ Сорокинъ, — послѣ настойчивыхъ просьбъ, получилъ разрѣшеніе выѣхать на фронтъ въ родной полкъ. Командиръ, зная о томъ, что у меня на ногахъ не закрылись раны, долго уговаривалъ остаться для лѣченія въ тылу, но я настаивалъ и добился своего»...

Черезъ нѣсколько недѣль Сорокинъ снова раненъ, снова попадаетъ въ лазаретъ и снова при первой же возможности ѣдетъ въ полкъ. И это такъ было на протяженіи всей гражданской войны не только съ Сорокинымъ, но и почти со всѣми Корниловцами. Корниловцамъ внѣ своего полка жизнь была не мила.

Совершенно такая же исключительная вѣрность полку и гордость имъ были и среди старыхъ Корниловскихъ солдатъ. Яркое свидѣтельство этому представляютъ безхитростныя записки ударника Мищенко — украинскаго «козака». Написаны онѣ чернильнымъ карандашомъ на вырванныхъ пожелтѣвшихъ и загаженныхъ мухами конторскихъ листахъ. Почти нѣтъ ни одного слова безъ орфографической ошибки, нѣтъ и никакихъ знаковъ препинанія. Всѣ обстоятельства, при которыхъ Мищенко проявилъ свою вѣрность полку, и всѣ испытанія, которыя претерпѣлъ этотъ вѣрный

Корниловецъ, необычайно показательны для всего того періода гражданской войны.

Мищенко описываетъ 1-ое наступленіе добровольцевъ на Екатеринодаръ, когда «бой кипѣлъ, какъ въ котлѣ вода». Въ моментъ отступленія Добровольческой арміи, послѣ гибели Корнилова, Мищенко былъ въ заставѣ. «Въ 12 часовъ ночи все стихло, не слышно ни нашихъ ни красныхъ. Я послалъ узнать въ хуторъ одного казака, но тамъ уже не было никого. Вотъ тутъ я растерялся сразу и не знаю, куда бѣжать. Впереди большевики уже ловятъ нашихъ, и я сразу рѣшилъ бѣжать въ обратный путь черезъ Кубань рѣку. Переплылъ ночью Кубань рѣку и пошелъ по направленію къ станицѣ Калужской и Смоленской по горамъ и переваламъ, а ночью заходилъ до огородниковъ грековъ и тамъ бралъ себѣ хлѣба и опять скрывался въ лѣсахъ, но прожилъ такъ четыре дня и дошелъ до рѣки возлѣ Горячаго Ключа. Тутъ меня уже замѣтили и начали преслѣдовать такъ, что былъ окруженъ. Кругомъ дѣваться было некуда, и я рѣшилъ сдаться въ плѣнъ, но только не тѣмъ, кто меня ловилъ, а ужъ лучше пробраться въ комитетъ, въ чемъ мнѣ и подвезло.

«Спустился я потихоньку съ горы возлѣ самаго Горячаго Ключа, а тамъ внизу одинъ казакъ бралъ дрова. Я возлѣ него остановился, будто помогаю, а въ то время какъ разъ изъ того же Горячаго Ключа отправлялся мѣстный отрядъ противъ Корнилова. Въ этой суматохѣ публика двигалась по мосту взадъ и впередъ такъ, что меня и часовые не могли спросить, — я вошелъ въ Горячій Ключъ».

Здѣсь Мищенко сейчасъ же зашелъ къ парикмахеру, остригся и снялъ свой «козачій чубъ». Придавъ себѣ окончательный видъ «товарища», чтобы не быть арестованнымъ по дорогѣ, пошелъ въ комитетъ, «предався имъ въ лапы» и къ общему удивленію объявилъ тамъ, что онъ Корниловецъ. На него «сразу посмотрѣли какими-то испуганными глазами, а потомъ начали пытать, допрашивать». Въ концѣ концовъ, «обыскали, ничего не нашли, но все-таки отправили и замкнули. И я тутъ вздумалъ — попався соловей въ клѣтку, но только когда вырвусь и въ какомъ смыслѣ, живой или мертвый?»

Сдавшагося Корниловца мѣстный комитетъ рѣшилъ переправить въ главный комитетъ въ городѣ Майкопѣ за 140 верстъ отъ Горячаго Ключа. Арестованаго повели двое конвойныхъ — «одинъ мальчишка, а другой лѣтъ сорока». Около одной станицы казаки изъ мѣстной охраны подошли къ арестованному, поразспросили его и пожалѣли. Одинъ старый казакъ сказалъ:

«Тебя не догонятъ до Майкопа, а по дорогѣ убьютъ. Много уже есть такихъ разстрѣлянныхъ».

Мищенко, видя, что его «патруль слабый», рѣшилъ бѣжать. Быстро составилъ планъ — около одного куреня предложилъ своимъ конвойнымъ отдохнуть и во время отдыха повелъ съ ними такой «политичный разговоръ»:

— Были вы на военной службѣ?

— Нѣтъ.

— Значитъ вы не знаете и ружейныхъ пріемовъ?

— А гдѣ же мы можемъ знать.

— А какъ вы можете заряжать винтовку?

— А намъ показывали.

— А ну?

«Старый сталъ вставлять патронъ и не можетъ. Я ему и сказалъ: да не такъ, дай я покажу. Онъ дуракъ далъ мнѣ винтовку, а когда я взялъ въ руки винтовку, то тутъ у меня сейчасъ пролетѣла молнія въ головѣ — побить ихъ обоихъ и освободиться, но оглядѣлся я на бѣлый свѣтъ, и сжалось у меня сердце. Отдалъ назадъ винтовку и сказалъ ему: что ты, дуракъ! Зачѣмъ ты далъ арестованному винтовку? Хорошо, что я не преступникъ и ничего не сдѣлалъ вамъ, а то взялъ винтовку, побилъ васъ обоихъ и ушелъ».

Такъ Мищенко и не убѣжалъ. За то конвойные «увѣрились», что арестованный «хорошій человѣкъ», и отплатили ему тѣмъ, что стали отстаивать его отъ всѣхъ встрѣчавшихся мѣстныхъ красныхъ отрядовъ, пытавшихся немедленно расправиться съ Мищенко. Могилы съ такими разстрѣлянными все время ему попадались по дорогѣ. Были большія могилы, какъ показывали конвойные, «съ шестью и даже двѣнадцатью человѣками, а по мелочамъ и не счесть».

Конвойные довели Мищенко до слѣдующаго револю-

ціоннаго комитета, гдѣ они смѣнялись. Въ каждой новой станцѣ «патруль» мѣнялся; наконецъ, «двое стариковъ съ берданками на плечахъ» довели Мищенко до станціи, откуда арестованныхъ отправляли въ Майкопъ по желѣзной дорогѣ. На станціи сейчасъ же спросили конвойныхъ, «кто это за арестованный?» — Тѣ отвѣтили, что изъ Корниловскаго полка, Какъ только это услышали, сейчасъ же закричали: «смотрите, товарищи, сюда привели Корниловца».

«Народъ повалилъ ко мнѣ, какъ на какого звѣря смотрѣть. Обступили меня и начали скриготать зубами, а я въ это время присѣлъ въ уголкѣ и прищурился, какъ собачка, а часовые близко не допускаютъ, но все же нѣкоторые доставали ногами и толкали подъ бока, а нѣкоторые плевали прямо на меня».

Начальникъ станціи поспѣшилъ арестованнаго поскорѣе посадить въ вагонъ, но толпа бросилась къ вагону. Одинъ началъ «ораторствовать»:

« Товарищи, вы знаете, сколько нашихъ товарищей побито подъ Филипповскомъ, а били насъ все эти сволочи Корниловцы. И вотъ что мы ему сейчасъ сдѣлаемъ — давайте вытащимъ его изъ вагона и растерзаемъ на части. Какъ вы согласны?

«Всѣ закричали — согласны — и хотѣли уже лѣзть въ вагонъ. Только я подумалъ: прощай бѣлый свѣтъ, но хотя погибаю, то не за одного, а много васъ сволочей побилъ, какъ вдругъ появился какой-то другой и началъ ораторствовать на мою сторону и просилъ всѣхъ разойтись».

Толпа стала было расходиться, но вмѣшался какой-то «матросъ съ сумасшедшимъ глазомъ». Онъ быстро организовалъ митингъ изъ только что подъѣхавшаго къ станціи краснаго отряда. На митингѣ порѣшили пойманнаго Корниловца «все же прикончить жизни» и повалили къ вагону. Конвойный уже сказалъ Мищенкѣ: «прощай, сынокъ, идетъ съ винтовками весь отрядъ по твою душу, теперь уже нѣтъ тебѣ спасенія». — Мищенко слышитъ, какъ «приближаются голоса и брязгаютъ винтовки», онъ «въ вагонѣ глянулъ во всѣ щели — уйти неможно» и подумалъ — «провались мостъ, и растунись земля и укрой меня отъ этихъ варваровъ, но все это не могло сдѣлаться, а шаги приближают-

ся, двери распахнулись и вошли двѣ морды... Сердце у меня закипѣло и стало тяжелѣе камня, вся внутренность поднялась кверху, и очень мнѣ въ это время стало тяжко, такъ что въ глазахъ пожелтѣло, но помню насчетъ просьбы, чтобы меня помиловали, даже не далъ звука.... Взяли меня за шиворотъ и выбросили изъ вагона. Кто-то ударилъ меня прикладомъ въ спину и я повалился на землю. Вокругъ такія же, какъ тѣ двое страшныя морды, только съ разинутыми ртами. Забрязгали штыки, и скоро одинъ штыкъ влѣзъ въ мой лѣвый бокъ, но слабо, внутрь не попалъ, а подъ кожу. Въ это мгновеніе подскочилъ какой-то товарищъ, прыгнулъ на меня ногами и закричалъ: стойте, товарищи, я не дамъ колоть человѣка, вѣдь вы слыхали приказъ Ленина и Троцкаго, что самосуды отмѣнены.. Я самъ членъ совѣта, вотъ вамъ мои мандаты, и прошу васъ разойдитесь, а если будете колоть, то лучше и меня здѣсь заколите, а я не дамъ вамъ лишать его жизни безъ суда. — И вотъ, когда толпа немного отодвинулась, то онъ меня поднялъ и пособилъ мнѣ влѣзть въ вагонъ, а потомъ сталъ въ дверяхъ вагона и началъ снова ораторствовать.

— Товарищи, вѣдь вы слыхали, что здѣсь на дняхъ разстрѣляли сто человѣкъ, оказалось послѣ, что сорокъ было винныхъ, а шестьдесятъ совсѣмъ невинныхъ погибли ни за что, и про этого мы не знаемъ, виненъ онъ или невиненъ, а какъ отправятъ въ Майкопъ, то тамъ наведутъ дознаніе. Если онъ виненъ, то и тамъ его та же пуля настигнетъ, а если онъ правъ, то пустятъ на свободу.

«Слышны были голоса:

— Да, знаемъ, какъ тамъ дѣлаютъ дознаніе, и въ старый режимъ тоже дѣлали дознаніе, а въ другія двери выпускали.

«Опять подалъ голосъ комиссаръ:

— Нѣтъ, товарищи, теперь такъ не будетъ, пока не узнаютъ все до тонкости, и тогда рѣшится его судьба.

«Товарищи закричали:

— Добре, везите его въ Майкопъ, но чтобы черезъ пять минутъ его здѣсь не было, а то и вагонъ изрѣшетимъ пулями....

«И дѣйствительно, сейчасъ же былъ поданъ паровозъ,

мой вагонъ прицѣпили, а когда онъ вышелъ за семафоръ, то тогда комиссаръ слѣзъ и сказалъ: до свиданія, теперь вы спасены, гдѣ-то есть еще ваше счастье, что ты остался живъ. — И я ему пожалъ руку и увидѣлъ, что онъ хотя и былъ младъ, но видно изъ его лица, что онъ не чистый товарищъ, а немного изъ кадетъ, то-есть изъ нашей братіи».

Въ Майкопѣ Мищенко подъ усиленнымъ конвоемъ повели въ тюрьму. «Послѣ приклада и штыка не особенно было хорошо итти. Въ старое время я тюрьмы боялся хуже огня, но въ то время былъ очень доволенъ, что попадаю въ тюрьму, и вотъ когда отворились ворота, то я прямо вскочилъ съ какимъ-то удовольствіемъ, вродѣ какъ на свободу».

Дальше Мищенко описываетъ, какъ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, съ какими офицерами тамъ познакомился, и что онъ дѣлалъ. 1-го іюня пришла къ нему «слѣдственная комиссія въ одинъ человѣкъ, но и тотъ почти неграмотенъ». «Слѣдственная комиссія» стала допрашивать Мищенко. Мищенко отвѣчалъ, что онъ, хотя и Корниловецъ, но «человѣкъ маленькій», и спросилъ, скоро ли его выпустятъ. Слѣдователь отвѣтилъ, что черезъ 2-3 дня Мищенко будетъ судить военно-революціонный трибуналъ, и добавилъ: «да, молъ, есть хотя люди и маленькіе, но большихъ дѣловъ натворили противъ совѣтской власти, и есть даже заловленные вѣстники и приказы, въ которыхъ прописаны ихъ подвиги противъ красно-гвардейцевъ».

«Вотъ тутъ я и прикусилъ языкъ и замолчалъ, потому что это подходило ко мнѣ. Когда мы отступали на станцію Синявку, на Журавскомъ хуторѣ насъ было 80 человѣкъ, а красныхъ цѣлый эскадронъ. Я подошелъ вплотную къ хутору и съ праваго фланга однимъ пулеметомъ открылъ огонь. Товарищи стали бѣжать, и взяли мы у красныхъ 60 лошадей и 3 пулемета».

Мищенко сталъ «мечтать», что у трибунала можетъ оказаться захваченный приказъ о его подвигѣ, и онъ рѣшилъ немедленно бѣжать изъ тюрьмы. Планъ у него былъ уже давно выработанъ, и на другой день, на заходѣ солнца, Мищенко благополучно привелъ его въ исполненіе.

Къ сожалѣнію, на этомъ дневникъ обрывается. Извѣ-

стно только, что, несмотря на все пережитое, Мищенко отправился не къ себѣ домой на Украину, а сталъ разыскивать Корниловскій полкъ, куда послѣ многихъ мытарствъ въ концѣ концовъ и попалъ.

Ударникъ Мищенко въ Корниловскомъ полку не представлялъ исключенія. Такихъ, какъ онъ, взятыхъ въ плѣнъ и снова пробравшихся въ свой полкъ, было не мало на всемъ страдномъ пути Корниловскаго полка. Вѣрность своему полку ударники показали даже въ самый послѣдній моментъ эвакуаціи Русской Арміи изъ Крыма.

Ударникъ Дегтяревъ въ своихъ воспоминаніяхъ, не менѣе колоритныхъ и интересныхъ, чѣмъ записки Мищенко, описываетъ, какъ онъ,легко раненый подъ Рогачевымъ, долго и съ большими трудностями пробирался въ Севастополь. Пріѣхалъ туда, когда уже вся армія была погружена на корабли, и около мола оставалась только одна баржа, пришвартованная къ англійскому миноносцу.

«Думая, что придется ѣхать черезъ море на баржѣ», Дегтяревъ сбѣгалъ за водой, наполнилъ ею фляжку и сталъ протискиваться на баржу. «Какой-то господинъ безъ погонъ» говоритъ ему: «вѣдь ты, кажется, рядовой солдатъ, и тебѣ совсѣмъ нечего ѣхать. Вотъ я офицеръ и то остаюсь, а тебѣ тѣмъ болѣе не надо ѣхать», но Дегтяревъ ему отвѣтилъ: «вы можете оставаться, а я пойду» — и, — «рѣшительно шагнувъ черезъ цѣпь-перила мостка, полѣзъ на баржу».

Съ баржи Дегтярева пересадили уже на американскій миноносецъ, который и довезъ этого Корниловца до Константинополя. Послѣ долгихъ мученій Дегтяревъ пріѣхалъ въ Галлиполи въ свой родной полкъ.

Вѣрность полку преодолѣвала у Корниловцевъ всѣ препятствія.

Во всѣхъ воспоминаніяхъ и дневникахъ Корниловцевъ есть еще яркія строки, полныя благодарности и преклоненія передъ своими сестрами милосердія.

Сестры милосердія раздѣлили съ Добровольческой арміей весь ея страдный путь. Многія изъ нихъ пошли въ

1-й Кубанскій походъ прямо со школьной скамьи. Юныя, хрупкія — онѣ сразу окунулись въ суровую походную жизнь. Днемъ и ночью, подъ дождемъ и въ стужу дѣлали многоверстные переходы. Спали, не раздѣваясь. Одежда прѣла, заѣдали вши. На ночлегѣ, когда уже всѣ солдаты валились съ ногъ, сестры милосердія укладывали больныхъ и раненыхъ, перевязывали имъ раны. Бѣгали по хатамъ, вымаливая холстину на бинты. Около умиравшихъ сидѣли ночи напролетъ.

Во время боя сестры шли въ цѣпяхъ. Суровый воинъ генералъ Туркулъ, когда увидѣлъ бѣлыя косынки среди корниловскихъ цѣпей, бросившихся въ атаку, не выдержалъ.

— Дроздовцы! — воскликнулъ онъ, — посмотрите на корниловскихъ сестеръ... Вотъ передъ кѣмъ склонить свою голову можно и подъ пулями.

Подъ обстрѣломъ, тутъ же на поляхъ сраженій сестры милосердія перевязывали раны. Обезсилѣвшаго или съ перебитыми ногами взваливали на свои плечи и тащили...

Многихъ Корниловцевъ сестры спасли отъ плѣна и вѣрной гибели. Въ одномъ бою Корниловцы дрогнули и побѣжали. Сзади нихъ остался раненый прапорщикъ Яремчукъ 2-ой. Надъ нимъ склонилась сестра, пыталась его поднять и не могла. Сестра закричала:

— Корниловцы, какъ вамъ не стыдно бросать своего офицера, — и уже въ полномъ отчаяніи напослѣдокъ выкрикнула солдатскую ругань.

Это было такъ неожиданно услышать отъ «сестрицы», что солдаты повернулись и спасли Яремчука.

Въ Крыму передъ корниловскими цѣпями граната подбила танкъ. Бензинъ вспыхнулъ. Изъ корниловскихъ цѣпей выбѣжали сестры Киселевскія и изъ пылавшаго танка вытащили офицеровъ...

Сильный и здоровый мужчина при тяжеломъ раненіи — безпомощный ребенокъ, и сестра милосердія замѣняетъ ему родную мать.

Тридцать четыре тысячи раненыхъ Корниловцевъ выходили сестры милосердія, и сколькимъ тысячамъ онѣ за-

крыли глаза навѣки, сколько выслушали предсмертныхъ просьбъ...

А всѣхъ сестеръ милосердія въ каждомъ Корниловскомъ полку было не больше десяти — шестнадцати. Восемь изъ нихъ было убито, двадцать шесть ранено.

Своихъ сестеръ милосердія офицеры звали уменьшительными именами: Ася, Таня, Варюша, а ударники «сестрицами» или «милосердными сестрами».

Въ походахъ всегда всѣ старались усадить своихъ сестрицъ на тачанки или подводы. Въ хатѣ, какъ бы ни было тѣсно, разъ входитъ сестра, сейчасъ же раздастся: «потѣснитесь для сестрицы», и ей отводятъ лучшій уголокъ.

Сестра Ася разсказывала:

— Со мной былъ единственный случай, когда сильно подвыпившій офицеръ вошелъ ко мнѣ за занавѣску и сталъ настойчиво объясняться въ любви. Я не знала, куда мнѣ дѣваться. Мои просьбы — уйдите, уйдите! — услышалъ ударникъ. Онъ, не стѣсняясь офицера, взялъ меня за руку и отвелъ въ сосѣднюю клѣть къ хозяевамъ.

— Хозяева, — обратился онъ, — пріютите нашу сестричку, а то ей въ вашей горницѣ неспособно, — и добавилъ: а вы, сестрица, не безпокойтесь, я лягу у порога.

Ту же сестру Асю другой ударникъ спасъ отъ плѣна. Она отстала отъ своей роты, отступавшей подъ натискомъ латышей, и Асю сильно ранили вдали отъ Корниловцевъ. Она упала. Къ счастью, одинъ изъ ударниковъ это увидѣлъ. Онъ подбѣжалъ къ раненой. Латыши приближались. Ася взмолилась:

— Пристрѣлите меня и бѣгите скорѣй, а то погибнете и вы со мной.

— Господь съ вами, сестрица, да развѣ я забылъ, какъ вы сами меня вытащили подъ Ставрополемъ, — и заоралъ во всю глотку: рота стой! сестрица ранена....

Рота остановилась, вскинула винтовки, и подъ прикрытіемъ залповъ ударникъ вынесъ Асю на рукахъ.

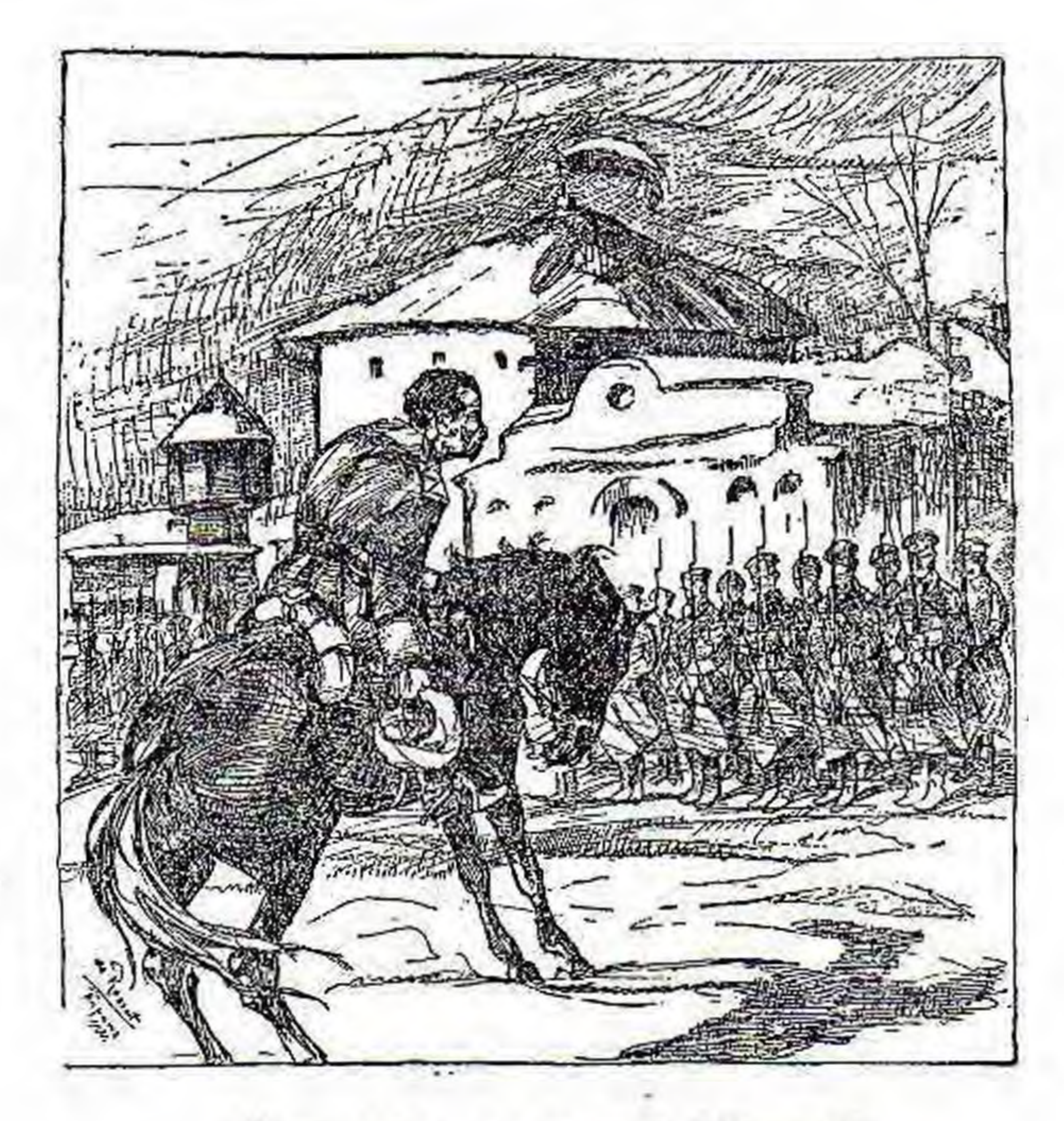
Уже здѣсь, за рубежомъ, сестры до сихъ поръ получаютъ письма отъ своихъ ударниковъ-Корниловцевъ:

«...и въ первыхъ строкахъ моего письма, родименькая

сестрица, шлю вамъ свой низкій, до земли сырой, поклонъ. А еще кланяются вамъ....»

У всѣхъ народовъ есть памятники мужской доблести и героизму: изваянія конныхъ и пѣшихъ изъ камня или мѣди стоятъ на сѣромъ гранитѣ. Золотыми буквами на мраморныхъ доскахъ высѣчены имена героевъ.

Но нѣтъ памятника женскому милосердію и любви — склоненной сестрѣ надъ распростертымъ воиномъ. Имена милосердныхъ сестеръ хранятся только въ сердцахъ.

Корниловъ въ станицѣ Афипской

XI.

ПЕРВЫЙ КУБАНСКІЙ ПОХОДЪ.

Добровольческая армія, выйдя въ Задонскія степи, сдѣлала переходъ въ тридцать верстъ на востокъ отъ Ростова и остановилась въ станицѣ Ольгинской. Здѣсь были подсчитаны силы арміи. Оказалось: около трехъ тысячъ штыковъ и до двухсотъ сабель при ста коняхъ, нѣсколько десятковъ пулеметовъ и восемь трехъ-дюймовокъ. Боевые запасы были очень скудны: шестьсотъ снарядовъ и по двѣсти патроновъ на винтовку.

Для удобства командованія вся пѣхота была сведена въ три полка — Ударный Корниловскій, Офицерскій и Партизанскій. Въ Корниловскій полкъ были влиты сводная часть Георгіевскаго полка полковника Киріенко и офицерскій батальонъ полковника Симановскаго. Послѣ этого Корниловскій полкъ развернулся въ три батальона и насчитывалъ тысячу сто штыковъ. Его командный составъ сталъ такой:

Командиръ полка — подполковникъ Нѣженцевъ †

Помощникъ командира полка — капитанъ Скоблинъ.

Адъютантъ — поручикъ князь Ухтомскій.

Начальникъ связи — капитанъ Морозовъ †

Начальникъ хозяйственной части — капитанъ Гавриленко.

Командиръ 1-ого батальона — полковникъ Булюбашъ.
Командиръ 1-ой роты — капитанъ Миляшкевичъ †
Командиръ 2-ой роты — шт.-капитанъ князь Чичуа †
Командиръ 3-ей роты — капитанъ Минервинъ.
Командиръ 4-ой роты — капитанъ Піотровскій †

Командиръ 2-го батальона — полковникъ Мухинъ †
Командиръ 5-ой роты — шт.-капитанъ Томашевскій †
Командиръ 6-ой роты — шт.-капитанъ Петровъ †
Командиръ 7-ой роты — поручикъ Салбіевъ †

Командиръ 3-го батальона — полковникъ Индѣйкинъ †
Командиръ 9-ой роты — капитанъ Лызловъ †
Командиръ 10-ой роты — шт.-капитанъ Мымыкинъ †
Командиръ пулеметной роты — есаулъ Милѣевъ. †

Изъ восемнадцати человѣкъ этого командпаго состава нынѣ здравствуютъ лишь пять человѣкъ, двѣнадцать погибло въ бояхъ съ большевиками, а есаулъ Милѣевъ, потрясенный Новороссійской эвакуаціей, застрѣлился.

14 февраля въ яркое солнечное утро реорганизованная армія вышла изъ станицы Ольгинской. Темная лента людей, повозокъ извивалась по искрящейся бѣлой степи. Въ авангардѣ шелъ Офицерскій полкъ, за нимъ растянулся обозъ съ военнымъ имуществомъ и ранеными, вывезенными изъ Ростова, въ арьергардѣ — Корниловцы. Переночевали въ станицѣ Хомутовской. Раннимъ утромъ вдругъ послышалось за станицей «таканье» пулемета, а на улицѣ съ трескомъ разорвались одна за другой двѣ шрапнели. Съ непривычки въ обозѣ поднялась суматоха.

— Въ ружье! — скомандовалъ Нѣженцевъ.

Корниловцы быстро выбѣжали за околицу и разсыпались въ цѣпь. Большевики для того, чтобы войти въ соприкосновеніе съ добровольцами, выслали изъ Ростова небольшой конный отрядъ съ однимъ орудіемъ. Нѣсколько ружейныхъ залповъ Корниловцевъ, и большевики скрылись.

Снова потянулись добровольцы по степнымъ дорогамъ. Съ ночевками въ станицахъ шли, никѣмъ не тревожимые, пять дней. Все та же безкрайная степь, но уже съ черными проталинами отъ весенняго солнца. Съ засохшихъ стеблей репейника стайками слетали разноцвѣтные щеглы, по дорогѣ шныряли сѣрыя птички, а на проталинахъ уже степенно расхаживали грачи, блестя синимъ отливомъ на крыльяхъ. Иногда показывались табуны степныхъ кобылицъ. Онѣ подымали тонкія шеи, вглядывались нѣсколько

мгновеній въ вереницу людей, а потомъ на легкомъ галопѣ скрывались въ снѣжномъ облачкѣ.

Подъ лучами солнца черноземъ растопился. Липкая грязь то всасывала въ себя сапоги такъ, что они оставались въ ней, и приходилось, уже стоя босикомъ, ихъ вытаскивать обѣими руками, то эта клейкая жижа вливалась за голенища, и тогда сапоги хлюпали, какъ насосъ. Лошади въ обозѣ выбивались изъ силъ.

Изъ Донской области Корниловъ повелъ добровольцевъ на село Лежанка Ставропольской губерніи. Присланная изъ этого села депутація обѣщала Корнилову свободно пропустить его армію. Выйдя на пригорокъ передъ Лежанкой, добровольцы увидѣли широкую равнину, за нею сверкала рѣка, а на возвышенномъ берегу раскинулось большое село. Ярко блестѣли кресты на церквахъ и колокольняхъ.

Неожиданно прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ, и комокъ ваты поплылъ по голубому небу. За первымъ выстрѣломъ второй, третій, и артиллерія неожиданныхъ враговъ загремѣла непрерывно. Въ промежуткахъ врывался трескъ пулеметовъ. 39-ая дивизія, пришедшая съ Кавказскаго фронта и осѣвшая въ богатой Лежанкѣ, была совершенно распропагандирована большевиками и по ихъ настоянію рѣшила разгромить Добровольческую армію. Свою позицію большевицкіе командиры считали неприступной.

Быстро развернулись добровольческіе полки. Офицерскій полкъ подъ командой генерала Маркова пошелъ по открытой равнинѣ прямо въ лобъ противнику, Корниловскій полкъ, по приказанію Корнилова, долженъ былъ обойти Лежанку справа, взявъ направленіе на плотину. Цѣпь Корниловцевъ растянулась по зеленѣющей пахотѣ. Какъ только красные замѣтили обходное движеніе, ихъ стрѣльба безпорядочно заметалась. Въ это время рота Офицерскаго полка подъ командой полковника Кутепова бросилась въ бродъ черезъ рѣку, Корниловцы подбѣжали къ плотинѣ, и бой кончился. Защитники Лежанки побѣжали. Къ пяти часамъ все село было очищено отъ красныхъ. Разбѣжалось и все населеніе, угнавъ съ собою крупный скотъ.

Съ опущенными головами и повисшими руками стояли

плѣнные. Ихъ разстрѣляли — у «кочующей арміи» тыла не было.

Захвативъ въ Лежанкѣ нѣсколько орудій и пополнивъ свои боевые припасы, Добровольческая армія повернула на юго-западъ и двинулась въ кубанскія степи. Своимъ походомъ по Кубани генералъ Корниловъ разсчитывалъ поднять противъ большевиковъ Кубанское казачье войско, а въ самомъ Екатеринодарѣ соединиться съ формируемыми тамъ генераломъ Эрдели добровольческими частями и вмѣстѣ съ ними предпринять крупныя операціи по очищенію Кубани отъ большевиковъ.

Ровныя съ безпредѣльною далью донскія степи смѣнились слегка волнистыми кубанскими степями съ перелѣсками въ лощинахъ. Гостепріимно и радушно встрѣчали Кубанцы добровольцевъ. Алексѣевъ и Корниловъ держали рѣчи на станичныхъ сходахъ. Старые казаки сочувственно кивали головами, но записывались въ Добровольческую армію въ небольшомъ количествѣ. Одинъ степенный казакъ долго сѣтовалъ на то, что Корниловъ не производитъ набора по мобилизаціи:

— Кто своей охотой пойдетъ съ вами, у того большевики начисто разорятъ все хозяйство. А коли мобилизуете, родственники говорить будутъ: Корниловъ забралъ казаковъ силой, ну смотришь, ихъ хозяйство и не тронутъ...

Благополучно прошли добровольцы станицы Плоскую, Незамаевскую. Скоро надо было пересѣкать желѣзно-дорожное полотно Ростовъ-Тихорѣцкая. Большевики оперировали главнымъ образомъ по желѣзной дорогѣ, перебрасывая по ней свою пѣхоту и для ея поддержки бронепоѣзда. Преслѣдовать добровольцевъ внѣ желѣзныхъ дорогъ красные опасались. Чтобы обмануть большевиковъ, Корниловъ сдѣлалъ видъ, что направляетъ свою армію на Тихорѣцкую, а на самомъ дѣлѣ мѣсто перехода черезъ желѣзную дорогу выбралъ другое.

Выступивъ 23-го февраля въ шесть часовъ утра и передохнувъ днемъ въ хуторѣ Веселомъ, Корниловцы въ десять часовъ вечера того же дня снова двинулись въ походъ уже въ авангардѣ всей арміи. Въ полной тишинѣ шли всю ночь. Руки нѣмѣли отъ винтовокъ, ноги пухли, глаза сли-

пались, но шли и шли безостановочно. По молчаливой сте пи лишь разносилось непонятное и жуткое шуршаніе... Въ предъутреннемъ сумракѣ подошли къ станицѣ Ново-Леушковской. Неожиданныхъ пришельцевъ казаки встрѣтили хлѣбомъ и солью. Не задерживаясь въ станицѣ, Корниловцы вышли на желѣзную дорогу, перерѣзали ее съ двухъ сторонъ, взорвавъ полотно, и пропустили черезъ себя всю армію. Примчался красный бронепоѣздъ, выпустилъ въ хвостъ уходящей арміи нѣсколько снарядовъ, но быстро былъ отогнанъ артиллеріей добровольцевъ. Къ часу дня переходъ черезъ желѣзную дорогу былъ законченъ. Корниловцы свернулись въ колонну и направились въ станицу Старо-Леушковскую. Снова подкатилъ бронепоѣздъ. По бокамъ дороги стали рваться гранаты, земля вскидывалась черными столбами. Только въ семь часовъ вечера Корниловцы втянулись въ назначенную имъ для отдыха станицу. Переходъ съ шестичасовымъ перерывомъ продолжался 37 часовъ.

Послѣ такого перехода только одинъ день отдыха далъ Корниловъ добровольцамъ и снова повелъ ихъ въ путь. Прошли станицу Иркліевскую, впереди лежала станица Березанская. По полученнымъ свѣдѣніямъ она была занята большевиками. Предстоялъ бой. Корниловцы должны были опять своимъ обходнымъ движеніемъ помочь Офицерскому полку разбить большевиковъ. На рекогносцировку позиціи былъ посланъ командиръ 2-ой роты штабсъ-капитанъ князь Чичуа. Только что Корниловцы высыпали густой цѣпью на гребень, и правѣе его открылась въ котловинѣ вся Березанская, какъ ко второй ротѣ подошелъ офицеръ и крикнулъ:

— Вторая рота.... Вашъ командиръ убитъ....

Всѣ сняли фуражки и перекрестились. Нѣсколько человѣкъ отдѣлились отъ роты и пошли за тѣломъ убитаго. Князя положили поперекъ сѣдла и повели коня подъ уздцы. Не вѣрилось, что это качающееся обвислое тѣло тотъ самый князь Чичуа, красивый мингрелецъ, который еще такъ недавно то лихо джигитовалъ на этомъ же конѣ, то весь радостный, улыбающійся танцовалъ по кругу лезгинку...

Въ захваченной Березанской передъ станичнымъ управленіемъ «старики», по приказу Корнилова, съ превеликимъ удовольствіемъ отодрали нагайками своихъ молодыхъ казаковъ, помогавшихъ въ этомъ бою большевикамъ.

На другой день 2-го марта ночевка для всей арміи была назначена въ Журавскихъ хуторахъ, а Нѣженцеву было приказано выбить большевиковъ изъ сосѣдней станціи Выселки, послѣ чего перейти на хуторъ Малеваный.

При подходѣ колонны Корниловскаго полка къ выселкамъ, красные открыли артиллерійскій огонь. Немедленно 3-ему батальону было приказано наступать вдоль дороги Березанская-Выселки, а ротамъ 1-го батальона двигаться уступомъ за его правымъ флангомъ. Стремительной атакой 3-го батальона станція была взята. Кромѣ плѣнныхъ, захватили пулеметы и снаряды. Въ одномъ вагонѣ отыскали партію дамскаго бѣлья. Свое бѣлье Корниловцы совершенно износили, и они съ хохотомъ и шутками облеклись въ кружева и прошивки.

Передавъ взятую станцію конному дивизіону Гершельмана, Корниловцы пошли ночевать въ хуторъ Малеваный. Не отошли они и четырехъ верстъ, какъ со стороны Выселокъ опять послышалась стрѣльба. На слѣдующее утро Партизанамъ вмѣстѣ съ 5-ой и 6-ой ротой Корниловцевъ подъ командой полковника Мухина снова пришлось брать Выселки.

Въ станицѣ Журавской Корниловъ получилъ свѣдѣнія, что какъ разъ въ этихъ мѣстахъ Кубанская правительственная армія подъ начальствомъ Покровскаго потерпѣла сильный уронъ въ бою съ большевицкой арміей, покинула Екатеринодаръ и двинулась куда-то въ предгорья Кавказа. Планъ Корнилова неожиданно рушился, и въ тотъ самый моментъ, когда добровольцы были отъ Екатеринодара всего въ восьмидесяти верстахъ. Снаряды у добровольцевъ изсякли, непрерывные переходы измотали людей и лошадей. Положеніе создавалось крайне тяжелое, но не таковъ былъ Корниловъ, чтобы падать духомъ. Онъ зналъ своихъ Корниловцевъ, вѣрилъ добровольцамъ, и по его приказу 4-го марта вся армія снова двинулась впередъ на станицу Кореневскую. Въ ней была сосредоточена Та-

Генералъ КУТЕПОВЪ.

Группа Корниловцевъ-первопоходниковъ въ Галлиполи.

Штабъ 1-го Корниловскаго уд. полка. Въ первомъ ряду: подпор. ЛУТИНОВЪ, Командиръ полка полк. ГОРДѢЕНКО, полковникъ ЧЕЛЯДИНОВЪ. Во второмъ ряду: свящ. о. Леонидъ РОЗАНОВЪ, поручикъ ПОКРОВСКІЙ, пор. ПОПОВЪ и шт.-кап. ШВИДКОЙ.

манская красная армія Сорокина въ четырнадцать тысячъ штыковъ и сабель съ большимъ количествомъ орудій. Свои боевые запасы Корниловъ расчитывалъ пополнить здѣсь.

Древне-классическимъ духомъ вѣяло отъ всего этого похода. Извѣстенъ отвѣтъ римскаго полководца, когда его солдаты стали жаловаться на то, что ихъ мечи короче вражескихъ. Полководецъ отвѣтилъ:

— Подойдите на шагъ ближе и вы сравняетесь оружіемъ.

Чтобы сравняться оружіемъ съ большевиками, добровольцы подходили къ нимъ вплотную и брали съ боя ихъ винтовки и снаряды. Такъ было и въ этомъ бою подъ Кореневской.

Главная тяжесть боя пала на Корниловцевъ. Лѣвѣе ихъ былъ направленъ Офицерскій полкъ, а правѣе — юнкерскій батальонъ, еще правѣе — за юнкерскимъ батальономъ — Партизаны. Большевики встрѣтили Корниловцевъ сосредоточеннымъ огнемъ хорошо пристрѣлянной артиллеріи, бороться съ которой своей артиллеріей добровольцы за недостаткомъ снарядовъ не могли. Отъ мѣткаго огня Корниловцы несли большія потери, то и дѣло ударники вскидывали руками и падали навзничь. Около нихъ склонялись сестры. И все-таки Корниловцы подошли къ окопамъ. Большевики перешли въ контръ-атаку. Окопы переходили изъ рукъ въ руки. Казалось, что бой кончится въ ничью, но вдругъ за лѣвымъ флангомъ большевиковъ, уже въ самой станицѣ, послышались громкіе крики ура. Юнкера и партизаны обошли противника и ворвались въ станицу. Корниловцы воспрянули духомъ и снова бросились въ атаку. По всему фронту большевики стали отступать, только у самой станціи продолжался упорный бой между Офицерскимъ полкомъ и красными, которыхъ прикрывалъ бронепоѣздъ. Корниловцы быстро пробѣжали станицу и уже были недалеко отъ станціи. Въ это время навстрѣчу имъ показались какія то войска. Принявъ ихъ за свой Офицерскій полкъ, Корниловцы подошли къ нимъ почти въ упоръ и только тогда разглядѣли, что передъ ними резервныя части Таманской арміи. Нѣженцевъ сразу скомандовалъ — въ атаку; Корниловцы бросились. Красные стали

сдаваться, какъ изъ за угла деревни вылетѣлъ конвой Корнилова и, не разобравъ въ чемъ дѣло, врубился въ нихъ. Красные стали подбирать винтовки и защищаться. Своей стрѣльбой они отбросили конвой и сразу воодушевились своимъ успѣхомъ: перестали сдаваться и начали отходить, отстрѣливаясь, пока не скрылись изъ виду. Корниловцы уже безпрепятственно вышли въ тылъ станціи и тѣмъ самымъ рѣшили участь боя и на этомъ участкѣ. Въ ихъ рукахъ осталось два вагона со снарядами и патронами. Запасы добровольцевъ увеличились втрое.

Бой кончился. Корниловцы уже мечтали объ отдыхѣ, но имъ было приказано продвинуться отъ станціи на двѣ версты и тамъ вмѣстѣ съ юнкерскимъ батальономъ занять позиціи. Противникъ готовился къ контръ-атакѣ, и, дѣйствительно, въ семь часовъ вечера показались густыя цѣпи красныхъ, а за ними дымился бронепоѣздъ. Обозленные Корниловцы выскочили навстрѣчу врагу, красные предпочли не вступать въ единоборство и побѣжали назадъ къ своей станціи Платнировской.

Только въ девять часовъ вечера Корниловскій полкъ расположился на ночлегъ въ завоеванной имъ станицѣ Кореневской. За этотъ бой Корниловцы потеряли 150 человѣкъ убитыми и ранеными. Теперь уже 4-ая рота оплакивала своего командира капитана Піотровскаго.

Бой подъ Кореневской воодушевилъ Добровольческую армію — врагъ въ пять разъ сильнѣйшій, на заранѣе укрѣпленныхъ позиціяхъ и съ подавляющей артиллеріей, былъ разбитъ. Вѣра въ Корнилова, увѣренность въ своихъ силахъ у добровольцевъ возросли. Разбитые большевики сосредоточились на станціи Платнировской. Сюда изъ Екатеринодара имъ гнали непрерывныя подкрѣпленія, но Корниловъ спуталъ расчеты краснаго командованія. Онъ рискнулъ на очень смѣлый маневръ. Вмѣсто того, чтобы наступать на юго-западъ, на станцію Платнировскую, какъ предполагали большевики, Корниловъ повелъ добровольцевъ на юго-востокъ. Онъ со своей арміей вошелъ внутрь треугольника, образуемаго желѣзнодорожными линіями, соединяющими Екатеринодаръ, Кавказскую и Тихорѣцкую, и уже къ вечеру того же дня пересѣкъ сторону треугольни-

ка Екатеринодаръ-Кавказская, переправился за Кубань и очутился на востокѣ отъ Екатеринодара. Корниловъ въ этихъ мѣстахъ расчитывалъ найти безслѣдно исчезнувшую Кубанскую армію.

Если бы большевики разгадали планъ Корнилова, они могли бы сжать добровольцевъ со всѣхъ сторонъ и не выпустить ихъ изъ треугольника.

Этотъ походъ начался ночью. Опять по степи заколыхались безмолвныя тѣни, лишь скрипъ телѣгъ и шуршанье ногъ выдавали добровольцевъ. Къ разсвѣту уже прошли половину пути, какъ внезапно степную тишину разорвалъ раскатистый ружейный трескъ. Большевики со станціи Платнировской догнали добровольцевъ и начали на нихъ насѣдать. Партизанскій отрядъ съ кавалеріей повелъ арьергардный бой, а въ это время Корниловскій полкъ уже подошелъ къ желѣзнодорожному полотну у станицы Усть-Лабинской и завязалъ авангардный бой съ мѣстными красными отрядами. Корниловцы быстро ихъ смяли, захватили станицу и мостъ черезъ Кубань. Обозъ уже сталъ переправляться черезъ рѣку, какъ подошли изъ Кавказской два бронепоѣзда съ эшелонами красной пѣхоты. Снова разгорѣлся бой — большевики насѣдали спереди и сзади. Только къ ночи Корниловцамъ и Офицерскому полку удалось отбросить противника. Вся армія благополучно перешла черезъ рѣку и вышла изъ рокового треугольника. Въ полночь всѣ добровольцы, какъ убитые, свалились по хатамъ въ станицѣ Некрасовской. Только 2-му батальону пришлось остаться въ сторожевомъ охраненіи около моста, который не успѣли взорвать.

Два дня простояли добровольцы въ Некрасовской. Душа оттаивала. Такъ хорошо было послѣ выстрѣловъ, треска, крика, стоновъ окунуться въ тишину и смотрѣть на далекія синія громады Кавказскаго хребта. Только печальный звонъ и скорбные звуки траурнаго марша возвращали къ жестокой дѣйствительности.

Некрасовская расположена на рѣкѣ Лабѣ, притокѣ Кубани. Уходя изъ Некрасовской большевики сожгли всѣ переправы и, прикрываясь рѣкой, стали обстрѣливать станицу. Долеталъ орудійный гулъ и изъ Усть-Лабинской,

куда красные подтягивали крупныя силы. Опять добровольцы оказались въ полукольцѣ враговъ.

8-го марта юнкерскій батальонъ форсировалъ Лабу и отогналъ большевиковъ. Инженерная рота быстро навела мостъ, и добровольцы къ вечеру двинулись прямо на югъ. Шли по Майкопскому отдѣлу, густо населенному иногородними. По дорогѣ все время попадались мелкіе хутора, брошенные жителями. Вскорѣ всѣ эти хутора одинъ за другимъ стали загораться. Ихъ поджигали шедшіе въ авангардѣ казаки-партизаны, мстя иногороднимъ за ихъ совмѣстныя выступленія съ большевиками.

Хутора вспыхивали мгновенно, занимались сараи, скотные дворы, стога. Надъ клубами дыма и огня трепыхали розовыми крыльями голубиныя стаи, надрывно мычали коровы, метались испуганныя овцы, по полямъ отъ дороги колыхались черныя тѣни людей, верховыхъ, повозокъ. Эти тѣни то укорачивались, то разростались до гигантскихъ размѣровъ.

На другой день съ утра Корниловскій полкъ въ авангардѣ продолжалъ двигаться на югъ. У Филипповскихъ хуторовъ, центрѣ большевизма и военной организаціи всего раіона, завязался упорный бой. Искусно маневрируя и нѣсколько разъ мѣняя направленіе полка, Нѣженцевъ разбилъ большевиковъ и занялъ Филипповскую станицу. Вмѣстѣ съ большевиками изъ нея бѣжали всѣ жители. Отсюда Корниловъ круто повернулъ свою армію на западъ. Надо было переходить рѣку Бѣлую и сбить за рѣкой засѣвшихъ на буграхъ большевиковъ. Повелъ наступленіе 2-ой батальонъ Корниловскаго полка подъ сильнѣйшимъ пулеметнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. На помощь 2-му батальону пришлось бросить весь Корниловскій полкъ. Когда красные были сбиты съ бугровъ, и вся армія подтянулась сюда, она оказалась окруженной подоспѣвшими красными отрядами. Непріятельскіе снаряды и пули полетѣли со всѣхъ четырехъ направленій. Надо было пробиваться — во чтобы то ни стало, но къ краснымъ подходили все новыя и новыя силы. Бой затягивался. Красные стали тѣснить добровольцевъ. Корниловъ бросилъ въ цѣпи свои послѣдніе резервы — охранную роту

изъ инвалидовъ и музыкантскую команду. Большевики продолжали яростно наступать. Казалось, наступилъ предѣлъ человѣческимъ силамъ и воинской доблести. Положеніе создавалось отчаянное. Раненые въ обозѣ уже приготовили револьверы. И вотъ тутъ произошелъ у сражавшихся тотъ психологическій переломъ, который сразу рѣшаетъ участь боя: откуда то изъ горныхъ ауловъ появился небольшой разъѣздъ, высланный генераломъ Покровскимъ на рекогносцировку. Какъ только добровольцы узнали, что это разъѣздъ отъ Кубанской арміи, сразу по всѣмъ цѣпямъ покатились крики — «соединились съ Покровскимъ! Ура Кубанской арміи!» Эта вѣсть настолько воодушевила добровольцевъ и настолько побѣдоносно звучало ихъ ура, что красные опѣшили, смутились и вдругъ стали отступать по всѣмъ линіямъ. Отступленіе превратилось въ панику. Дороги передъ добровольцами были свободны.

За этотъ бой Корниловцы потеряли до двухсотъ человѣкъ. Изъ командного состава были убиты командиръ 2-го батальона полковникъ Мухинъ и командиръ 6-ой роты штабсъ-капитанъ Петровъ. Обозъ съ ранеными увеличился втрое.

Добровольцы двинулись въ предгорья Кавказа. Быстрыми маршами проходили черезъ черкесскіе аулы. Аулы были пусты. Большевики вырѣзали почти всѣхъ черкесовъ, оставшіеся въ живыхъ убѣжали въ горы. Въ мертвыхъ аулахъ не было никакого продовольствія, никакой живности. Армія голодала. Въ большомъ аулѣ Шенджій, наименѣе пострадавшемъ отъ большевиковъ, добровольцы стали на двухдневный отдыхъ. Мулла призывалъ къ мщенію. Черкесы на своихъ поджарыхъ коняхъ съ зеленымъ знаменемъ пророка присоединялись къ добровольцамъ. Въ этомъ же аулѣ состоялась встрѣча Корнилова съ Покровскимъ. Было намѣчено предварительное соглашеніе о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ. Обѣ арміи должны были соединиться въ станицѣ Новодмитріевской.

Утромъ 15-го марта добровольцы, отправивъ свой обозъ въ станицу Калужскую, мѣсто стоянки Кубанской арміи, сами пошли на станицу Новодмитріевскую. Лилъ,

не переставая, дождь. Всѣ дороги быстро развезло. Къ вечеру подулъ холодный вѣтеръ, и въ лицо стала бить колючая крупа. Потомъ повалилъ снѣгъ и разыгралась вьюга. Намело сугробы, подъ ними вода выше колѣнъ. Промокшая насквозь одежда замерзла такъ, что полы шинелей отламывались, какъ стекляныя. Винтовки, пулеметы покрылись ледяной корой. Боевой обозъ еле двигался, лошади круто водили боками, скользили, падали. Въ темнотѣ подошли къ Новодмитріевской, дорогу преграждала разбушевавшаяся горная рѣчка. Развѣдка донесла, что станицу занимаютъ крупныя силы большевиковъ. Въ такую ночь оставить закоченѣвшую армію подъ открытымъ небомъ было немыслимо, и Корниловъ приказалъ взять станицу. Стали искать бродъ. Пока его нащупывали, по всему берегу развели костры. Большевики всполошились и стали бить изъ орудій по кострамъ и переправамъ. Одна граната разметала весь костеръ и перебила человѣкъ двадцать, но таковъ былъ холодъ, и люди такъ промерзли, что, несмотря на обстрѣлъ, никто не отходилъ отъ костровъ.

Офицерскій полкъ сталъ переправляться черезъ рѣчку верхомъ и на крупахъ. Нѣженцевъ скомандовалъ: «братцы, впередъ!» и бросился въ воду. За нимъ Корниловцы. Вода была по грудь, теченіе сбивало съ ногъ. Обледенѣлыя чудища вскарабкались на откосъ и ударили въ штыки. Большевики, никакъ не ожидавшіе штурма въ такую пургу, бѣжали. Огромную ихъ часть переловили по хатамъ.

— Въ хатахъ,— разсказывалъ одинъ ударникъ,— мы припадали къ плитѣ какъ къ груди родной матери, а зубы наши такъ и тритерили (лязгали).

Отъ генерала Покровскаго было получено донесеніе, что его войска выступили изъ Калужской, но изъ за непогоды вернулись обратно.

Послѣ этого «ледяного похода» добровольцы два дня сушились и отогрѣвались. Откапывали замерзшихъ въ снѣгу, перевозили брошенныя у переправы повозки. Подтянулся и весь обозъ изъ Калужской. Красные пытались наступать на Новодмитріевскую, но были быстро отогнаны.

За эти дни состоялось окончательное соглашеніе между Корниловымъ и Покровскимъ. «Кубанская армія» вошла въ полное подчиненіе добровольческому командованію. Всѣ войска были сведены въ двѣ бригады. Корниловскій полкъ вмѣстѣ съ Партизанскимъ вошелъ въ составъ 2-ой бригады подъ командой генерала Богаевскаго. Въ самый Корниловскій полкъ были влиты юнкера Константиновскаго Училища, составившіе 3-ю роту. Затѣмъ опять началась страдная пора. Сначала Корниловцамъ было приказано очистить отъ большевиковъ станицу Новогригорьевскую, находившуюся въ тылу Новодмитріевской.

Съ наступленіемъ темноты Корниловцы подошли вплотную къ Новогригорьевской. Несмотря на сильнѣйшій пулеметный и ружейный огонь, Корниловцы по колѣно въ грязи неуклонно продвигались впередъ и въ концѣ концовъ заняли станицу. Полкъ опять понесъ большія потери: былъ убитъ командиръ 6-ой роты штабсъ-капитанъ Томашевскій, и особенно сильно пострадала юнкерская рота.

23-го марта началась подготовка операціи по овладѣнію обѣтованнымъ городомъ Екатеринодаромъ. Корниловскій полкъ перешелъ въ станицу Смоленскую, только что взятую съ боемъ Партизанскимъ полкомъ, а оттуда двинулся на станцію Георгіе-Афипскую. Правѣе Корниловцевъ шелъ Офицерскій полкъ, лѣвѣе — Конно-Партизанскій полкъ полковника Глазенапа. Корниловцы были встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ. Развернувшись въ боевой порядокъ, они стали тѣснить передъ собой противника. Въ это время совершенно неожиданно во флангъ полка ударила пѣхота противника, ликвидировать которую былъ пущенъ Партизанскій полкъ. Корниловцы продолжали продвигаться впередъ и подошли къ самой станціи, но здѣсь ихъ встрѣтилъ крупный отрядъ и бронепоѣздъ. Полковникъ Индѣйкинъ быстро выдвинулъ пулеметы во флангъ противнику и открылъ такой сильный огонь, что красные дрогнули. Передъ своимъ отступленіемъ они взорвали поѣздъ со снарядами. Корниловцы ворвались на станцію и первымъ дѣломъ бросились спасать столь драгоцѣнные снаряды и патроны. Къ вечеру задача, постав-

ленная Корниловымъ своимъ войскамъ, была выполнена. Станція и станица Георгіе-Афипская были взяты.

— Въ этомъ бою,— говорилъ командиръ Партизанскаго полка генералъ Казановичъ,— всѣмъ успѣхомъ мы были обязаны Митрофану Осиповичу Нѣженцеву и его полку.

Занявъ Георгіе-Афипскую, Добровольческая армія очутилась на юго-западѣ отъ Екатеринодара на линіи желѣзной дороги Новороссійскъ - Екатеринодаръ. Но и отсюда брать Екатеринодаръ не входило въ расчеты Корнилова. Онъ пустилъ свою армію на сѣверо-западъ къ хутору Панахесъ. Корниловцы, выйдя изъ Георгіе-Афипской отбросили атаковавшихъ ихъ во флангъ красныхъ и быстро совершили свой маршъ-маневръ. Впереди Корниловцевъ, еще далѣе на сѣверъ, была пущена конница Эрдели, которая внезапнымъ набѣгомъ захватила станицу Елизавстинскую съ ея паромной переправой черезъ Кубань. Изъ этой станицы, откуда большевики меньше всего ожидали наступленія добровольцевъ, Корниловъ и рѣшилъ штурмовать Екатеринодаръ. Закипѣла переправа всей арміи и обоза черезъ Кубань. Паромъ подымалъ не болѣе ста человѣкъ. Жители Елизаветинской встрѣтили добровольцевъ колокольнымъ звономъ и сразу стали записываться въ армію. Вслѣдъ за Корниловцами былъ переправленъ Партизанскій полкъ.

27-го марта на разсвѣтѣ большевики открыли орудійный огонь по станицѣ и стали сосредотачивать свою пѣхоту между Елизаветинской и Екатеринодаромъ. Корниловъ приказалъ 2-ой бригадѣ атаковать красныхъ. Корниловцы и Партизаны быстрымъ ударомъ обрушились на не успѣвшаго развернуться противника и обратили его въ бѣгство. Въ Екатеринодарѣ поднялась паника, и изъ него потянулись многочисленные обозы, но Богаевскій приказалъ Корниловцамъ вернуться въ исходное положеніе, а Партизанамъ закрѣпиться на высотѣ около кирпичнаго завода на полъ пути отъ Елизавстинской до Екатеринодара.

На другой день была произведена реорганизація Корниловскаго полка. Вслѣдствіе огромныхъ потерь, понесенныхъ полкомъ за всѣ предшествовавшіе бои, полкъ былъ

свернутъ въ одинъ батальонъ, а второй батальонъ образовали только что записавшіеся добровольцы Кубанцы. Командиромъ 1-го батальона былъ назначенъ полковникъ Индѣйкинъ, командиромъ 2-го батальона есаулъ Кисель. Въ тотъ же день Корниловцы получили приказаніе спѣшно двигаться на лѣвый флангъ Партизанскаго полка, такъ какъ его сталъ сильно тѣснить противникъ. Съ развернутымъ знаменемъ и съ оркестромъ впереди Корниловскій полкъ выступилъ изъ станицы и прошелъ мимо Корнилова, наблюдавшаго за боемъ въ одномъ хуторѣ. Корниловъ поздоровался. Полкъ радостно отвѣтилъ. Это была послѣдняя встрѣча полка со своимъ шефомъ.

Какъ на парадѣ Корниловцы развернулись въ боевой порядокъ и ударили во флангъ наступающимъ краснымъ. Бѣшено затрещали пулеметы. Красные бросились бѣжать. Корниловцы, преслѣдуя ихъ, были уже въ одной верстѣ отъ Екатеринодара, но получили категорическое приказаніе — въ городъ не врываться, а ждать утра, пока не будетъ подтянута 1-ая бригада, охранявшая до того переправу черезъ Кубань. Партизаны задержались на южной окраинѣ Екатеринодара на кожевенномъ заводѣ, а Корниловцы окопались въ небольшомъ оврагѣ верстахъ въ двухъ отъ западной окраины города. Позади Корниловской цѣпи на курганѣ расположился Нѣженцевъ со своимъ штабомъ.

Наступила ночь. Завтра рѣшительный день. Отъ напряженнаго ожиданія трудно было заснуть. Конецъ безпріютному скитанію, непрерывнымъ походамъ и боямъ. Въ успѣхѣ штурма никто не сомнѣвался. Еще не было случая, чтобы армія Корнилова не выполнила его приказа.

29-го марта конница Эрдели получила задачу обойти Екатеринодаръ съ сѣвера и сѣверо-востока, Офицерскій полкъ долженъ былъ атаковать съ юга артиллерійскія казармы, расположенныя рядомъ съ кожевеннымъ заводомъ, а Корниловцы съ Партизанами взять Черноморскій вокзалъ, на западной сторонѣ города.

Въ пять часовъ дня Нѣженцевъ получилъ извѣстіе, что Марковъ взялъ артиллерійскія казармы; настала очередь за Корниловцами. Они пошли въ атаку. Ихъ встрѣ-

тила стальная стѣна. Красные за ночь, не видя преслѣдованія, ободрились и подвезли сюда всѣ свои резервы. Корниловцы залегли. Въ ушахъ свистѣло отъ пуль. Корниловцы снова пытались подняться и падали, какъ подкошенные. Тогда Нѣженцевъ въ своей черной черкескѣ, на которой поблескивалъ бѣлый крестикъ, сбѣжалъ съ кургана, выскочилъ на верхъ оврага и крикнулъ: «Корниловцы, впередъ!» Сразу поднялась вся цѣпь, но уже тутъ упалъ Нѣженцевъ, сраженный пулей въ голову. Онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и повалился опять, убитый наповалъ второю пулей въ самое сердце.

Душа перваго Корниловца отлетѣла.

Только въ полной темнотѣ удалось вывезти тѣло Нѣженцева. Осиротѣлые Корниловцы остались въ окопахъ. Въ глубокой скорби они провели всю ночь. Казалось, погибла вся Корниловская семья. Нѣтъ Нѣженцева, ранены командиры 1-го и 2-го батальона — полковникъ Индѣйкинъ и есаулъ Кисель, почти всѣ старые Корниловцы перебиты. Отъ всего полка осталось 67 штыковъ.

«Когда Корнилову доложили о смерти Нѣженцева — пишетъ генералъ Деникинъ,— онъ закрылъ лицо руками и долго молчалъ... Сталъ угрюмъ и задумчивъ; ни разу съ тѣхъ поръ шутка не сорвалась съ его устъ, никто не видѣлъ больше его улыбки. Съ каждымъ новымъ человѣкомъ онъ неожиданно прерывалъ разговоръ:

— Вы знаете, Нѣженцевъ убитъ, какая тяжелая потеря ...*)

На другой день командиромъ Корниловскаго полка былъ назначенъ полковникъ Кутеповъ, послѣдній командиръ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка, а на пополненіе Корниловцамъ былъ влитъ батальонъ Кубанцевъ въ 350 штыковъ изъ станицы Новомышастовской подъ начальствомъ полковника Шкуратова.

30-го марта по всему фронту шла сильная артиллерійская стрѣльба, но только со стороны красныхъ. Артиллерія добровольцевъ молчала, приберегая свои послѣдніе

---

*) Генералъ А. И. Деникинъ «Очерки Русской Смуты», томъ второй, стр. 291.

снаряды для окончательнаго штурма Екатеринодара, назначеннаго Корниловымъ на 1-ое апрѣля. Весь день шла переброска въ цѣпи добровольцевъ послѣднихъ имѣющихся резервовъ у Корнилова. Самъ Корниловъ все время оставался на образцовой фермѣ Екатеринодарскаго сельско-хозяйственнаго общества, всего въ трехъ верстахъ отъ города, и оттуда онъ руководилъ боемъ. Эта ферма все время обстрѣливалась артиллеріей противника. Нѣсколько разъ чины штаба указывали Корнилову на опасность, но онъ меньше всего считался съ нею.

31-го марта въ восьмомъ часу утра генералъ Корниловъ разорвавшейся гранатой былъ убитъ въ своей комнатѣ на фермѣ.

Погибъ великій русскій патріотъ.

Ужасная вѣсть, какъ ни хотѣли ее сначала скрыть, сразу облетѣла всю армію. Добровольцы пали духомъ. Корниловцы этимъ вторымъ ударомъ были окончательно придавлены. У всѣхъ была одна и та же мысль:

«Конецъ всему.»

Въ командованіе Добровольческой арміей вступилъ генералъ Деникинъ. Въ тотъ же день онъ рѣшилъ снять осаду Екатеринодара и вывести потрясенную армію изъ-подъ удара Екатеринодарской группы большевицкихъ войскъ. Генералъ Эрдели получилъ приказаніе прикрывать отходъ арміи, навлекая на себя атаками силы противника и жертвуя своей конницей.

Въ ночь на 1-ое апрѣля изъ Елизаветинской въ полной тишинѣ потянулись остатки Добровольческой арміи, взявъ направленіе на сѣверъ. Вся армія состояла изъ сплошныхъ повозокъ, на которыхъ лежали раненые. Рѣдкою цѣпью по бокамъ дороги шли, понуривъ головы, добровольцы. Въ тупомъ безразличіи шли безъ остановки всю ночь, механически прошли еще цѣлый день. Гдѣ-то шла ружейная стрѣльба, по буграмъ мелькали конные.... Поздно вечеромъ вся армія сосредоточилась въ маленькой — всего изъ десяти домовъ — нѣмецкой колоніи Гначбау. Тяжелый, болѣзненный сонъ овладѣлъ всѣми.

Прахъ Корнилова и Нѣжнцева рѣшили временно предать землѣ въ этой колоніи. Чтобы избѣжать надруга-

тельства надъ дорогими могилами, два гроба закопали за деревней на одномъ пустырѣ только въ присутствіи нѣсколькихъ старыхъ Корниловцевъ. Могилы сравняли съ землей, ни креста ни холмика. Кроки мѣстности роздали тремъ участникамъ погребенія. Похороннымъ салютомъ были орудійные выстрѣлы красныхъ, начавшихъ обстрѣливать Гначбау.

Когда большевики заняли колонію, то должно быть по свѣже-взрыхленной землѣ они отыскали слѣды могилъ. Вытащили изъ гроба тѣло Корнилова и привезли его въ Екатеринодаръ. Тамъ толпа стала издѣваться надъ трупомъ. Раздѣла его донага, колола штыками, топтала ногами и хотѣла повѣсить на дерево, но оборвалась веревка. Обезображенные останки вывезли за городъ и сожгли.

Въ Таганрогѣ къ командующему нѣмецкими войсками генералу фонъ-Арниму весною 1918 года явилась делегація отъ краснаго Ростова.

— Гдѣ теперь Добровольческая армія? — спросилъ фонъ-Арнимъ.

— Ея не существуетъ. Она разбита и разбѣжалась по Кубанской области...

— А гдѣ же теперь генералъ Корниловъ? — задаетъ генералъ второй вопросъ.

— Военнослужащій Корниловъ убитъ подъ Екатеринодаромъ, — съ торжествомъ отвѣтили делегаты.

— Какъ, Корниловъ убитъ!? — подскочилъ фонъ-Арнимъ. Помолчалъ немного и съ презрѣніемъ процѣдилъ:

— Не умѣете вы, русскіе, цѣнить своихъ талантливыхъ полководцевъ.

XII.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО КУБАНСКАГО ПОХОДА

Тяжелый день пережили добровольцы въ колоніи Гначбау. Ея единственная короткая улица была сплошь заставлена повозками съ больными и ранеными. Отовсюду неслись стоны и мольбы о помощи... Къ полдню обнаружилось приближеніе красныхъ отрядовъ. Деникинъ для большей подвижности обоза приказалъ уничтожить все лишнее имущество. За отсутствіемъ снарядовъ пришлось испортить и утопить въ рѣкѣ даже пушки. У добровольцевъ осталось всего четыре орудія.

Къ вечеру красные стали окружать Гначбау. Конница отходила, пѣхота нервничала. Каждый понималъ, что въ случаѣ тяжелаго раненія его не успѣютъ вывезти. Раненые въ обозѣ съ ужасомъ наблюдали за ходомъ боя. Когда орудія красныхъ стали бить по самой колоніи, въ обозѣ поднялась паника. Кто-то крикнулъ: «красная кавалерія!» и весь обозъ помчался. Въ повозкахъ раздались револьверные выстрѣлы. Добровольцамъ еле удалось сдержать противника, пока обозъ не вытянулся изъ колоніи и не исчезъ во тьмѣ.

Впереди у станціи Медвѣдовской армія должна была пересѣчь желѣзную дорогу, по которой красные пустили бронепоѣзда. Въ ночной темнотѣ безъ одного папироснаго огонька обозъ подтянулся къ переѣзду въ полуверстѣ отъ станціи. Отъ сторожа узнали, что на станціи два бронепоѣзда подъ парами. Добровольцы залегли по обѣ стороны полотна и поставили орудіе около будки. Одна и та же мысль сверлила у всѣхъ — удастся ли проскочить черезъ желѣзную дорогу?

Со стороны станціи послышался равномѣрный стукъ

колесъ. Уже показались огни паровоза. Къ будкѣ подкатывалъ на тихомъ ходу бронепоѣздъ. У всѣхъ екнуло сердце. Въ эту минуту къ паровозу рѣшительно подошелъ генералъ Марковъ, крикнулъ: «стой! развѣ не видишь — свои!» и бросилъ въ машину ручную гранату. Выстрѣлы изъ орудія, взрывы, крики «ура!» — все смѣшалось въ одинъ гулъ, и черезъ нѣсколько мгновеній поѣздъ запылалъ. Одни ловили ошалѣвшихъ большевиковъ, другіе бросились выгружать изъ горящихъ вагоновъ снаряды и патроны. Пока кипѣла эта работа, одна повозка за другой вскачь проносилась черезъ переѣздъ. Второй бронепоѣздъ былъ отогнанъ только что захваченными снарядами. Добровольцы вырвались изъ клещей противника и вздохнули свободно. Было захвачено около 400 снарядовъ и до 100.000 патроновъ — армія вооружилась и снова почувствовала свою силу. «Слава Маркову!» — было у всѣхъ на устахъ.

Въ станицѣ Дядьковской добровольцы стали приводить себя въ порядокъ. Много раненыхъ Корниловцевъ вернулось въ строй. Въ полку стало пять ротъ. Между новымъ командиромъ полка Кутеповымъ и Корниловцами первое время стояла отчужденность: въ полку еще не зарубцевалась свѣжая рана послѣ смерти Нѣженцева, и казалось, что никогда никто не сможетъ его замѣнить. Было у Корниловцевъ и опасеніе, что Кутеповъ, какъ гвардеецъ, не подойдетъ имъ по своему духу — гвардейцы всегда косо поглядывали на Корниловцевъ. Эту отчужденность полка Кутеповъ сразу почувствовалъ и рѣшилъ даже уйти изъ Корниловскаго полка, но старый Корниловецъ — Скоблинъ — разубѣдилъ Кутепова. И, дѣйствительно, послѣдующая боевая жизнь кровно связала Кутепова съ Корниловскимъ полкомъ.

Кутеповъ расположилъ къ себѣ Корниловцевъ своей выдержкой и спокойствіемъ. Въ бою онъ шелъ съ цѣпями. Его коренастая фигура въ фуражкѣ, откинутой на затылокъ, всегда виднѣлась въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ. «Не кланяться! не кланяться!» — отрывисто басилъ Кутеповъ, когда при атакѣ рои пуль неслись навстрѣчу. Въ походѣ и на отдыхѣ заботы Кутепова были прежде всего

о своихъ солдатахъ. Пока не будетъ размѣщенъ на отдыхъ весь полкъ до послѣдней роты, пока не будутъ всѣ накормлены, Кутеповъ не успокоится. Дисциплину во всѣхъ частяхъ, которыми командовалъ, Кутеповъ вводилъ строжайшую. Особо требователенъ былъ къ офицерамъ, ибо, по его словамъ, офицеръ не только «слуга Отечества», но и «защитникъ правды и чести». Добивался дисциплины Кутеповъ не столько взысканіями, сколько своимъ личнымъ примѣромъ. При Кутеповѣ каждый невольно подтягивался.

Быстро завоевали и Корниловцы у своего новаго командира уваженіе къ себѣ. Несмотря на всѣ пережитыя потрясенія, боевой духъ Корниловскаго полка не угасъ — онъ проявился въ первомъ же серьезномъ бою послѣ отступленія отъ Екатеринодара. Этотъ бой разыгрался уже на самой границѣ Ставропольской губерніи, куда Деникинъ привелъ добровольцевъ, дѣлая ежедневно огромные переходы. Вдали отъ желѣзныхъ дорогъ Деникинъ разсчитывалъ дать продолжительный отдыхъ своей арміи. Добровольцы остановились въ станицѣ Успенской. Прожили въ ней спокойно два дня, какъ Ставропольскіе большевики стали накапливаться около ближайшаго хутора Новолокинскаго, гдѣ была расположена кавалерія Эрдели. На помощь ей были направлены три роты, общей численностью въ 160 человѣкъ, подъ командой капитана Скоблина.

Къ полуночи Корниловцы подошли къ позиціямъ генерала Эрдели. Сдѣлали привалъ въ полѣ. Эрдели сталъ объяснять Скоблину обстановку.

— Ваше высокопревосходительство, — сказалъ Скоблинъ, — все равно ни зги не видно, просто укажите рукой точное направленіе противника.

Генералъ указалъ. Раздалась тихая команда:

— Интервалъ три шага... отъ середины въ цѣпь!.. Цѣпь впередъ!

Черезъ нѣкоторое время Корниловцы попали въ мелкое озеро. Вода доходила до колѣнъ. Озеро казалось нескончаемымъ. Наконецъ, выбрались на сухое мѣсто. Засѣрѣлъ разсвѣтъ, клубами закрутился туманъ. Корниловцы безшумно поползли къ окопамъ. Нарвались на сторожевое охраненіе. Кто-то вскрикнулъ. Раздался отдѣльный вы-

стрѣлъ и сразу его подхватили ружейные залпы. Злобно и торопливо застучали пулеметы.

— Въ штыки, ура! — крикнулъ Скоблинъ. Корниловцы подхватили «ура» такъ неистово, что заглушили стрѣльбу. Казалось, что несмѣтная сила обрушилась на красныхъ.

Офицерская рота первая спрыгнула въ окопы и открыла по обѣ стороны продольный огонь. Паника захлестнула большевиковъ... Чтобы ее усилить, офицеры во все горло стали выкрикивать команды: бѣлая кавалерія вправо! броневики бѣлыхъ влѣво!... Обезумѣвшія толпы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ уже ничего не соображали. Все поле покрылось брошенными ружьями, кожухами, свитками. Изъ кармановъ разсыпались красныя яйца, пасхальныя бабки, папиросы. Кое-гдѣ валялись скинутые сапоги....

Разогнавъ красныхъ, Корниловцы къ вечеру потянулись «домой». Половина отряда выбыла изъ строя; былъ раненъ полковникъ Зазулевскій, но какъ всегда бываетъ послѣ боя, острое напряженіе спало, только что пережитая опасность казалась въ далекомъ прошломъ, весь міръ представлялся радостнымъ. Кто-то затянулъ веселую пѣсенку:

Пошелъ купаться Веверлей...

Осталась дома Доротея, — сразу подхватилъ отрядъ.

Въ станицѣ Успенской вернувшихся Корниловцевъ ждала радостная вѣсть. Посланный Деникинымъ небольшой конный отрядъ для провѣрки слуховъ о возстаніи на Дону вернулся обратно. Съ отрядомъ явилась въ качествѣ депутаціи сотня донскихъ казаковъ, которые просили добровольцевъ забыть старые казачьи грѣхи и притти имъ на помощь. Со всѣхъ сторонъ Корниловцы только и слышали: на Донъ! идемъ на Донъ!

На помощь возставшимъ донцамъ кавалерія двинулась 19-го апрѣля, а на слѣдующій день въ страстную субботу выступили въ походъ Корниловцы.

Пасхальную ночь Корниловскій полкъ встрѣтилъ въ Гуляй-Борисовкѣ, только что взятой имъ съ боя, а раненые Корниловцы остались въ селѣ Лежанка, гдѣ два мѣсяца тому назадъ разразился первый бой въ Кубанскомъ

походѣ. Раненые попросили сестеръ поставить подводы около церкви. Въ только что распечатанномъ храмѣ шла служба. Черезъ открытыя двери виднѣлись освѣщенные затылки и спины. Еле доносилось церковное чтеніе... Оно смолкло. Около дверей поспѣшно раздвинулись люди. Показались наклоненныя хоругви. Крестный ходъ обошелъ церковь, широкой лентой мерцали яркіе огоньки. На паперти раздался возгласъ: да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его... Въ распахнувшіяся двери вошелъ священникъ съ высоко поднятымъ крестомъ и горящимъ трехсвѣчникомъ. Уже изъ самой церкви вырывалось ликующее: Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ, смертью смерть поправъ...

— Слушай, что я тебѣ скажу, — вдругъ зашепталъ своему распластанному сосѣду полулежащій раненый, — если мы съ тобою не выживемъ, не страшно.... Мы тоже попирали смерть... Вѣдь большевики — это сама смерть, страшнѣе смерти.... Смерть поражаетъ тѣло, а они убиваютъ не только тѣло Россіи, но и душу ея...

Заутреня кончилась. Въ церкви и около нея раздавалось громкое цѣлованіе. Изъ ограды вышли женщины и окружили раненыхъ. Трижды, крестъ-на-крестъ, онѣ христосовались съ ними, потомъ степенно кланялись въ поясъ и доставали красное или желтое яичко. У Корниловцевъ выступали слезы на глазахъ.

Радостный перезвонъ колоколовъ изрѣдка заглушали разрывы большевицкихъ гранатъ.

Черезъ нѣсколько дней раненые были перевезены въ освобожденный Новочеркасскъ.

Первый тернистый путь добровольцевъ, прокладываемый мечомъ, былъ оконченъ.

XIII.

ВТОРОЙ КУБАНСКІЙ ПОХОДЪ

Возстаніе донского казачества за свои попранныя права и вольности разросталось и ширилось. 23-го апрѣля 1918 года донское ополченіе освободило свою столицу Новочеркасскъ. Черезъ день большевики перешли въ контръатаку и уже ворвались въ предмѣстье Новочеркасска, какъ на помощь донцамъ неожиданно подоспѣлъ добровольческій отрядъ полковника Дроздовскаго, пришедшій съ румынскаго фронта на соединеніе съ Добровольческой арміей. Большевики были отогнаны. Вслѣдъ за Дроздовцами пришли германскія войска и заняли Ростовъ. Красные поспѣшно отступали за Донъ, а свои эшелоны съ военнымъ снаряженіемъ стали переправлять на Кубань. Генералъ Деникинъ, чтобы пополнить свои истощенные запасы, организовалъ набѣгъ. Вся его армія атаковала большевиковъ тремя колоннами и послѣ горячаго боя овладѣла тремя станціями — Крыловской, Сосыкой и Ново-Леушковской. 30-го апрѣля съ большой военной добычей добровольцы стали на продолжительный отдыхъ. Корниловцы расположились въ станицѣ Мечетинской.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца Корниловскій полкъ пополнялся и велъ ежедневныя занятія. Прибывали отпускные и выздоровѣвшіе отъ ранъ Корниловцы, поступали новые добровольцы. Позорный Брестъ-Литовскій договоръ и германская оккупація всей Украины всколыхнули въ Россіи національное чувство, и кто не могъ перенести неслыханнаго униженія своего отечества, тотъ брался за оружіе противъ захватчиковъ власти, противъ тѣхъ, кто, называя себя Интернаціоналомъ, говорилъ теперь отъ имени рос-

сійской націи и правилъ ею.... Очень скоро Корниловскій полкъ развернулся во внушительную силу. Кубанскій батальонъ былъ переформированъ во 2-ой батальонъ Корниловскаго полка.

За май мѣсяцъ Корниловцамъ пришлось воевать только разъ. 11-го числа полку было приказано выступить на Гуляй-Борисовку, откуда красные выбили конницу Покровскаго. Уже къ вечеру того же дня Гуляй-Борисовка была взята Корниловцами.

Въ іюнѣ началась усиленная подготовка къ предстоящему новому походу. Деникинъ, послѣ освобожденія Задонья отъ большевиковъ, рѣшилъ снова итти на Кубань. Добровольческая армія возросла до 9 тысячъ штыковъ и сабель при 21 орудіи. Вся пѣхота была сведена въ три дивизіи. Корниловскій полкъ вошелъ въ составъ 2-ой дивизіи, теперь уже подъ начальствомъ генерала Боровскаго. Противъ добровольцевъ скопилось до 100 тысячъ большевицкихъ войскъ Сѣверо-Кавказской арміи, окружавшей Добровольческую армію въ Задоньѣ съ трехъ сторонъ.

9-го іюня начался 2-ой Кубанскій походъ.

Корниловскому полку было приказано сосредоточиться на Егорлыцкой, откуда на другой день перейти въ Лопанку. 12-го въ пять часовъ утра колонна Корниловскаго и Партизанскаго полка выступила изъ Лопанки и подошла къ селу Крученая Балка, гдѣ наткнулась на красныхъ. Здѣсь генералъ Деникинъ, побывавъ въ цѣпяхъ Кутепова, «съ большимъ удовлетвореніемъ убѣдился, что духъ, закаленный въ первомъ походѣ, живетъ и въ начальникахъ и въ добровольцахъ» *) — 1-ый батальонъ Корниловскаго полка лихой атакой выбилъ изъ села противника.

Сдѣлавъ привалъ на три часа, Корниловскій полкъ взялъ направленіе на станцію Торговую, подошелъ къ ней къ двумъ часамъ дня и немедленно атаковалъ ее. Послѣ короткаго боя была одержана въ этомъ походѣ первая крупная побѣда — были взяты плѣнные, орудія и большіе интендантскіе запасы. Кромѣ того, захватомъ станціи Тор-

---

*) Генералъ А. И. Деникинъ: «Очерки Русской Смуты», т. Ш, стр. 158.

говой, Добровольческая армія отрѣзала Сѣверо-Кавказскую красную армію отъ центральной Россіи. Но въ этотъ же день, въ бою подъ Шабліевской, сѣвернѣе Торговой, добровольцы въ свою очередь понесли тяжелую утрату — былъ убитъ генералъ Марковъ, начальникъ 1-ой дивизіи. Эта потеря вызвала измѣненіе командного состава — на мѣсто Маркова былъ назначенъ Кутеповъ, а на мѣсто Кутепова — полковникъ Индѣйкинъ, до этого командовавшій въ Корниловскомъ полку 1-мъ батальономъ.

На великой войнѣ Индѣйкинъ служилъ въ Сибирскихъ войскахъ. Отличился при занятіи предмостнаго укрѣпленія у рѣки Стоходъ и кончилъ войну Георгіевскимъ кавалеромъ и командиромъ 23-го Сибирскаго стрѣлковаго полка. По своему происхожденію былъ изъ крестьянъ Донской области, т. е. «иногороднимъ» среди казаковъ, а по своему образованію — семинаристъ. Но семинарскаго въ немъ ничего не осталось. — «Вотъ настоящій типъ армейскаго офицера» — невольно думалъ каждый, глядя на него. Былъ небольшого роста, усы носилъ длинные, подкрученные, а въ военную форму былъ точно влитъ. Напористость въ немъ была необыкновенная, она сказывалась даже въ его походкѣ, ходилъ всегда нѣсколько бокомъ, лѣвымъ плечомъ впередъ, какъ будто на кого-то наступалъ. Въ атакахъ былъ незамѣнимъ — шелъ въ цѣпи и отпускалъ такія крѣпкія словечки, что залечь у него подъ пулями могъ только мертвый.

Въ Добровольческую армію пошелъ безъ колебанія. — Дорогая моя, — сказалъ онъ своей молоденькой женѣ, на которой только что женился, — если я не выполню своего долга, какъ же можно меня любить?

Въ моментъ своего назначенія на должность командира Корниловскаго полка Индѣйкинъ лѣчился отъ ранъ въ Новочеркасскѣ и принялъ полкъ только 15-го іюля, а до этого числа во временное командованіе полкомъ вступилъ капитанъ Скоблинъ.

При Скоблинѣ въ Торговой было закончено формированіе 3-го батальона, командиромъ котораго былъ назначенъ полковникъ Ильинъ, командиромъ 9-ой роты — пору-

чикъ Дашкевичъ, 10-й роты — поручикъ Потло, 11-й роты — капитанъ Сапѣга, 12-й роты — капитанъ Францъ.

Послѣ взятія Торговой предстояла операція по овладѣнію станціей Тихорѣцкой. Для того, чтобы при наступленіи обезпечить тылъ своей арміи, генералъ Деникинъ рѣшилъ предварительно уничтожить южную группу красныхъ войскъ, висѣвшихъ на лѣвомъ флангѣ добровольцевъ. «Ударъ по этой группѣ, пишетъ генералъ Деникинъ *), — чтобы не задержать общаго наступленія, требовалъ отъ начальника большой рѣшимости и стремительности. Этими качествами обладалъ въ высокой степени начальникъ 2-ой дивизіи генералъ Боровскій. И кромѣ того, еще однимъ: онъ никогда не велъ рѣчи о малочисленности своихъ войскъ, ихъ переутомленіи и т. д. Разговоръ нашъ 27-го былъ кратокъ:

— Необходимо въ три дня разбить большевиковъ у Медвѣжьяго, Успенской и Ильинской съ тѣмъ, чтобы 30-го сосредоточиться въ раіонѣ Ильинской, такъ какъ 1-го іюля состоится общее наступленіе наше на Тихорѣцкую...

— Слушаю.

— Александръ Александровичъ, вы взвѣсили, что передъ вами — 115 верстъ пути и 6 тысячъ красноармейцевъ?

— Исполню.

— Можете выступить завтра съ разсвѣтомъ?

— Выступлю сегодня къ вечеру....

«Мы простились; вечеромъ я провожалъ колонну Боровскаго, вытягивающуюся изъ Бѣлой Глины; а 30-го пополудни къ штабу, перешедшему въ Новопокровскую, подъѣхалъ автомобиль: Боровскій вдвоемъ съ адъютантомъ по дорогѣ, по которой бродили еще разъѣзды большевиковъ, пріѣхалъ съ докладомъ изъ.... Ильинской.

«Рейдъ Боровскаго, какъ назвали этотъ походъ, протекалъ съ быстротой, поистинѣ, кинематографической».

Боевыя дѣйствія Корниловскаго полка въ этомъ «рей-

---

*) Генералъ А. И. Деникинъ: «Очерки Русской Смуты», т. Ш, стр. 171-172.

дѣ» оперативная сводка отъ 29-го іюня 1918 года излагала такъ:

« Колонна ген. Боровскаго утромъ 28-го іюня у хутора Богомолово была встрѣчена противникомъ силою до 4-хъ тысячъ пѣхоты при четырехъ орудіяхъ. Доблестный Корниловскій полкъ подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, перейдя въ бродъ по горло въ водѣ рѣчку, захватилъ хуторъ Богомолово, разбилъ противника, оборонявшагося въ окопахъ къ западу отъ с. Медвѣжье и овладѣлъ этимъ селомъ».

Уничтоживъ южную группу красноармейцевъ, дивизія Боровскаго немедленно двинулась на Тихорѣцкую, и 1-го іюля, какъ было назначено Деникинымъ, совмѣстными дѣйствіями частей арміи весь Тихорѣцкій районъ былъ окруженъ. Послѣ ожесточеннаго боя до поздней ночи большевики потерпѣли полное пораженіе.

Оперативная сводка отъ 2-го іюля гласила:

«Трофеи арміи громадны — захвачены три бронированныхъ поѣзда, аэропланъ, много орудій (50), въ томъ числѣ бронебойныя, большое количество огнестрѣльныхъ и прочихъ боевыхъ припасовъ, много интендантскаго имущества».

Въ слѣдующей операціи по овладѣнію Екатеринодаромъ на долю Корниловскаго полка вмѣстѣ съ другими частями 2-ой дивизіи выпала предварительная задача овладѣть станціей Кавказской — желѣзнодорожнымъ узломъ, соединяющимъ Екатеринодаръ, Ставрополь и Армавиръ.

Съ тою же быстротой, какъ въ своемъ первомъ «рейдѣ», Боровскій совершилъ съ боями переходъ въ 60 верстъ и овладѣлъ Кавказской. Развивая успѣхъ, Корниловскій полкъ двинулся на югъ къ Армавиру, захватилъ станцію Гулькевичи, откуда круто повернулъ на западъ и, переправившись на правый берегъ Кубани, занялъ станицу Григориполискую, а ночной атакой разбилъ красныхъ у станицы Прочноокопской, расположенной на высокомъ утесѣ Кубани надъ самымъ Армавиромъ. 14-го іюля утромъ съ налета былъ взятъ Армавиръ, но черезъ нѣсколько дней Боровскій былъ вынужденъ оттянуть Корниловцевъ снова къ Кавказской.

Продвигаясь къ Екатеринодару по желѣзнодорожной линіи, Корниловскій полкъ подошелъ къ станціи Ладожской. Станція была опоясана глубокими окопами. Корниловцы ворвались въ нихъ съ большими потерями. Но и въ окопахъ большевики продолжали отбиваться ручными гранатами.

— Да кто вы такіе, черти! — не выдержалъ одинъ офицеръ.

— Мы — чортова сотня товарища Жлобы, а вы кто?

— Мы — Корниловцы.... Ура!!

На самой станціи командиръ офицерской роты капитанъ Морозовъ узналъ, что въ четырехъ верстахъ отъ станціи застрялъ бронепоѣздъ красныхъ. Гурьбой по полотну пошли къ нему Корниловцы. Рядомъ по дорогѣ потянулась артиллерія, пулеметныя тачанки. Въ темнотѣ вырисовалась на рельсахъ черная громада. Раздался окрикъ:

— Стой! кто идетъ?

— Корниловцы.... — и въ одинъ мигъ съ криками «ура» офицеры забросали бронепоѣздъ ручными гранатами.

Шесть дальнобойныхъ орудій и двадцать пулеметовъ были добычей капитана Морозова.

Въ полковыхъ записяхъ, въ воспоминаніяхъ Корниловцевъ, имя капитана Морозова почти всегда упоминается съ эпитетомъ «доблестный». И, дѣйствительно, капитанъ Морозовъ со своей ротой, а потомъ уже съ 3-мъ батальономъ, часто рѣшалъ участь боя. Но всѣмъ своимъ видомъ былъ меньше всего похожъ на «вояку». Грузный, неуклюжій, съ нависшими усами на толстыя губы, которыя онъ иногда оттопыривалъ такъ, что ему кричали: «Володька, губы не распускать!» — Морозовъ былъ къ тому же страшно застѣнчивъ — румянецъ то и дѣло заливалъ его щеки. Товарищемъ Морозовъ былъ безпримѣрнымъ, его душа была прямо пронизана благожелательствомъ къ своимъ офицерамъ и солдатамъ. Погибъ онъ въ Каменноугольномъ районѣ: Корниловскому полку совмѣстно съ 4 Кубанскимъ пластунскимъ батальономъ было приказано овладѣть станціей Енакіево и Вѣровскимъ рудникомъ. Кубанскій баталь-

онъ былъ не обстрѣлянъ, и на помощь ему для руководства операціей былъ посланъ Морозовъ.

Корниловскій полкъ послѣ упорнаго боя взялъ Енакіево, а Кубанскій батальонъ не выдержалъ артиллерійскаго огня и залегъ передъ рудникомъ. Командиръ батальона оказался контуженнымъ въ голову и уѣхалъ въ тылъ. Со станціи до Кубанцевъ доносился ураганный огонь бронепоѣздовъ, бившихъ по Корниловцамъ. У Морозова все закипѣло въ груди — какъ, не придти на помощь своимъ Корниловцамъ? Онъ поднялъ цѣпи Кубанцевъ и уже увлекъ ихъ за собой, но упалъ смертельно раненый въ голову. Пластуны залегли опять.

Непосредственнаго участія во взятіи Екатеринодара Корниловцы не принимали, такъ какъ были переброшены въ Ставропольскій районъ, гдѣ большевицкія войска съ трехъ сторонъ угрожали Ставрополю, освобожденному отъ большевиковъ казацкимъ партизаномъ Шкуро еще 8-го іюня. Сразу же по прибытіи въ Ставрополь Корниловскому и Партизанскому полкамъ пришлось прямо изъ вагоновъ броситься въ бой. Поѣздъ еще не остановился, какъ была дана команда:

— Выходить изъ вагоновъ въ лѣвую дверь! На восходящее солнце, по третьему взводу... интервалъ десять шаговъ.... бѣгомъ въ цѣпь!

— Куда наступать, господинъ полковникъ? — переспросилъ начальника отряда командиръ 3-го взвода офицерской роты.

Полковникъ протянулъ обѣ руки съ растопыренными пальцами:

— Въ этомъ направленіи... — и тутъ же упалъ съ раздробленнымъ черепомъ.

Красные шли тремя группами. 3-й взводъ врѣзался въ цѣпь китайцевъ. Молодой подпоручикъ Недодаевъ съ размаха засадилъ свой штыкъ въ саженнаго роста китайца. Тотъ судорожно схватился обѣими руками за винтовку. На разстояніи шага безумными глазами глядѣли другъ на друга два человѣка и шатались. Недодаевъ пытался выдернуть винтовку и не могъ. Подбѣжалъ другой китаецъ и въ упоръ выстрѣлилъ въ офицера. Два врага рухнули....

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца Корниловцы вели бои въ раіонѣ Ставрополя, то спускаясь къ юго-западу, то подымаясь на сѣверъ. Особо упорные бои были у Сингилѣевской и Терновки.

Въ Ставрополь пріѣзжалъ генералъ Деникинъ. Онъ вызвалъ къ себѣ полковника Индѣйкина и благодарилъ Корниловскій полкъ за его боевую службу. Тогда же Деникинъ просилъ передать полку икону Иверской Божьей Матери, преподнесенную главнокомандующему городомъ Ставрополемъ.

Къ сентябрю 1918 года юго-западная часть Кубанской области и Черноморская губернія были очищены отъ большевиковъ. Красныя войска пробивались на востокъ къ Армавиру, въ раіонѣ котораго ихъ въ концѣ концовъ сосредоточилось до 70-80 тысячъ при 100 орудіяхъ. Для того, чтобы выйти въ тылъ Армавирской группѣ красныхъ, Деникинъ приказалъ Боровскому атаковать Невинномысскую. Атака Корниловцевъ началась какъ разъ въ тотъ самый день, когда командующій войсками Сѣвернаго Кавказа Сорокинъ отдалъ приказъ группѣ Гайчинца, расположенной въ Невинномысской, взять Ставрополь.

«Въ полдень 2-го сентября 1918 года, — сообщала оперативная сводка, — доблестныя части генерала Боровскаго, несмотря на чрезвычайное упорство и стойкость противника, ворвались въ станицу; продолжая стремительное наступленіе, овладѣли ею и перекинули часть силъ на лѣвый берегъ Кубани. Громадныя толпы противника въ полномъ безпорядкѣ бросились бѣжать къ Армавиру... Въ моментъ атаки въ Невинномысской находились шесть большевицкихъ штабовъ, въ томъ числѣ и штабъ Сорокина, который бѣжалъ верхомъ за Кубань...»

Паника красныхъ была такова, что Корниловцы захватили не только обозъ Сорокина, но и его оркестръ.

Черезъ нѣсколько дней Корниловцамъ вновь пришлось брать Невинномысскую, такъ какъ красная конница Жлобы выбила изъ этой станицы оставленную тамъ для ея охраны Пластунскую бригаду.

Въ то самое время, когда Корниловскій полкъ дрался около Невинномысской, его три роты подъ командой

полковника Молодкина приняли участіе въ бою по овладѣнію Армавиромъ. Эти роты сначала были переброшены на подводахъ въ станицу Убѣженскую, расположенную на правомъ берегу Кубани наискось противъ Армавира. «Войны» здѣсь не было. По утрамъ пострѣливалъ бронепоѣздъ добровольцевъ. Эхо усиливало звукъ и долго разносило его по холмамъ звонкими перекатами. Къ полдню все затихало. Днемъ изрѣдка подымалась ружейная или пулеметная стрѣльба, которую открывали изъ прибрежныхъ кустовъ казаки, бѣжавшіе къ большевикамъ. Казаки стрѣляли по своимъ виноградникамъ и баштанамъ, оберегая ихъ отъ набѣговъ «кадетъ». Одинъ богатый казакъ со своми тремя сыновьями обстрѣливалъ свой виноградникъ даже изъ бомбомета.

Казачки въ станицѣ наперебой угощали Корниловцевъ такъ, что никто не подходилъ къ своимъ ротнымъ кухнямъ. Корниловцы отъѣдались, отсыпались и жили нѣсколько дней беззаботно, какъ только могутъ жить на войнѣ молодые двадцатилѣтніе прапорщики. Удручала ихъ только рваная обувь, но и тутъ прапорщикъ Яремчукъ 2-ой утѣшалъ всѣхъ тѣмъ, что пальцы на ногахъ, послѣ грязевыхъ ваннъ теперь принимаютъ солнечныя.

Нѣсколько разъ вызывали Корниловцевъ въ сосѣднюю станицу Прочноокопскую съ ея знаменитымъ форштадтомъ — стариннымъ укрѣпленіемъ временъ «Кавказской линіи», расположеннымъ на мыску, вдающемся въ рѣку противъ Армавира. Здѣсь было хуже. Красные за недостаткомъ патроновъ стрѣляли пулями собственнаго изготовленія изъ кусочка желѣза, которыми наносили страшныя рваныя раны. Стрѣляли красные и разрывными пулями. Рано утромъ 6-го сентября Дроздовцы подошли къ Армавиру и повели наступленіе. Корниловцы тотчасъ перешли мостъ черезъ Кубань, быстро вошли въ городъ и бѣгомъ пустились на окраину, гдѣ шелъ бой. Здѣсь отличилась 4-ая рота, которая бросилась въ штыки на бронеавтомобиль, разстрѣливавшій Дроздовцевъ. Когда Армавиръ былъ взятъ и лѣвый берегъ Кубани былъ очищенъ отъ красныхъ, Корниловскія роты вернулись въ Убѣженскую.

Въ этой станицѣ Корниловцы были свидѣтелями, какъ

станичный сходъ творилъ судъ и расправу надъ вернувшимися отъ большевиковъ казаками. Молодымъ казакамъ присудили по 25 нагаекъ, болѣе взрослымъ по 50, а старикамъ за то, что не нажили ума до сѣдыхъ волосъ, по 75. Богатаго казака, который отъ жадности защищалъ свой виноградникъ бомбометомъ, повѣсили.

Красная армія, окруженная добровольцами, рѣшила перейти на правый берегъ Кубани и прорваться къ Ставрополю. Начались жестокіе бои. Большевики снова овладѣли Армавиромъ и форсировали рѣку южнѣе и сѣвернѣе Невинномысской. Съ огромными потерями Корниловцамъ пришлось отходить на Ново-Екатериновку, но и въ этой станицѣ пришлось вынести упорный бой. Нашелся одинъ мобилизованный прапорщикъ предатель, который ночью изъ сторожевого охраненія бѣжалъ къ краснымъ и указалъ имъ, какъ обойти полкъ. Корниловцы опять понесли большія потери — за эти два послѣдніе боя убитыхъ и раненыхъ было до 600 человѣкъ. Былъ убитъ полковникъ Лисовскій и смертельно раненъ полковой адъютантъ поручикъ Пожаловъ-Романовъ.

Послѣ этихъ тяжелыхъ боевъ, Корниловскій полкъ былъ отправленъ въ Ставрополь, а оттуда переброшенъ эшелонами на станцію Торговая; здѣсь Корниловцы получили задачу — совмѣстно съ другими войсками Ставропольскаго раіона очистить отъ большевиковъ весь сѣверъ губерніи. Только что полкъ приготовился къ походу, какъ спѣшно былъ вызванъ обратно въ Ставрополь: къ городу подходила вся Сѣверо-Кавказская армія. Начались жестокіе двадцати-восьмидневные бои. Корниловскій полкъ въ первомъ же своемъ бою,когда Корниловцы были брошены на помощь Дроздовцамъ, потерялъ около 400 человѣкъ. Красные взяли Ставрополь, но кольцо добровольцевъ продолжало сжимать большевиковъ. Корниловскій полкъ расположился немного сѣвернѣе Ставрополя въ селѣ Пелагіада. Черезъ два дня большевики пытались здѣсь прорвать фронтъ. Они повели наступленіе крупными силами. Высоты около этого села переходили изъ рукъ въ руки. Хотя эти высоты подъ конецъ и остались у большевиковъ, но все-таки прорваться имъ черезъ Корниловцевъ на этотъ

разъ не удалось — Корниловскій полкъ отошелъ на двѣ версты и опять залегъ стѣной со своими 25 пулеметами.

Войска добровольцевъ и красныхъ все время поочередно переходили въ наступленіе. 22-го октября по всему фронту повели атаки добровольцы. Корниловцамъ удалось выбить красныхъ изъ Пелагіады и, взявъ до тысячи плѣнныхъ, подойти даже къ подступамъ Ставрополя, но 31-го октября красные сами перешли въ контръ-атаку. Изъ Ставропольскаго монастыря показались разъѣзды красныхъ. Ихъ обнаружилъ начальникъ пулеметнаго взвода прапорщикъ Черновъ; передъ нимъ точно встали видѣнія Пугачевскихъ временъ: одни всадники были въ буркахъ и смушковыхъ папахахъ, другіе въ церковныхъ облаченіяхъ, изъ подъ которыхъ блестѣли шпоры, а одинъ даже надѣлъ на голову митру.

— Вправо по группѣ огонь! — скомандовалъ Черновъ, и видѣнія исчезли.

За разъѣздами высыпали полчища красныхъ. Съ гиканьемъ, криками, они обрушились на Корниловцевъ. Пули взрывали землю. У прапорщика Чернова переранили всю пулеметную прислугу. Онъ вынулъ замки изъ пулеметовъ, сунулъ ихъ въ карманы, взвалилъ на свои плечи тяжело раненаго своего друга подпоручика Стратоновича и поволокъ его вдогонку за своими уползавшими ранеными пулеметчиками. Благополучно пересѣкли небольшое поле съ еще подергивающимися тѣлами Корниловцевъ и наткнулись на своего командира полковника Индѣйкина. Онъ шелъ съ опущенной головой, слѣдомъ за нимъ велъ на поводу командирскую лошадь его вѣстовой Санька — мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати. До Чернова долетѣлъ плачущій голосъ:

— Господинъ полковникъ, да садитесь скорѣе на лошадь. Убьютъ вѣдь, смотрите нашихъ почти не видно...

И, дѣйствительно, рѣденькая цѣпь Корниловцевъ маячила вдали отъ командира. Поравнявшись съ командиромъ, Черновъ, еле переводя духъ отъ своей тяжелой ноши, не успѣлъ сказать: «господинъ полковникъ, опасно...», какъ Санька опять застоналъ: «да я же вамъ

говорю, садитесь скорѣе, вонъ уже большевики на бугрѣ...».

Индѣйкинъ вскочилъ въ сѣдло, поднялся на стременахъ и во всю мочь закричалъ: «Корниловцы, не отступать!» Потомъ круто повернулъ своего коня въ сторону большевиковъ, успѣлъ еще крикнуть: «Корниловцы, впе...» и, какъ снопъ, свалился съ лошади. Пуля сразила его прямо въ лобъ...

Тѣло убитаго командира, совершенно раздѣтое, было отыскано черезъ нѣсколько дней уже послѣ того какъ Ставрополь былъ взятъ добровольцами.

Странное впечатлѣніе производитъ смерть на войнѣ. Дома, когда умираетъ близкій человѣкъ, сразу прерывается обычная жизнь, наступаетъ тишина, благолѣпіе, надгробное рыданье. Со смертью главы семьи родные, какъ спицы безъ втулки, теряютъ опору, разбредаются. А на войнѣ: погибаетъ командиръ, тотъ центръ, отъ котораго тянутся нити къ каждому члену полковой семьи, нити, часто болѣе крѣпкія, чѣмъ кровныя узы, и... нѣтъ мѣста ни унынію, ни горести, — боевая жизнь полка ни на одно мгновеніе не замедляетъ хода, — тѣмъ же махомъ, уже съ новымъ командиромъ, она несется дальше. 1-го ноября командиромъ Корниловскаго полка былъ назначенъ старѣйшій Корниловецъ — молодой капитанъ Скоблинъ.

Такъ же, какъ и Кутепову, Скоблину пришлось принять лишь остатки полка — всего 220 штыковъ. Черезъ нѣсколько дней и отъ этого количества осталось только 117 штыковъ — красная армія, выбитая изъ Ставрополя, всей своей массой двинулась на Сѣверъ и разорвала кольцо добровольцевъ, пробившись черезъ фронтъ 2-ой дивизіи.

Послѣ этихъ боевъ подъ Ставрополемъ Корниловскій полкъ былъ отправленъ въ Екатеринодаръ на отдыхъ и пополненіе. Весь полкъ со всею его хозяйственной частью свободно умѣстился въ восьми вагонахъ.

По городу сразу разнеслась вѣсть — пріѣхали Корниловцы! — и въ тотъ же день съ ранняго утра въ зданіе городского училища, гдѣ размѣстился полкъ, стали приходить разные люди за справками о судьбѣ своихъ родственниковъ. Въ 4 часа утра первымъ пришелъ пожилой муж-

чина. Нѣкоторые офицеры еще не спали. Взволнованнымъ голосомъ ранній посѣтитель обратился къ нимъ:

— Родные мои, это вы — Корниловцы?

— Да, здѣсь Корниловцы, — отвѣтилъ дежурный офицеръ.

— Дорогіе мои, — продолжалъ посѣтитель, — когда вы были въ Армавирѣ, а потомъ уходили дальше, я благословилъ на ратный подвигъ двухъ своихъ сыновей. Одному 12 лѣтъ, другому 14. Карповы *) они называются. Съ вами ушли... Что съ ними? Скажите, ради Бога, скажите скорѣе, душа истомилась...

— Кто тутъ Карповы? — громко спросилъ дежурный офицеръ.

Услышавъ эту фамилію, къ незнакомцу подошелъ прапорщикъ Черновъ, еле спасшійся со своимъ раненымъ другомъ изъ плѣна, и спросилъ, въ чемъ дѣло.

— Да я родной отецъ этихъ Карповыхъ, — услышалъ Черновъ. — Вотъ уже нѣсколько недѣль я ихъ поджидаю... Покой потерялъ... Писалъ имъ, но такъ и не получилъ отъ нихъ никакой вѣсточки...

— Успокойтесь, успокойтесь, Богъ сохранилъ вашихъ дѣтей... Вотъ они спятъ, и Черновъ показалъ на нары.

Отецъ всхлипнулъ, быстро подошелъ къ нарамъ и нагнулся, всматриваясь въ дорогія лица. Потомъ трижды перекрестилъ своихъ сыновей и поцѣловалъ ихъ.

— Славные мои проснитесь... Вашъ папа пришелъ... Проснитесь же...

— Уйди, не мѣшай спать, — сквозь сонъ, не открывая глазъ, баскомъ протянулъ старшій.

— Знаете что? — сказалъ Черновъ, — не будите дѣтей, пусть отсыпаются, уже недолго до разсвѣта.

Отецъ согласился, отошелъ въ сторону, потоптался немного на мѣстѣ, а потомъ опять подошелъ къ офицерамъ. Ему надо было слушателей. Онъ сталъ разсказывать, какъ его дѣти попали въ Корниловскій полкъ:

— Учились они у меня въ Армавирѣ, въ гимназіи. Старшій былъ въ четвертомъ классѣ, а младшій во вто-

---

*) Фамилія вымышлена по понятнымъ причинамъ.

ромъ. Когда началась у насъ смута, и воцарились большевики, дѣти мои ни одного дня мнѣ не давали покоя. Отпусти, да отпусти въ Добровольческую армію. Я ихъ и такъ и эдакъ уговаривать — малы вы, кончайте сначала гимназію, а тамъ видно будетъ. А они мнѣ въ отвѣтъ: никакихъ гимназій, за Россію сейчасъ надо воевать, а ученіе потомъ. Не благословишь насъ, все равно удеремъ въ Корниловскій полкъ. Больше всѣхъ полюбился имъ вашъ полкъ... Ну что мнѣ оставалось дѣлать? — Времена тяжелыя... И благословилъ я ихъ... Господи, какая радость, дождался я, увидѣлъ своихъ воиновъ...

Черезъ нѣсколько часовъ дѣти, захлебываясь и перебивая другъ друга, подробно разсказывали отцу, какъ они въ бояхъ подносили патроны, помогали раненымъ и даже сами стрѣляли изъ пулемета. Старшій съ еле замѣтнымъ пушкомъ на губѣ, напрягая ломающійся голосъ, все время старался показаться передъ отцомъ, какой онъ старый обстрѣлянный солдатъ, а младшій, хорошенькій мальчикъ, прижался къ отцу и прошепталъ, что ему было тоже куда удобнѣе носить винтовку, чѣмъ ранецъ съ книгами...

Всѣ дни стоянки Корниловскаго полка въ Екатеринодарѣ шла спѣшная работа. Пріемъ пополненія, ежедневныя занятія, хозяйственныя заботы шли непрерывно. Готовились къ смотру передъ Главнокомандующимъ. Хотѣлось показаться во всемъ блескѣ, и швейныя машины стучали въ мастерскихъ не хуже пулеметовъ на фронтѣ. 26-го ноября парадъ состоялся. Весь городъ высыпалъ на Соборную площадь. Полкъ построился. Начался выносъ знаменъ. Среди ветхихъ полотнищъ колыхался черно-красный стягъ полка. Горожане склонили обнаженныя головы. Раздалась команда — смирно! и передъ фронтомъ показался въ сѣрой шинели командиръ полка Скоблинъ, на дняхъ произведенный въ полковники.

— Да какой же ихъ командиръ молоденькій, да тоненькій, — зашептали въ толпѣ женскіе голоса.

Черезъ нѣсколько минутъ звонкимъ голосомъ на всю площадь уже подалъ команду самъ командиръ.

Въ своемъ неизмѣнномъ пальто цвѣта хаки и сѣрой офицерской папахѣ вышелъ на середину фронта генералъ

Деникинъ. Поздоровался негромкимъ, но четкимъ голосомъ. Отвѣтъ заглушили крики ура и колокольный звонъ. Изъ собора выходило духовенство.

— И еще молимся о многострадальной родинѣ нашей, — въ полной тишинѣ провозглашалъ діаконъ, подымая руку къ небу, а хоръ протяжно взывалъ: Господи, помилуй...

Послѣ парада долго долетала до площади постепенно замирающая пѣснь уходящаго полка:

«Смѣло мы въ бой пойдемъ

За Русь святую...»

. . . .

Отъ союзниковъ пріѣхалъ въ Екатеринодаръ генералъ Пуль. Корниловцы выставили почетный караулъ. Настроеніе въ полку поднялось — наконецъ-то союзники вспомнили о Россіи, ихъ помощь теперь обезпечена...

6-го декабря въ Войсковомъ Собраніи Кубанскаго полка въ торжественной обстановкѣ Корниловцы отпраздновали именины своего командира. Была масса почетныхъ гостей — англичане, министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ, именитые горожане. Говорили рѣчи, полныя вѣры въ скорое возрожденіе Россіи, съ надеждой взирали на Корниловцевъ.

За нѣсколько дней до Рождества, когда уже всѣ готовились къ праздникамъ, и Корниловцы бѣгали по магазинамъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить радушныхъ хозяевъ, на чьихъ квартирахъ они размѣстились, неожиданно пришелъ приказъ: готовиться къ погрузкѣ. Родные, знакомые провожали полкъ до вокзала. Выкрикивали дорогія имена, махали шапками, слали добрыя пожеланія, совали въ руки уходящихъ свертки, плакали.

Корниловцы пѣли:

«Мужайтесь матери, отцы,
Терпите жены, дѣти.
Для блага родины своей
Забудемъ все на свѣтѣ...»

Генералъ СКОБЛИНЪ.

Генералъ ПЕШНЯ.

Индѣйкинъ

Автографъ полковника Индѣйкина.

Начальникъ Штаба Корниловской ударной дивизіи ген. шт. Полковникъ КАПНИНЪ.

Корниловцевъ выгрузили въ Ставрополѣ, а оттуда черезъ нѣсколько дней направили въ село Петровское. По приказанію генерала Врангеля Корниловскій полкъ изъ Петровскаго перешелъ въ М. Ягуры въ распоряженіе командира Коннаго Корниловскаго полка полковника Бабіева. Наканунѣ красная кавалерія внезапнымъ налетомъ пыталась овладѣть М. Ягурами. Большевикамъ готовилось возмездіе.

Вечеромъ наканунѣ Новаго года весь отрядъ Бабіева растянулся по дорогѣ на селеніе Казъ-Кулакъ, занятое 9-мъ и 10-мъ совѣтскими Таманскими полками. Было приказано подойти къ селенію вплотную, окружить его пулеметами и по сигнальному выстрѣлу изъ гаубицы сразу открыть огонь изъ всѣхъ орудій и пулеметовъ.

Въ походѣ всѣ поздравили другъ друга съ Новымъ годомъ. Подошли къ селенію. Шопотомъ пронеслась команда — стой! Такъ же тихо была отдана новая команда, и отъ колонны влѣво и вправо зашуршали отряды. Прошло нѣсколько минутъ напряженнаго ожиданія. Доносилось тявканье собакъ. Вдругъ блеснулъ снопъ огня, рявкнула гаубица, и, перебивая другъ друга, загромыхали орудія, взвизгнули пулеметы. Черезъ 20 минутъ Казъ-Кулакъ былъ взятъ.

Свѣтало. Около рѣки за селеніемъ столпились полураздѣтые люди. Одни стояли молча, другіе метались и кричали истошнымъ голосомъ. Нѣкоторые бросались въ воду, но ихъ подхватывало теченіе и уносило подъ ледъ. На площади выстроили до 600 плѣнныхъ. Ихъ ряды обошелъ полковникъ Скоблинъ.

— Кто хочетъ служить Россіи вмѣстѣ съ нами, а не съ красными супостатами, три шага впередъ! — скомандовалъ Скоблинъ.

На мѣстѣ остались пять комиссаровъ.

Прапорщикъ Черновъ пошелъ раздобывать фуражъ. Въ одной скирдѣ нашелъ закопавшихся въ соломѣ трехъ мужчинъ.

— Кто вы такіе!? — воскликнулъ Черновъ.

— Ваше бла-бла-городіе.... Мы... мы за офицеровъ, —

насилу заговорилъ одинъ лохматый, весь облѣпленный соломой.

— Идите за мной...

Черновъ повелъ ихъ къ своему взводу.

— Ваше благородіе, отпустите душу на покаяніе, помилосердствуйте, не разстрѣливайте, — стонали плѣнники.

Самый старшій изъ нихъ, лѣтъ около 50-ти, вдругъ протянулъ руку къ Чернову и сталъ совать ему кошелекъ и царскія пятирублевыя кредитки:

— Ваше благородіе, яви Божескую милость, купи на эти деньги бублики и пошли ихъ моимъ дѣтямъ на поминъ души по отцу... Адресъ мой найдешь въ кошелькѣ...

— Да убери ты свои деньги, — вскипѣлъ Черновъ, — никто и не собирается васъ разстрѣливать. А ты, коли хочешь, ступай ко мнѣ во взводъ ѣздовымъ. Но служить будешь не мнѣ, не офицерамъ, а Россіи. Понялъ? — Россіи. Чтобъ Россія была попрежнему великой, русской, православной...

Плѣнники перекрестились.

Въ тотъ же день весь отрядъ Бабіева направился на сосѣднее село Овощи. Оно было укрѣплено окопами, проволочными загражденіями. Красные, думая, что къ нимъ идетъ подмога, закричали было ура, а потомъ спохватились и открыли пальбу. Стремительной атакой 3-го Корниловскаго батальона подъ командой капитана Морозова красные были сбиты «въ два счета». Корниловцы долго ихъ преслѣдовали. Возвращались въ село подъ звуки Егерскаго марша, старательно выдуваемаго на Георгіевскихъ трубахъ только что захваченнымъ краснымъ оркестромъ.

Два послѣдующихъ дня Корниловскій полкъ со всѣмъ отрядомъ Бабіева отбивалъ въ Овощахъ контръ-атаки то красной кавалеріи, то пѣхоты, а 4-го января 1919 года Скоблинъ получилъ приказаніе спѣшно выступить на соединеніе съ 1-ой пѣхотной дивизіей генерала Казановича. Большими переходами въ 30-35 верстъ 7-го января Корниловцы догнали 1-ую дивизію въ хуторѣ Марьвискомъ, отку-

да всѣ двинулись на Минеральныя Воды. Сопротивленіе Сѣверо-Кавказской красной арміи было сломлено. Красноармейцы расплылись. Не смѣя заходить въ казацкія станицы, они шли по желѣзнодорожнымъ путямъ и тысячами гибли отъ холода, голода и тифа. На своей русской землѣ такъ безславно гибли тѣ, которые еще такъ недавно громили турецкую армію и штурмомъ брали Эрзерумъ...

XIV.

ВЪ ДОНЕЦКОМЪ БАССЕЙНѢ

12-го января 1919 года по приказу Главнокомандующаго началась переброска Корниловскаго полка изъ Минеральныхъ Водъ въ Каменноугольный бассейнъ въ отрядъ генерала Май-Маевскаго. Послѣдовательно тамъ собирались всѣ старые добровольческіе полки: Корниловскій, Марковскій, Дроздовскій и Партизанскій, переименованный въ Алексѣевскій послѣ смерти генерала Алексѣева.

Съ паденіемъ гетманской и петлюровской Украины главное вниманіе большевиковъ сосредоточилось на Каменноугольномъ раіонѣ. Въ своихъ приказахъ Троцкій прямо указывалъ, что «поскольку совѣтская республика является сейчасъ крѣпостью міровой революціи, постольку ключъ этой крѣпости находится въ Донецкомъ бассейнѣ». Противъ 3-6 тысячъ добровольцевъ было собрано до 30 тысячъ красноармейцевъ.

Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ Корниловскій полкъ въ Каменноугольномъ раіонѣ велъ непрерывные изнурительные бои. У добровольцевъ, благодаря густой желѣзнодорожной сѣти въ этомъ раіонѣ, выработались здѣсь особые методы тактики: въ тылу на узловыхъ станціяхъ всегда стояли подъ парами поѣзда съ подвижными резервами, которые перебрасывались въ угрожаемомъ направленіи. Прямо изъ вагоновъ добровольцы, какъ горохъ, разсыпались вдоль насыпи, отбивали атаки и въ тотъ же день, бывало, сражались на противоположномъ концѣ фронта.

На фронтъ очень часто пріѣзжалъ командующій отрядомъ Май-Маевскій. Страдалъ Май-Маевскій отъ своей тучности ужасно — для него не было большей муки, чѣмъ

молебны и парады, когда онъ, стоя, непрестанно утиралъ потъ съ лица и багровой шеи огромнымъ носовымъ платкомъ, но этотъ же человѣкъ совершенно преображался, появляясь въ боевой обстановкѣ. Пыхтя, онъ вылѣзалъ изъ вагона, шелъ, отдуваясь, до цѣпи, но какъ только равнялся съ нею, на его лицѣ появлялась бодрость, въ движеніяхъ увѣренность, въ походкѣ легкость. На пули, какъ на безобидную мошкару, не обращалъ никакого вниманія. Его безстрашіе настолько передавалось войскамъ, что цѣпи съ нимъ шли въ атаку, какъ на ученіи. За это безстрашіе, за умѣніе во время сказать нужное подбодряющее слово добровольцы любили своего «Мая». Послѣ того какъ этотъ талантливый человѣкъ былъ назначенъ командующимъ Добровольческой арміей, онъ оторвался отъ непосредственнаго общенія съ войсками и всецѣло подпалъ подъ свой тяжелый недугъ — запой.

Въ великой войнѣ полки на линіи огня всегда чередовались другъ съ другомъ: послѣ боевъ ихъ отводили въ резервъ на длительный отдыхъ. Въ гражданской войнѣ у добровольцевъ смѣны не было. Изо дня въ день, теряя представленіе о времени, воевали безостановочно одни и тѣ же люди. Корниловцы въ Донецкомъ бассейнѣ въ сущности отдыхали только въ вагонахъ во время переброски съ мѣста на мѣсто. Бои носили однообразный характеръ, но бывали и очень яркіе эпизоды: такъ, 7-го февраля 11-ая и 12-ая Корниловскія роты подъ командой капитана Морозова, пользуясь густымъ туманомъ, сдѣлали набѣгъ на станцію Мануйловка, гдѣ подъ прикрытіемъ красной пѣхоты стояли два бронепоѣзда. Красноармейцы были разбиты, бронепоѣзда захвачены. Вывезти ихъ Морозовъ не смогъ только потому, что они потерпѣли крушеніе. Другой эпизодъ разыгрался 14-го апрѣля, когда въ 7 часовъ утра на станцію Енакіево ворвались два большевицкихъ бронепоѣзда и начали въ упоръ бить по всему расположенію Корниловскаго полка и по биваку подошедшаго Кубанскаго батальона. 1-й батальонъ Корниловцевъ бросился въ штыки на бронепоѣздъ, 3-я батарея Марковской артиллерійской бригады открыла огонь на картечь, и бронепоѣзда были отогнаны.

Напоръ большевиковъ въ Донецкомъ бассейнѣ становился все упорнѣе, и Корниловскій полкъ таялъ, какъ горящая свѣча. Начальникъ штаба Май-Маевскаго слалъ тревожныя донесенія. 25-го апрѣля онъ писалъ: «Нельзя требовать отъ людей невозможнаго... Быть можетъ, Марковцы возстановятъ положеніе... быть можетъ, Корниловцы опять, въ сотый разъ отобьютъ всѣ атаки..., но сохраненіе остатковъ корпуса добровольцевъ возможно лишь въ томъ случаѣ, если корпусъ своевременно будетъ выведенъ изъ боя»... Ставка, занятая въ это время крупной операціей подъ Великокняжеской, не имѣла никакихъ свободныхъ резервовъ, и на всѣ просьбы Май-Маевскаго неизмѣнно отвѣчала, что директивы о смѣнѣ его отряда не будетъ.

Для Корниловскаго полка вопросъ о самомъ его бытіи становился крайне острымъ. Влитое въ него пополненіе въ 120 штыковъ 4-го Воронежскаго особаго полка Южной арміи было недостаточно, и командиръ Корниловскаго полка полковникъ Скоблинъ подалъ по командѣ докладъ, въ которомъ ходатайствовалъ о сформированіи запаснаго Корниловскаго полка, съ цѣлью обезпеченія въ дѣйствующемъ полку какъ командпаго состава, такъ и рядовыхъ бойцовъ, воспитанныхъ въ Корниловскомъ духѣ, «которымъ всегда жилъ и былъ грозенъ своимъ врагамъ Корниловскій полкъ». Въ этомъ же докладѣ Скоблинъ приводилъ данныя, быть можетъ, болѣе краснорѣчивыя, чѣмъ всѣ описанія боевыхъ дѣйствій Корниловцевъ:

«Съ 1-го января 1919 года по 1-ое мая полкъ выдержалъ 57 боевъ, сопряженныхъ съ постоянными и часто крупными потерями.

«Къ 1-му января въ Корниловскомъ полку было 1500 человѣкъ. За время съ 1-го января по 1-ое мая изъ полка выбыло убитыхъ, раненыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ и заболѣвшихъ 3.303 человѣка. Полагая средній численный составъ полка въ 1200 человѣкъ, видно, что за эти четыре мѣсяца полкъ перемѣнилъ полностью три состава...

«Убыль командпаго состава за тѣ же четыре мѣсяца выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ:

Убыль командировъ батальоновъ:

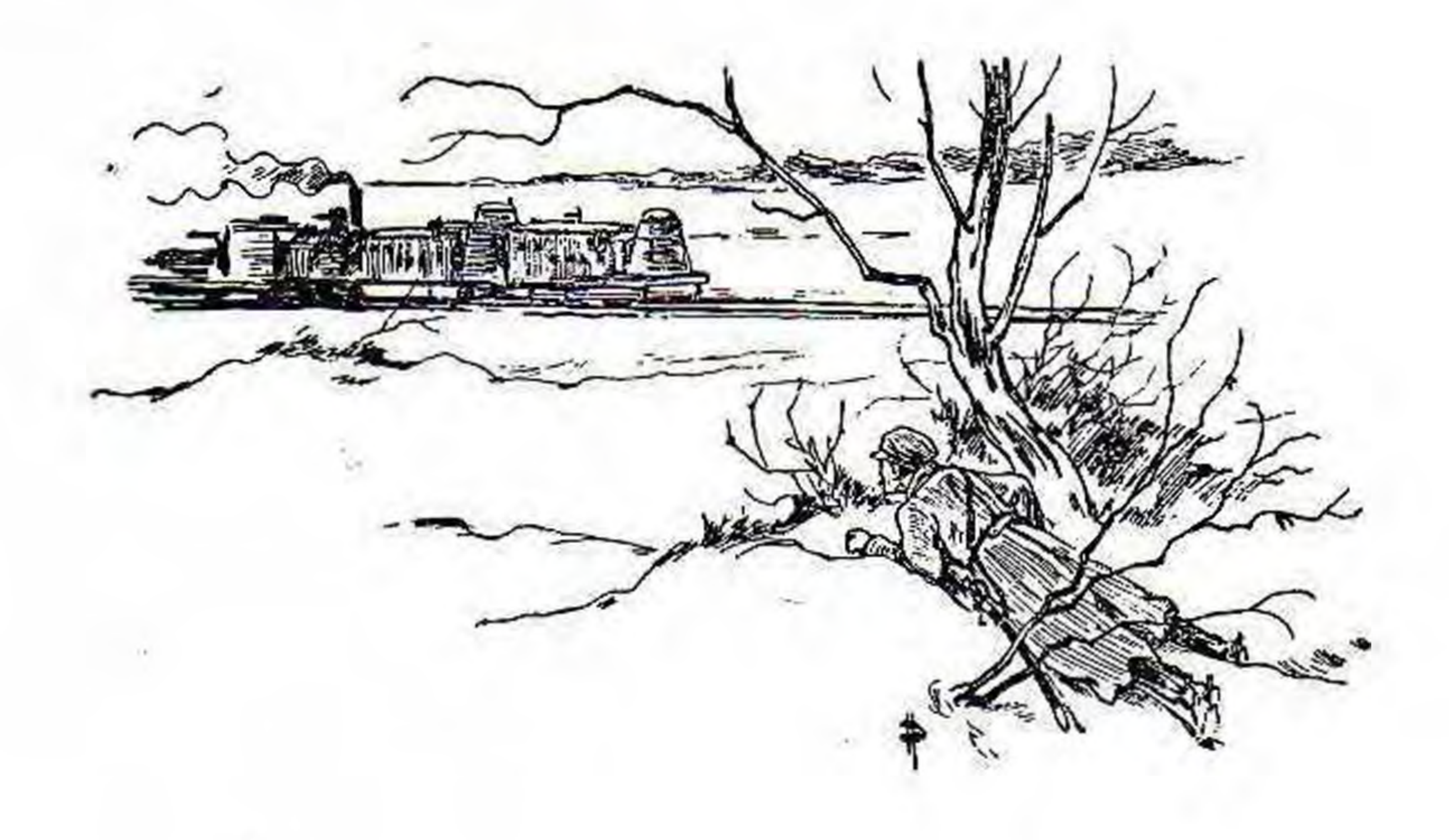
1-го батальона	3
2-го батальона	6
3-го батальона	3
Итого	12

Убыль командировъ ротъ:

1-ой роты	7	7-ой роты	4
2-ой роты	3	8-ой роты	5
3-ей роты	9	9-ой роты	8
4-ой роты	3	10-ой роты	4
5-ой роты	4	11-ой роты	5
6-ой роты	6	12-ой роты	5
		Итого	63

Кромѣ 75 офицеровъ командного состава за это время выбыло изъ строя 683 офицера, служившихъ въ своемъ полку въ качествѣ рядовыхъ бойцовъ».

Ходатайство полковника Скоблина было удовлетворено высшимъ командованіемъ.

XV.

2-ОЙ КОРНИЛОВСКІЙ УДАРНЫЙ ПОЛКЪ

Какъ только былъ сформированъ одинъ батальонъ Запаснаго Корниловскаго полка, полковникъ Скоблинъ рѣшилъ развернуть его во 2-ой Корниловскій ударный полкъ. Первоначальный кадръ для этого былъ выдѣленъ Скоблинымъ изъ дѣйствующаго полка, равно какъ и вся матеріальная часть и обозъ. Много труднѣе былъ вопросъ съ назначеніемъ командира полка. Надо было выбрать офицера не только достойнаго, но и такого, который перенесъ бы въ новый полкъ традиціи и духъ стараго Корниловскаго полка, все то неуловимое, чѣмъ отличался этотъ полкъ отъ прежнихъ дореволюціонныхъ частей, и что вмѣстѣ съ тѣмъ давало ему теперь въ моментъ общаго развала такую стойкость и жизненность.

Выборъ Скоблина остановился на капитанѣ Пашкевичѣ, кадровомъ офицерѣ, начальникѣ учебной команды въ Корниловскомъ полку. Этотъ человѣкъ былъ вѣрный корниловецъ и прирожденный «отецъ-командиръ»: внѣ своего полка, его спайки и славы онъ мало чѣмъ интересовался, Пашкевичъ входилъ во всѣ мелочи полковой жизни и вносилъ въ эту жизнь всю крѣпость крестьянскаго хозяйственнаго быта, унаслѣдованнаго имъ отъ рожденія. Какъ рачительный хозяинъ Пашкевичъ терпѣть не могъ «разгильдяйства», и не было для него большей обиды, чѣмъ увидѣть своего Корниловца пьянымъ или хотя бы навеселѣ. Пашкевичъ съ презрѣніемъ оглядывалъ провинившагося и только бросалъ сквозь зубы одно короткое выразительное русское словечко .....! Особо требователенъ былъ Пашкевичъ въ боевой обстановкѣ. Онъ, памятуя, что малыя

причины часто рождают великія послѣдствія, не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не убѣждался, что его приказаніе усвоено полностью. Мало того, черезъ нѣкоторое время непремѣнно самъ пойдетъ и провѣритъ, все ли сдѣлано, что нужно.

Всякое дѣло Пашкевичъ начиналъ, перекрестясь. Его вѣра была наивная и трогательная. Однажды онъ остался замѣстителемъ начальника дивизіи какъ разъ въ то время, когда Корниловскіе полки должны были на Перекопѣ устроить прорывъ. Общее руководство операціей требовало присутствія Пашкевича въ штабѣ. Когда всѣ распоряженія были уже отданы, и наступили томительные часы ожиданія сообщеній о ходѣ наступленія, Пашкевичъ заперся у себя въ комнатѣ. Наконецъ, пришло извѣстіе объ успѣхѣ прорыва. Пашкевичъ выскочилъ изъ штаба и верхомъ помчался на фронтъ. Офицеры вошли въ комнату Пашкевича: она была вся усыпана маленькими клочками бумаги, а на каждомъ изъ нихъ было написано два слова:

— Господи, помоги.

Пашкевичъ со всей энергіей, которую трудно было себѣ представить въ его щупленькомъ и сухонькомъ тѣлѣ, принялся за развертываніе полка. Небольшой кадръ старыхъ Корниловцевъ, выдѣленныхъ изъ дѣйствующаго полка, Пашкевичъ, съ разрѣшенія Скоблина, пополнилъ Корниловцами, возвращавшимися на фронтъ послѣ раненія. Въ Ростовѣ на вокзалѣ былъ вывѣшенъ соотвѣтствующій приказъ. Этимъ приказомъ Корниловцы были непріятно поражены: они считали своимъ неотъемлемымъ правомъ служить только въ 1-омъ полку. Въ полной увѣренности, что досадное недоразумѣніе сейчасъ выяснится, они гурьбой пошли къ Пашкевичу. Каждаго офицера Пашкевичъ принялъ въ отдѣльности. Всѣ выходили отъ него съ вытянутыми лицами. Принималъ не прежній боевой пріятель по полку, а командиръ съ непререкаемымъ авторитетомъ. Никакихъ разговоровъ и объясненій не допустилъ: приказъ есть приказъ. Назначаетесь въ такую то роту; жить будете здѣсь въ казармахъ въ отведенномъ для господъ офицеровъ баракѣ; на занятія ходить аккуратно каждый день

утромъ и вечеромъ, а получать отпускъ въ городъ можно только съ его, капитана Пашкевича, разрѣшенія.

— Вотъ тебѣ и наша «эмблема»! — переговаривались между собой офицеры. — Строгій какой сталъ, даже ни разу не улыбнулся.

«Эмблемой» прозвали Пашкевича за то, что его блѣдное лицо при улыбкѣ становилось очень похожимъ на черепъ, нашитый на рукавахъ Корниловцевъ.

Офицерскую роту Пашкевичъ сформировалъ изъ офицеровъ, частью взятыхъ въ плѣнъ, а частью мобилизованныхъ преимущественно въ Маріупольскомъ уѣздѣ. Нѣкоторое недовѣріе которое первое время питали къ нимъ старые Корниловцы, скоро исчезло — офицерская рота стала оплотомъ полка.

Большую тревогу у командного состава вызывало солдатское пополненіе — оно было исключительно изъ плѣнныхъ Махновцевъ.

«Батько Махно» былъ атаманъ разбойничьей шайки, то разроставшейся въ цѣлое войско, то разбѣгавшейся по домамъ. Этотъ воскресшій въ XX вѣкѣ, въ дни русской смуты, Стенька Разинъ обосновалъ свою резиденцію въ селѣ Гуляй-Поле Екатеринославской губерніи, откуда былъ родомъ и куда вернулся съ безсрочной каторги, амнистированный Временнымъ Правительствомъ, какъ «политическій». Въ дни своей юности Махно убилъ урядника. Этотъ каторжанинъ, расправившись прежде всего съ тѣми односельчанами, которые свидѣтельствовали противъ него на судѣ, собралъ затѣмъ вокругъ себя буйныхъ и безшабашныхъ удальцовъ и сталъ съ ними дѣлать набѣги, главнымъ образомъ, на города и богатыя села. Въ этихъ набѣгахъ «расписными челнами» служили тачанки, вооруженныя пулеметами и запряженныя парой или тройкой лихихъ коней. Послѣ набѣговъ Махно возвращался съ огромной добычей, щедро одаривалъ ею подвластныя деревни и устраивалъ гульбу. Число его послѣдователей росло не по днямъ, а по часамъ. Большевицкій лозунгъ — «грабь награбленное» — Махно расширилъ и углубилъ; онъ провозгласилъ «смерть панамъ, попамъ, жидамъ и коммунистамъ!»

Все ихъ имущество, подразумѣвалось, должно переходить убійцамъ.

Вотъ этихъ Махновцевъ и предстояло передѣлать въ доблестныхъ Корниловцевъ.

Одной солдатской выправки для этого было мало, ибо внѣшняя оболочка нисколько не обезпечивала отъ возможнаго предательства на фронтѣ: не было ничего легче, какъ изъ сторожевого охраненія переметнуться ночью къ краснымъ, прихвативъ съ собою офицера, въ бою сдаться, а на походѣ отстать и дезертировать. Въ этой вольницѣ необходимо было прежде всего пробудить національное чувство и зажечь пафосъ борьбы за Россію.

Офицеры жили въ казармахъ и постоянно общались со своими солдатами. Махновцы скоро убѣдились, что эти «золотопогонники» не страшны — они были молодыми веселыми людьми безо всякаго барства и снисходительнаго отношенія высшаго къ низшему. Большинство Корниловскихъ офицеровъ сами были изъ крестьянскихъ семействъ.

Пашкевичъ и старые Корниловцы неустанно вели съ Махновцами бесѣды о Россіи, о ея быломъ величіи и теперешнемъ униженіи, о цѣляхъ и смыслѣ борьбы, начатой Корниловымъ. Разсказывали офицеры и про самихъ себя, почему они пошли противъ совѣтской власти: въ борьбѣ съ большевиками ищутъ не возврата утраченныхъ помѣстій и капиталовъ, которыхъ у нихъ и не было, а борются за свою родину, за счастье Россіи. Говорили просто, горячо и безо всякой внутренней фальши, на что очень чутокъ русскій человѣкъ. Что больше всего западало въ души Махновцевъ, трудно сказать — одна привитая почка таинственными путями облагораживаетъ весь дичокъ.

Махновцы вели себя примѣрно. Не было ни одного случая, чтобы кто либо изъ нихъ продалъ выданную ему пару бѣлья или принадлежность обмундированія, всегда были трезвы, исполнительны и добросовѣстно несли солдатскую службу. По вечерамъ они собирались въ кружокъ и распѣвали пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторыя были сочинены Пашкевичемъ. Часто они пѣли «Кудеяра», должно быть примѣняя къ себѣ слова этой пѣсни:

«Было двѣнадцать разбойниковъ,
Былъ атаманъ Кудеяръ.
Много разбойники пролили
Крови честныхъ христіанъ.
    Много добра понаграбили,
    Много зарыли въ лѣсу.
    Самъ Кудеяръ изъ-подъ Кіева
    Вывезъ дѣвицу-красу....
Въ сердцѣ разбойника лютаго
Совѣсть Господь пробудилъ....»

И всегда съ особымъ подъемомъ бывшіе Махновцы пѣли добровольческую пѣснь:

«Пусть свищутъ пули, льется кровь,
Пусть смерть несутъ гранаты,
Мы смѣло двинемся впередъ,
Мы — русскіе солдаты!
    Въ насъ духъ отцовъ-богатырей,
    И дѣло наше право —
    Сумѣемъ честь мы отстоять
    И умереть со славой.
Мужайтесь матери, отцы,
Терпите жены, дѣти,
Для блага родины своей
Забудемъ все на свѣтѣ.
    Не плачь о насъ святая Русь,
    Не надо слезъ, не надо.
    Молись о павшихъ и живыхъ,
    Молитвы намъ награда.
Впередъ же, братья, на врага,
Ура, полки лихіе!
Господь за насъ: мы побѣдимъ,
Да здравствуетъ Россія!»

Въ маѣ 1919 года 2-ой Корниловскій ударный полкъ былъ сформированъ. Своимъ замѣстителемъ капитанъ Пашкевичъ обычно оставлялъ командира пулеметной роты поручика Лысаня; начальникъ хозяйственной части былъ капитанъ Гавриленко, уже зарекомендовавшій себя въ этой

должности въ 1-мъ Корниловскомъ полку; командиръ 1-го батальона — поручикъ Левитовъ; командиръ 2-го батальона — капитанъ Щегловъ; командиръ 3-го батальона — поручикъ Кленовой-Песчанкинъ.

Настало время полкъ «вывести въ свѣтъ».Смотръ произвелъ Май-Маевскій. Командующій Добровольческой арміей остался настолько доволенъ видомъ полка, что охотно согласился на свое зачисленіе въ его списки. Послѣ обѣда офицеры стали качать командующаго. Ударники столпились около оконъ офицерскаго собранія и съ восхищеніемъ смотрѣли, какъ грузное тѣло «Мая» подлетало къ потолку. Черезъ открытое окно офицеры перебросили «Мая» ударникамъ, тѣ его подхватили, и вдругъ у офицеровъ мелькнула мысль, а ну какъ Махновцы «шмякнутъ» генерала о землю: красные иногда примѣняли такой способъ расправы съ плѣнными офицерами. Блѣдное лицо Пашкевича стало совсѣмъ бѣлымъ, но Махновцы на рукахъ уже вносили въ столовую улыбающагося «Мая».

— У всѣхъ насъ, — вспоминалъ подполковникъ Трошинъ, — такъ и отлегло отъ сердца.

15-го іюня послѣ парада и напутственнаго молебна 2-ой Корниловскій полкъ уѣхалъ на фронтъ на соединеніе со своимъ старшимъ братомъ, 1-ымъ Корниловскимъ полкомъ.

Наталья Лавровна, дочь генерала Корнилова, благословила полкъ на ратный путь иконой Равноапостольнаго Князя Владиміра, покровителя 2-го Корниловскаго полка.

XVI.

ПЕРВЫЕ БОИ 2-ГО КОРНИЛОВСКАГО ПОЛКА

За время формированія 2-го Корниловскаго полка добровольческій отрядъ, переименованный въ 1-й армейскій корпусъ, сломилъ въ Донецкомъ бассейнѣ упорство красныхъ. Преслѣдуя ихъ, корпусъ въ теченіе 30 дней прошелъ болѣе 300 верстъ и, послѣ пятидневныхъ жестокихъ боевъ съ отборными матросскими частями и красными курсантами на подступахъ Харькова, овладѣлъ городомъ. Въ только что освобожденномъ отъ большевиковъ Харьковѣ и должны были встрѣтиться 1-й и 2-ой Корниловскіе полки.

Встрѣча вышла торжественная. Въ центрѣ города на площади выстроился развернутымъ фронтомъ 2-ой Корниловскій полкъ, тщательно выравнялся и застылъ въ ожиданіи. Издали донесся походный маршъ. Звуки наростали. Показалась голова колонны. Полкъ велъ командиръ 1-го батальона полковникъ Гордіенко.

— Слушай, на кра-улъ! — скомандовалъ Пашкевичъ.

Винтовки замерли въ рукахъ, трубы рванули встрѣчный маршъ.

1-ый Корниловскій полкъ развернулся передъ фронтомъ 2-го полка и тоже взялъ на караулъ. Полковникъ Гордіенко и капитанъ Пашкевичъ, держа шашки «подвысь», пошли другъ другу навстрѣчу. Обнялись и расцѣловались.

Вернувшись на свои мѣста, оба командира скомандовали:

— Къ ногѣ, вольно!

Между фронтами сразу началась перекличка: здоровались, справлялись о друзьяхъ. Чаще всего доносилось — раненъ, убитъ...

Та же команда: слушай, на кра-улъ! прервала потокъ новостей. Явился старшій Корниловецъ полковникъ Скоблинъ, а вслѣдъ за нимъ и командиръ корпуса Кутеповъ.

Въ тотъ же день послѣ парада 2-ой Корниловскій полкъ выступилъ на позицію. Провожая его, полковникъ Скоблинъ сказалъ небольшую рѣчь:

— Будьте достойны своихъ старшихъ Корниловцевъ. Храните ихъ традиціи и честь. У васъ еще нѣтъ знамени, вы его, конечно, скоро заслужите, но до этого времени ваше знамя — вашъ командиръ полка капитанъ Пашкевичъ...

Уже на другой день 23-го іюля 2-ой полкъ получилъ боевую задачу. Всѣхъ офицеровъ тяготила одна и та же мысль: какъ поведутъ себя бывшіе махновцы въ боевой обстановкѣ?

Батальоны разсыпались въ цѣпь. Впереди 2-го батальона только что оправившійся послѣ раненія капитанъ Щегловъ, опиравшійся на палку. Всѣ офицеры тоже впереди своихъ ротъ. Рядомъ съ ними по одному или по два ударника для связи съ ротами. Цѣпь двинулась. Сразу раздался знакомый свистъ пуль. Все чаще и чаще проносились надъ головой невидимыя свистящія стайки. За три мѣсяца жизни въ тылу уже отвыкли отъ этого нѣжнаго посвистыванія. Головы у нѣкоторыхъ офицеровъ невольно наклонялись.

— Ну вотъ, уже кланяться начали! — вдругъ бросаетъ на ходу своему офицеру долговязый худой Махновецъ изъ связи.

— Ахъ, чортъ возьми, вотъ нарѣзалъ! — мелькнуло у офицера, и онъ сразу выпрямился.

Офицеры шли въ атаку безъ перебѣжекъ, не ложась. Махновцы за ними не отставали. Такая атака — молчаливая, безъ крика и безъ одного выстрѣла была страшна. Казалось, двигается неумолимый безпощадный рокъ. Красные стали отходить, ихъ выстрѣлы стихли.

Потери у Корниловцевъ были небольшія. На вечерней перекличкѣ отсталыхъ и сбѣжавшихъ не оказалось.

— Все это хорошо, — переговаривались между собой офицеры, — но настоящаго то боя еще не было.

Такой бой разыгрался на слѣдующее утро. Было приказано взять желѣзнодорожную узловую станцію Готня, гдѣ большевики сосредоточили сильную ударную группу съ артиллеріей и бронепоѣздомъ, вооруженнымъ трехъдюймовками и пулеметами.

3-ій батальонъ принялъ на себя лобовой ударъ. Въ цѣпь Корниловцевъ вынеслась на открытую позицію батарея полковника Петренко. Сразу снялась съ передковъ и вступила въ единоборство съ краснымъ бронепоѣздомъ. Ухали пушки, вскидывалась земля. Какъ и вчера ударники шли ровной цѣпью за своими офицерами. Наклонялись лишь для того, чтобы поднять раненаго офицера и вынести его изъ боя. Готня была взята штыковымъ ударомъ.

Уже съ легкимъ сердцемъ пошли офицеры въ сторожевое охраненіе на всю ночь вмѣстѣ съ бывшими Махновцами.

Смотръ 2 Корниловскому уд. полку. Справа основатель и первый командиръ полка полк. ПАШКЕВИЧЪ.

Есаулъ МИЛѢЕВЪ.

Генералъ ЕРОГИНЪ.

Полковникъ ЛЕВИТОВЪ.

Одна изъ старѣйшихъ сестеръ милосердія полка В. С. ЛЕВИТОВА.

XVII.

ПОДЪ КУРСКОМЪ

Послѣ потери Донецкаго бассейна и города Харькова красное командованіе перебросило на южный фронтъ шесть съ половиной дивизій съ восточнаго фронта и три дивизіи съ западнаго. Попытка большевиковъ вернуть Харьковъ разбилась о стойкость 1-го корпуса съ его командиромъ генераломъ Кутеповымъ, послѣ чего 1-ый корпусъ самъ перешелъ въ наступленіе. 1-й и 2-й Корниловскіе полки въ началѣ сентября уже были подъ Курскомъ.

Оба Корниловскіе полка были сведены въ бригаду. Командовалъ ею полковникъ Скоблинъ, а 1-й Корниловскій полкъ принялъ полковникъ Пешня, человѣкъ невозмутимо спокойный при всякихъ обстоятельствахъ. Никакая тяжелая боевая обстановка не могла его вывести изъ душевнаго равновѣсія, и это спокойствіе командира настолько передавалось всему полку, что полкъ не нервничалъ даже тогда, когда приходилось одновременно отбивать атаки лобовыя и атаки съ тыла.

6-го сентября Корниловскіе полки повели наступленіе на Курскъ. Пешня получилъ задачу вести наступленіе съ двумя батальонами 1-го Корниловскаго полка вдоль желѣзнодорожной линіи Харьковъ-Курскъ, а Пашкевичъ со 2-мъ Корниловскимъ полкомъ и приданными ему 1-мъ батальономъ 1-го полка и своднымъ батальономъ 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго полка долженъ былъ нанести главный ударъ съ юга-запада. 1-ый полкъ пошелъ подъ прикрытіемъ четырехъ бронепоѣздовъ полковника Зеленецкаго, а у 2-го полка было сосредоточено два дивизіона тяжелыхъ орудій и два дивизіона легкихъ подъ общимъ командованіемъ полковника Роппонета.

Полковникъ Роппонетъ былъ одинъ изъ тѣхъ артиллеристовъ, которымъ во время боя по уставу «некогда думать о себѣ».

Такъ еще въ самомъ началѣ продвиженія Корниловцевъ на Курскъ, 2-ой полкъ 3-го августа, послѣ жестокаго боя заняль слободку Усланку и долженъ былъ кромѣ того овладѣть Казацкой слободой. Противникъ усилился подошедшей изъ резерва 7-ой стрѣлковой Сибирской дивизіей. Продвиженіе Корниловцевъ пріостановилось. Роппонетъ, видя тяжелое положеніе полка, карьеромъ вынесся съ 6-ой батареей передъ корниловскими цѣпями и въ упоръ на картечь началъ разстрѣливать красныхъ. Много артиллеристовъ погибло отъ ружейнаго и пулеметнаго огня, но наступающая пѣхота была сбита, Корниловцы пошли въ атаку и разгромили Сибирскую дивизію.

14-го августа 2-му Корниловскому полку было приказано активно оборонять деревню Топіево. Красные непрерывно и настойчиво вели атаки. Въ 11-ой ротѣ вышли всѣ патроны, и она стала отходить. Роппонетъ сбѣжалъ со своего наблюдательнаго пункта и бросился къ ротѣ со словами:

— Корниловцы не отступаютъ! Если нѣтъ патроновъ, есть штыки... — повернулъ роту и штыковой контръ-атакой возстановилъ положеніе.

Подъ Курскомъ Роппонету было приказано сосредоточеннымъ огнемъ своей артиллеріи подготовить атаку Корниловцевъ — Курскъ былъ опоясанъ сильно укрѣпленной полосой въ нѣсколько рядовъ окоповъ и проволочныхъ загражденій.

Методично, черезъ ровные промежутки времени, загудѣли по небу тяжелые снаряды. Вдогонку имъ мчалась, точно свора гончихъ, очередь легкихъ батарей. Съ ревомъ врывался въ землю снарядъ, вокругъ него неистовствовали шрапнели.

Къ вечеру 2-ой Корниловскій полкъ ворвался въ укрѣпленную полосу, красные бѣжали въ Курскъ. Какъ всегда послѣ боя, клокотанья и грохота, поражала внезапная тишина. По всему полю поблескивали ружейныя гильзы, пулеметныя ленты. Въ развороченныхъ окопахъ и между

порванной проволокой припали къ землѣ убитые. Доносились глухіе стоны раненыхъ. За окопами въ кустарникахъ и овражкахъ хоронились легкія стройныя пушки, а тяжелыя орудія, какъ бы удивляясь тишинѣ, стояли, задравши дула. Сбившись въ кучу, лежали мѣдные патроны. Сѣрыми громадами застыли тракторы.

Полковникъ Скоблинъ, руководившій боемъ, влѣзъ на тракторъ и сталъ всматриваться въ сторону желѣзной дороги Курскъ-Ворожба, откуда красные могли вызвать подмогу. И дѣйствительно, вскорѣ показался дымокъ. Катилъ бронепоѣздъ. Немедленно Скоблинъ приказалъ поставить одно орудіе Марковской батареи около желѣзнодорожнаго переѣзда, а Корниловцамъ скрыться за насыпь. Бронепоѣздъ подкатилъ къ переѣзду. Одинъ за другимъ, два выстрѣла, и стальное чудовище, изрыгая паръ, рухнуло подъ откосъ.

Капитанъ Пашкевичъ доложилъ командиру бригады, что по его мнѣнію изъ за темноты, сейчасъ врываться въ городъ не слѣдуетъ, лучше дождаться утра. Скоблинъ согласился, тѣмъ болѣе, что изъ 1-го Корниловскаго полка отъ Пешни было получено донесеніе, что его полкъ тоже остановился передъ городомъ.

Ночью полковникъ Зеленецкій со своими четырьмя бронепоѣздами по собственной инціативѣ влетѣлъ на городскую станцію Курскъ, захватилъ тамъ красный бронепоѣздъ и устроилъ въ городѣ такой переполохъ, что къ утру красныя войска совершенно очистили Курскъ.

Подъ пѣніе трубъ и трескъ барабановъ Корниловцы входили въ освобожденный городъ. Улицы были забиты народомъ. Для Корниловцевъ наступали тѣ волнующія минуты, которыя сразу искупали всѣ лишенія и ужасы братоубійственной войны. Женщины забрасывали войска цвѣтами, становились на колѣни, плакали. Одна молодая женщина обѣими руками схватила стремя ѣхавшаго верхомъ офицера и припала головой къ пыльному грязному сапогу.

Еще крѣпче утверждалась вѣра Корниловцевъ: только поднятый мечъ освободитъ отъ рабства измученную, оскверненную Россію.

XVIII.

3-ій КОРНИЛОВСКІЙ УДАРНЫЙ ПОЛКЪ

Когда 1-ый корпусъ вышелъ на Московскую дорогу, его фронтъ сильно расширился. Дѣйствующихъ полковъ не хватало. Всѣ попытки возродить старые дореволюціонные полки въ большинствѣ случаевъ были безуспѣшны. Сформированная 4-ая стрѣлковая дивизія, съ которой генералъ Деникинъ побѣдоносно воевалъ на великой войнѣ, во время гражданской войны просуществовала на фронтѣ всего 24 часа. Главное командованіе рѣшило развернуть бригады добровольческихъ полковъ въ дивизіи трехполкового состава.

3-ій Корниловскій полкъ былъ сформированъ въ Харьковѣ изъ Корниловской учебной команды. Сколотилъ полкъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль есаулъ Милѣевъ. Былъ онъ родомъ изъ Оренбургскихъ казаковъ, и его дикая степная кровь сказывалась во всемъ: въ бою исключительно храбрый офицеръ, но жестокій и безпощадный — человѣка струсившаго могъ убить на мѣстѣ; въ мирной обстановкѣ разгульный и совершенно безудержный. Съ дисциплиной мало считался — своему начальству могъ наговорить какія угодно дерзости. Былъ ярый республиканецъ.

Какъ исконному Корниловцу Милѣеву многое сходило съ рукъ, но не обладая достаточнымъ авторитетомъ командира полка, онъ не смогъ поднять на должную высоту боеспособность своего полка, и въ концѣ концовъ Милѣевъ былъ отставленъ отъ командованія полкомъ. Милѣевъ запилъ, а въ Крыму, потрясенный Новороссійской эвакуаціей, застрѣлился.

3-ій Корниловскій полкъ присоединился къ двумъ первымъ за Курскомъ. Въ командованіе Корниловской дивизіей вступилъ полковникъ Скоблинъ, своимъ помощникомъ онъ пригласилъ полковника Пешню, а на мѣсто Пешни командиромъ 1-го Корниловскаго полка былъ назначенъ полковникъ Гордіенко.

Полковникъ Гордіенко — высокаго роста хорошо сложенный мужчина съ громовымъ голосомъ и Наполеоновской прядью на широкомъ лбу, — импонировалъ своей внѣшностью. Выдѣлялся Гордіенко и своимъ мужествомъ.

Въ Донецкомъ бассейнѣ, — разсказываетъ капитанъ Черновъ, — однажды Гордіенко, еще будучи командиромъ батальона, всего съ шестью Корниловцами взялъ полустанокъ Щебенка, занятый красными. Дѣло было такъ:

Рота 1-го батальона расположилась на позиціи передъ этимъ полустанкомъ, за которымъ, какъ понялъ командиръ роты, надо было только вести наблюденіе. Въ полночь паровозъ привезъ для Корниловцевъ ужинъ. Неожиданно, вмѣстѣ съ кухней пріѣхалъ самъ командиръ батальона.

Гордіенко, увидавъ всю роту не на полустанкѣ Щебенка, сразу сталъ разносить командира роты за то, что онъ не выбилъ оттуда красныхъ. Въ свое оправданіе ротный могъ только сказать, что онъ не понялъ приказанія и готовъ немедленно исправить ошибку.

— Поздно теперь, разъ я самъ здѣсь, — сразу успокоившись, сказалъ Гордіенко и обратился къ ротѣ: кто хочетъ итти со мной?

Охотниковъ оказалось много, но давали свое согласіе не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ — всѣ устали, перемерзли и къ тому же были голодны. Гордіенко выбралъ шесть человѣкъ при двухъ пулеметахъ и повелъ ихъ къ полустанку.

— Стрѣлять только по моему приказанію, — сказалъ Гордіенко.

Безшумно подошли къ семафору. Со станціи раздался выстрѣлъ. Гордіенко во весь голосъ сталъ командовать:

— Первый батальонъ вправо въ цѣпь, второй батальонъ влѣво въ цѣпь, третій за мной впередъ, ура!

Шесть человѣкъ закричали ура, пулеметы открыли огонь, и все сторожевое охраненіе красныхъ безслѣдно исчезло. Корниловцы подбѣжали къ вокзалу. Передъ входомъ около дверей стоялъ пулеметъ на полномъ боевомъ взводѣ, а рядомъ съ нимъ храпѣлъ красноармеецъ. Моментально пулеметъ повернули и распахнули двери. Все станціонное помѣщеніе было биткомъ набито красноармейцами.

— Сдавайтесь! — загремѣлъ Гордіенко.

Спросонья всѣ сдались безъ малѣйшаго сопротивленія.

Новый командиръ полка пришелся по душѣ Корниловцамъ. Былъ хотя и вспыльчивъ, но чѣмъ больше накричитъ, тѣмъ скорѣе отходитъ.

Разъ произошелъ такой случай:

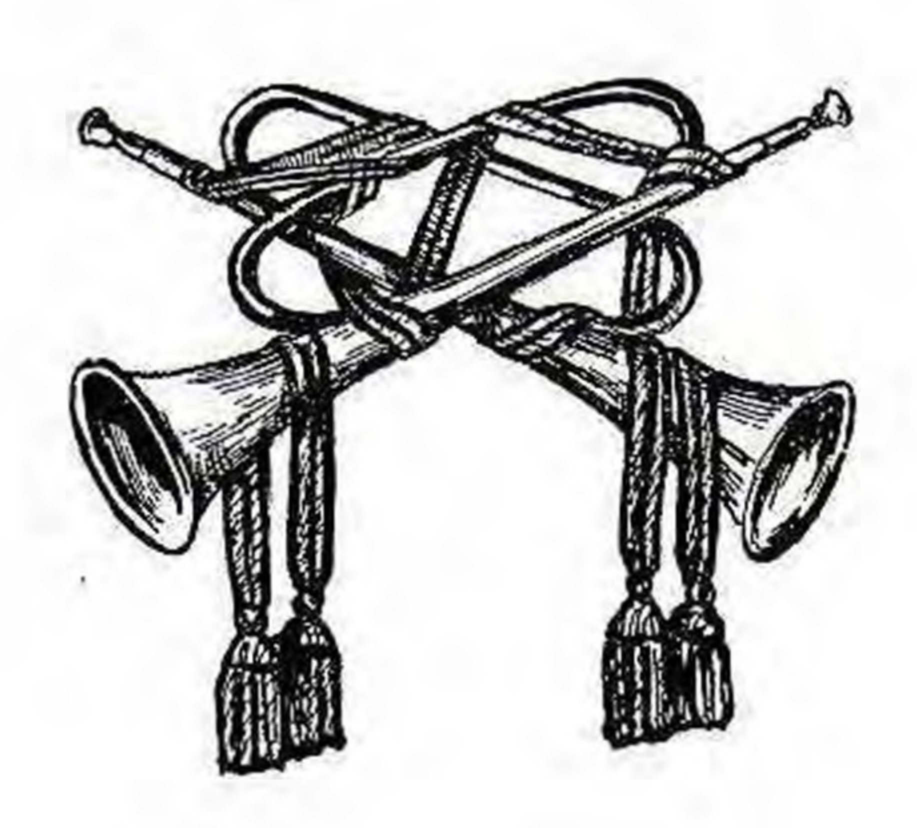
Корниловцы стояли въ резервѣ въ захолустномъ мѣстечкѣ. Никакихъ развлеченій не было, а послѣ походной жизни и непрестанныхъ боевъ напряженные нервы требовали отдыха, смѣны впечатлѣній. Такъ хорошо было бы очутиться въ большомъ городѣ, гдѣ шумныя улицы, залитые огнемъ рестораны, музыка, красивыя женщины... Кому то въ голову пришло устроить пирушку. Немедленно отрядили гонца въ ближайшій городъ за закусками и виномъ. Гонецъ вернулся и ко всеобщему восхищенію привезъ съ собой еще трехъ шансонетныхъ пѣвичекъ — блондинку, шатенку и брюнетку. Пиръ удался на славу. Въ самый разгаръ веселья вдругъ приходитъ приказъ — полкъ немедленно выступаетъ. Сразу всѣ бросились по своимъ ротамъ. Пѣвички взмолились: ради Бога, насъ не бросайте, вы уйдете отсюда, придутъ сюда красные — погибнемъ. Офицеры растерялись: отослать обратно въ городъ — не съ кѣмъ, оставить въ мѣстечкѣ — дѣйствительно неудобно. Пулеметчики нашлись — спрячемъ ихъ въ пулеметныя двуколки, повеземъ до какой нибудь станціи и отправимъ этихъ дамъ по желѣзной дорогѣ. Разсадили пѣвичекъ по двуколкамъ, накрыли ихъ брезентомъ и поѣхали. Командиръ полка Гордіенко пропускалъ мимо себя весь полкъ. Показались пулеметныя двуколки. И что

подозрительное увидѣлъ въ нихъ командиръ, неизвѣстно, но онъ прикинулъ глазомъ и сразу во весь голосъ:

— Эт-т-о что у васъ въ двуколкѣ? — Подскочилъ къ ней и сдернулъ брезентъ, а тамъ испуганная блондинка. Командиръ къ другой двуколкѣ, а подъ брезентомъ сразу двѣ — шатенка и брюнетка, да еще хохочутъ.

Тутъ ужъ командиръ закипѣлъ и такъ началъ разносить командира пулеметной роты, что раскаты голоса были слышны въ головѣ полка. Обѣщавъ напослѣдокъ разжаловать командира пулеметной роты въ рядовые, Гордіенко отъѣхалъ отъ злополучныхъ двуколокъ. Командиръ пулеметной роты былъ заслуженный боевой офицеръ, первопоходникъ. Вечеромъ, когда полкъ сталъ на отдыхъ, Гордіенко, проходя мимо разнесеннаго имъ офицера, какъ ни въ чемъ не бывало сказалъ ему:

— Ну, что же, пойдемъ перекинемся въ картишки...

XIX.

ПОДЪ ОРЛОМЪ

Красныя войска, потерпѣвъ пораженіе подъ Курскомъ, спѣшно отступали и почти не оказывали сопротивленія. Были такіе случаи:

Поручикъ Рѣдько, всѣмъ своимъ видомъ и повадками напоминавшій парубка изъ «Майской ночи», — офицеръ 1-го батальона 1-го Корниловскаго полка — стоялъ со взводомъ въ 60 штыковъ въ деревнѣ Миловкѣ. Мѣстный крестьянинъ передалъ Рѣдько письмо отъ красноармейцевъ:

«Товарищи казаки, мы не хотимъ съ вами воевать, хотимъ сдаться, но боимся, что вы насъ разстрѣляете...»

Поручикъ Рѣдько написалъ отвѣтъ:

«Товарищи красноармейцы, сдавайтесь, никто васъ не разстрѣляетъ».

Прошло нѣсколько дней. Разъ ночью будятъ Рѣдько и докладываютъ ему, что къ деревнѣ со стороны противника приближается колонна. Ночь была свѣтлая. Рѣдько видитъ, что, дѣйствительно, на деревню надвигается сѣрая масса, а надъ нею поблескиваютъ штыки. Впереди этой массы нѣтъ никакихъ дозоровъ.

— Кто вы такіе? — закричалъ Рѣдько.

— Да мы письмо получили отъ васъ...

Тутъ только Рѣдько вспомнилъ о своей перепискѣ. Сейчасъ же приказалъ красноармейцамъ сложить свои винтовки и отойти въ сторону.

Сдалась цѣлая рота въ 150 человѣкъ.

Вскорѣ Рѣдько получилъ приказаніе продвинуться дальше и занять двѣ деревни — Верхнія и Нижнія Стол-

бецкія, которыя, будто бы, были свободны отъ противника. Выславъ дозоры вправо и влѣво, Рѣдько подошелъ къ Столбецкимъ. Передъ деревней длинная канава. Красныхъ нигдѣ не видно. Изъ дозора прибѣгаетъ ударникъ и докладываетъ, что въ канавѣ залегло красноармейцевъ видимо невидимо.

— Отступать поздно, — мелькнуло у Рѣдько, — перебьютъ насъ, какъ куропатокъ... Ура! впередъ — скомандовалъ онъ.

— Ура! — закричалъ его взводъ, — товарищи, сдавайтесь, бросайте оружіе...

Красноармейцы поднялись, и сразу вся канава превратилась въ живую изгородь. Сзади нея бѣгаютъ отдѣльные люди въ кожаныхъ курткахъ, орутъ, стрѣляютъ изъ револьверовъ.

Корниловцы подбѣжали къ канавѣ, красноармейцы изъ нея выскочили. Всѣ перемѣшались. Вдали, на лѣвомъ концѣ канавы вспыхнула мгновенная перестрѣлка и стихла. Къ Рѣдько стали подходить сдавшіеся — ихъ была цѣлая бригада въ три тысячи человѣкъ.

Задержать продвиженіе Корниловцевъ красное командованіе попыталось на полъ пути между Курскомъ и Орломъ, около Малоархангельскаго и Кромъ. Въ этихъ мѣстахъ были стянуты двѣ ударныя группы, но полковникъ Пешня, послѣ упорнаго боя овладѣлъ Малоархангельскимъ, а полковникъ Пашкевичъ Кромами. Тогда красные, оторвавшись отъ Корниловцевъ, сосредоточились подъ станціей Стишъ въ двухъ перегонахъ отъ Орла. Здѣсь на очень выгодныхъ для себя позиціяхъ большевики рѣшили защищать Орелъ. Изъ тыла на подмогу была вызвана 55-ая пѣхотная совѣтская дивизія. Сосредоточенная въ районѣ станціи Золотаревки Воронежско-Орловской желѣзной дороги эта дивизія повисла надъ правымъ флангомъ Корниловцевъ.

Штабъ Май-Маевскаго настаивалъ на скорѣйшемъ взятіи Орла. Задача была не легкая. Корниловская дивизія на всемъ добровольческомъ фронтѣ сильно выдвинулась впередъ, и оба ея фланга были обнажены: лѣвѣе Корниловцевъ, уступомъ верстъ на 60 шли Дроздовцы, правѣе

почти на такомъ же разстояніи — Алексѣевцы. Связь Корниловцевъ съ тѣми и другими поддерживалась случайными конными разъѣздами. Фронтъ Корниловской дивизіи растянулся на 160 верстъ. Никакихъ резервовъ въ 1-мъ корпусѣ не было.

Полковникъ Скоблинъ и его начальникъ штаба капитанъ Капнинъ были очень озабочены предстоящей операціей. Для обоихъ она была своего рода экзаменомъ. Оба были молоды и занимали должности не по своему возрасту: каждому изъ нихъ было лѣтъ по 25. Скоблинъ и Капнинъ усиленно совѣщались. Весь вопросъ былъ въ томъ, чтобы при переходѣ Корниловской дивизіи въ наступленіе 55-ая совѣтская дивизія не вышла ей въ тылъ. Остановились на слѣдующемъ планѣ:

Изъ 1-го Корниловскаго полка выдѣлить 1-й батальонъ съ конными развѣдчиками и бросить ихъ на 55-ю дивизію. Ровно черезъ сутки, въ расчетѣ на успѣхъ этого набѣга, обрушиться всей дивизіей на противника передъ Орломъ.

1-ый батальонъ насчитывалъ около 900 штыковъ, 55-ая совѣтская дивизія состояла изъ девяти полковъ. Отправить одинъ батальонъ противъ цѣлой дивизіи — рискъ былъ большой, но 1-ый батальонъ былъ исключительный по своему командному составу и своей боеспособности.

Какъ только полковникъ Скоблинъ принялъ окончательное рѣшеніе, штабъ дивизіи заработалъ. Посыпались приказы, телефонограммы. Капитанъ Капнинъ разрывался на части. Его небольшая фигурка съ широчайшими погонами на плечахъ то бросалась къ телефону, то спѣшила къ начальнику дивизіи. Работалъ Капнинъ споро, весело, но уже успѣлъ поссориться съ командирами полковъ и крупно поговорить со штабомъ корпуса. Скоблинъ уладилъ всѣ недоразумѣнія, и оба стали ждать извѣстій изъ 1-го батальона. Волновались всю ночь. Кромѣ донесенія изъ 1-го Корниловскаго полка, что въ томъ направленіи, куда ушелъ 1-й батальонъ, была слышна артиллерійская стрѣльба, никакихъ другихъ свѣдѣній не поступало.

24 часа прошло. На разсвѣтѣ Корниловская дивизія двинулась въ наступленіе. На правомъ флангѣ шелъ 1-ый

полкъ, на лѣвомъ 2-ой, а 3-iй полкъ, какъ еще не обстрѣлянный, былъ поставленъ по серединѣ. Въ самый разгаръ боя около двухъ часовъ дня въ тылу праваго фланга показалась огромная колонна. Въ штабѣ дивизiи заволновались: неужели 55-ая дивизiя? Схватились за бинокли — ничего не разобрать. Маршъ маршемъ послали развѣдчиковъ. Тѣ прискакали обратно съ донесенiемъ командира 1-го батальона поручика Дашкевича: двигающаяся колонна — это плѣнные, 55-ая совѣтская дивизiя разбита.

Успѣшно развивался бой и по всему фронту Корниловской дивизiи. Красные цѣплялись за всѣ рубежи, но неуклонно были сбиваемы. Наконецъ красныя войска побѣжали. Около самаго Орла вылетѣли съ пиками на перевѣсъ червонные казаки. Навстрѣчу имъ помчался конвой начальника дивизiи...

Когда къ мѣсту схватки подъѣхалъ начальникъ дивизiи, червонные казаки уже стояли въ конномъ строю Корниловцевъ.

— Здорово Корниловцы! — крикнулъ Скоблинъ.

— Здравiя желаемъ, господинъ полковникъ! — единодушно отвѣтилъ вдвое пополнившiйся конвой.

За бой подъ Орломъ Корниловская дивизiя взяла 8.000 плѣнныхъ, 150 пулеметовъ, 21 орудiе.

Отъ командующаго Добровольческой армiей генерала Май-Маевскаго Корниловцы получили поздравленiе:

«Орелъ — орламъ!».

XX.

ВЪ ОРЛѢ

1-го октября Корниловскіе полки входили въ Орелъ. Такъ же, какъ въ Курскѣ, ихъ встрѣчали толпы народа. Гудѣли колокола, духовенство въ праздничныхъ облаченіяхъ стояло около церквей.

Какъ только полковникъ Скоблинъ верхомъ на сѣромъ жеребцѣ впереди своего конвоя показался на городской площади, толпа закричала ура, потомъ вдругъ вся покачнулась въ сторону какого то революціоннаго памятника, возвышавшагося на площади и разукрашеннаго красными полотнищами. Раздались глухіе удары, и памятникъ скрылся въ известковой пыли. Черезъ нѣсколько мгновеній на мѣстѣ памятника лежала куча мусора.

Квартирьеры доложили Скоблину, что наиболѣе удобнымъ помѣщеніемъ для штаба дивизіи будетъ или Дворянское Собраніе или же дворецъ Скоропадскаго. Въ это время подошелъ пожилой мужчина, вѣжливо приподнялъ шляпу и освѣдомился, не онъ ли здѣсь главный начальникъ.

— Да, я, — отвѣтилъ Скоблинъ, — а вамъ что нужно?

— Хочу предупредить васъ, чтобы вы ни въ коемъ случаѣ не останавливались въ бывшемъ Дворянскомъ собраніи или во дворцѣ Скоропадскаго: оба зданія минированы большевиками.

— А кто вы такой? — спросилъ Скоблинъ.

— Я — вашъ другъ, старый земскій дѣятель, — отвѣтилъ незнакомецъ.

Капитанъ Капнинъ сталъ настаивать, чтобы для штаба выбрать какое нибудь другое помѣщеніе.

— Охота тебѣ, Константинъ Львовичъ, слушать всякія росказни, — возражалъ Скоблинъ.

— Николай Владиміровичъ, — закипятился Капнинъ, — нельзя вѣдь рисковать, чтобы начальникъ дивизіи со всѣмъ своимъ штабомъ взлетѣлъ на воздухъ.

— Ну, ты дѣлай, какъ хочешь, а я со своимъ конвоемъ остановлюсь во дворцѣ Скоропадскаго.

Начальникъ дивизіи и начальникъ штаба разъѣхались.

Во дворцѣ Скоропадскаго былъ полный безпорядокъ. Въ комнатахъ стояли заколоченные деревянные ящики, грудами валялись исписанные листы бумаги, кресла были опрокинуты, весь паркетъ загаженъ грязью, окурками. Нетронутымъ остался огромный залъ: чинно въ рядъ стояли стулья передъ столомъ, покрытымъ краснымъ бархатомъ; такимъ же бархатомъ была обита нижняя часть всѣхъ стѣнъ; въ золоченыхъ старинныхъ рамахъ висѣли портреты большевицкихъ вождей. Съ хохотомъ и бранью конвойцы стали колоть и рубить шашками ненавистныя лица.

Въ этомъ залѣ размѣстился конвой, а полковникъ Скоблинъ выбралъ для себя рядомъ небольшую комнату.

Къ ночи, когда Скоблинъ уже укладывался спать, вдругъ онъ услышалъ громкое шипѣніе, и въ его комнату поползла гарь. Скоблинъ распахнулъ двери. Весь залъ былъ полонъ дыма. Зажгли огарки, стали изслѣдовать. Оказалось, что одинъ конвоецъ сдиралъ со стѣны бархатъ и случайно оборвалъ проложенный подъ нимъ шнуръ съ проводами. Тутъ что то вспыхнуло и зашипѣло.

Черезъ нѣсколько часовъ весь Орелъ былъ освѣщенъ заревомъ. Пылало Благородное Собраніе. Къ утру отъ него остались однѣ обгорѣлыя стѣны.

Круглый день въ штабѣ толпились люди. Сюда приходили несчастные граждане со всѣми своими нуждами и жалобами. Пробрались въ штабъ двѣ делегаціи: одна изъ Тулы отъ желѣзнодорожниковъ; они просили какъ можно скорѣе наступать на Тулу и обѣщали не выпустить изъ города ни одного эшелона. Другая делегація изъ четырехъ бывшихъ офицеровъ явилась, будто бы, отъ 14-ой совѣт-

ской арміи, расположенной около Брянска. Эти офицеры клялись, что при продвиженіи добровольцевъ къ Брянску вся ихъ армія немедленно капитулируетъ. Себя офицеры просили оставить въ качествѣ заложниковъ. Этихъ делегатовъ отправили въ штабъ корпуса...

Казалось, все предвѣщало скорую и окончательную побѣду добровольцевъ. Капитанъ Капнинъ, какъ офицеръ генеральнаго штаба, получилъ изъ Ставки слѣдующую телеграмму:

«Въ виду скораго окончанія гражданской войны и нашего предстоящаго вступленія въ Москву, сообщите, въ какомъ округѣ и какую должность вы хотѣли бы получить».

Если такъ предполагала сама Ставка, гдѣ сосредотачивались свѣдѣнія со всего фронта Вооруженныхъ силъ Юга Россіи, то меньше всего могли ожидать надвигающуюся катастрофу Корниловцы.

Поручикъ Рѣдько, оставшійся въ деревнѣ Золотаревка на правомъ флангѣ Корниловской дивизіи, продолжалъ забирать плѣнныхъ. Къ Рѣдько изъ сосѣдней деревни ночью явился перебѣжчикъ и разсказалъ, что утромъ полкъ большевиковъ перейдетъ въ наступленіе. Не долго думая, Рѣдько собралъ полторы роты Корниловцевъ и съ ними двинулся навстрѣчу противнику. По указанію перебѣжчика безшумно сняли вокругъ деревни всѣ большевицкіе посты. Уже разсвѣтало. Высланные дозоры донесли, что на главную улицу со всѣхъ проулковъ стягиваются роты красноармейцевъ. Рѣдько построилъ въ колонну свои полторы роты и замаршировалъ съ нею въ деревню. Чтобы не выдѣляться отъ красныхъ командировъ, Рѣдько шелъ, покрикивая и ругаясь отборными словами. Благополучно прошли улицу и вышли на середину площади. Со всѣхъ сторонъ сюда вливались красноармейцы.

— Стой! — скомандовалъ Рѣдько своимъ Корниловцамъ. — Въ двѣ шеренги стройся! Первая шеренга налѣво, вторая шеренга направо! По противнику, шеренги, часто начинай!

Красноармейцы остолбенѣли, потомъ дикіе вопли смѣшались съ ружейными залпами, и на площади, среди

порохового дыма остались одни Корниловцы. Противъ каждой ихъ шеренги лежали убитые. Нѣкоторые изъ раненыхъ уползали на рукахъ...

Кромѣ плѣнныхъ, Корниловцы забрали артиллерію красныхъ, но въ поднявшейся перестрѣлкѣ за деревней поручикъ Рѣдько былъ раненъ. Раненъ двѣнадцатый разъ.

Впереди Орла конные разъѣзды Корниловцевъ тоже продвигались впередъ и уже захватили городъ Мценскъ, только съ крайняго лѣваго фланга изъ 2-го полка стали поступать тревожныя донесенія: глубоко въ тылъ Корниловской дивизіи вышла Латышская дивизія изъ шести пѣхотныхъ полковъ и одного коннаго.

О сосредоточеніи латышей Корниловцы впервые узнали еще 29-го сентября. Въ этотъ день 2-ой батальонъ 2-го Корниловскаго полка долженъ былъ занять небольшую деревню «Коровье Болото», опоясанную мшистою рѣчкой. Совершенно неожиданно красные здѣсь оказали ожесточенное сопротивленіе. Только съ наступленіемъ темноты Корниловцы овладѣли деревней. 5-ая рота заняла сторожевое охраненіе на юго-западной окраинѣ деревни. Ночью къ командиру роты капитану Трошину привели двухъ плѣнныхъ кавалеристовъ, наскочившихъ на Корниловскую заставу. Эти кавалеристы были латыши.

Здоровенные, бѣлобрысые, въ черныхъ кожаныхъ курткахъ и штанахъ, они показали, что ѣхали квартирьерами отъ Латышской бригады, которая идетъ сюда походнымъ порядкомъ. Въ ожиданіи ея подхода, красноармейской части, стоявшей здѣсь въ деревнѣ приказано ни въ коемъ случаѣ не отступать.

Трошинъ немедленно отправилъ плѣнныхъ въ сопровожденіи офицера въ штабъ батальона и привелъ свою роту въ боевую готовность. Корниловцы залегли около дороги и поставили пулеметы. Вскорѣ послышался мѣрный лошадиный топотъ. Приближалась группа всадниковъ. Сколько ихъ ѣдетъ, было невозможно разобрать въ темнотѣ. Рота открыла огонь, всадники ускакали. Всю ночь 5-ая рота провела въ тревогѣ, но латыши не появлялись.

На слѣдующій день 2-ой батальонъ, выполняя полученный приказъ по диспозиціи, двинулся впередъ.

— Да вѣдь Латышская бригада остается у насъ въ тылу, — переговаривались между собой офицеры, но разсуждать не приходилось — начальству виднѣе.

1-го октября капитанъ Трошинъ со сводной ротой отъ 2-го батальона былъ вызванъ на парадъ въ самый городъ Орелъ. Послѣ парада, когда Трошинъ уже уводилъ свою роту, его нагналъ временно командующій полкомъ капитанъ Щегловъ и приказалъ сдѣлать большой привалъ. Ружья составили въ козла, подъѣхала походная кухня, вокругъ нея зазвенѣли котелки. Щегловъ отвелъ Трошина въ сторону, вытащилъ изъ полевой сумки карту, развернулъ ее и сталъ давать боевую задачу: двигаться съ ротой по шоссейной дорогѣ на городъ Кромы; итти до наступленія темноты; на ночлегъ остановиться, выставивъ сторожевое охраненіе въ сторону Кромъ; утромъ продолжать движеніе, пока не наткнутся на противника. По полученнымъ свѣдѣніямъ, около Кромъ неблагополучно.

Такъ какъ Трошинъ вышелъ на парадъ съ малымъ количествомъ патроновъ и безъ пулеметовъ, то Щегловъ обѣщалъ прислать вдогонку ротѣ артиллерійскій взводъ и пулеметы, а пока что снабдилъ его крестьянской подводой, нагруженной ружейными патронами.

Рота вышла на шоссе. Ударники удивлялись, почему идутъ куда-то въ тылъ, а не къ себѣ на фронтъ. Всѣхъ встрѣчныхъ крестьянъ Трошинъ опрашивалъ, тѣ сумрачно отмалчивались: знать ничего не знаемъ. Повстрѣчались двѣ женщины, одѣтыя въ городскія платья.

— Красавицы, вы откуда идете? — подошелъ къ нимъ Трошинъ.

— Изъ Кромъ въ Орелъ идемъ, — охотно отвѣтили ему мѣщаночки.

— Что у васъ въ Кромахъ, благополучно?

Мѣщаночки замялись.

— Да какія войска тамъ стоятъ?

— Въ городѣ то войскъ никакихъ нѣтъ, а вотъ въ пяти верстахъ отъ Кромъ, коли знаете деревню Горки, такъ тамъ вдоль рѣки много войскъ. Солдаты, какъ боровы откормленные, чистые и въ кожаныхъ курткахъ. А разго-

воръ ихъ странный, ничего не поймешь. Нѣтъ, это не Деникинцы, да и на большевиковъ не похожи...

На другой день Трошинъ подошелъ къ Горкамъ. Съ гребня послѣдняго перевала онъ увидѣлъ за рѣкой огромный, на сколько глазъ хватало, бивакъ. Горѣли костры, доносился лагерный шумъ, крики. Чтобы выяснить хотя бы приблизительно количество вражескихъ силъ, Трошинъ, посовѣтовавшись съ командиромъ артиллерійскаго взвода полковникомъ Петренко, рѣшилъ обстрѣлять бивакъ.

— Гранатами бѣглый огонь! — скомандовалъ Петренко. Одновременно затрещали ружья и пулеметы.

Было видно, какъ сразу всполошился весь лагерь. Сплошная черная масса покрыла все поле. Черезъ нѣсколько минутъ она уползла за бугоръ.

На тревожное донесеніе Трошина подошелъ къ его ротѣ весь 2-ой Корниловскій полкъ, и съ 3-го октября подъ Кромами начались бои. Изъ опроса первыхъ же плѣнныхъ выяснилось, что съ Корниловцами здѣсь дерутся не только латыши, но и сводныя части изъ матросовъ, китайцевъ и евреевъ. Бои шли съ перемѣннымъ успѣхомъ. Красные принимали штыковыя атаки. 2-ой полкъ несъ большія потери.

Полковникъ Скоблинъ предложилъ высшему командованію слѣдующій планъ: фронтъ Алексѣевской дивизіи растянуть до Орла, а Корниловскую дивизію собрать въ кулакъ и бросить противъ латышей. Скоблину было приказано продолжать оборону Орла, не покидая своего фронта передъ городомъ.

Накапливаясь въ тылу Корниловской дивизіи, большевики въ то же время сосредоточили въ стыкѣ Добровольческой арміи и Донской сильную группу Буденнаго и прорвали фронтъ около станціи Касторной. Красная кавалерія вышла въ тылъ праваго фланга 1-го корпуса. Генералъ Кутеповъ сталъ оттягивать свои войска къ Курску, но латыши и Буденный продолжали углублять свои прорывы.

Трое сутокъ Корниловская дивизія защищала подступы къ Курску — атаки красныхъ смѣнялись контръ-

атаками Корниловцевъ. Корниловская дивизія потеряла треть своего состава, но продолжала отбиваться. Тогда большевики охватили Корниловцевъ съ обоихъ фланговъ; свободной осталась одна дорога на Фатежъ. Полковникъ Скоблинъ, чтобы избѣжать полнаго окруженія своей дивизіи, воспользовался этой дорогой и быстрыми маршами вырвался изъ непріятельскихъ клещей.

Подъ Бѣлгородомъ на усиленіе Корниловской дивизіи была прислана бригада въ 1500 штыковъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Волховского. Эта бригада была сформирована въ Харьковѣ. Впечатлѣніе она производила отличное — всѣ солдаты были одѣты въ полушубки, папахи и сапоги. Полковникъ Скоблинъ просилъ штабъ корпуса влить эту бригаду въ Корниловскіе ряды, но получилъ отказъ, такъ какъ бригадѣ впослѣдствіи предназначалась самостоятельная задача. Зашелъ вопросъ о подчиненіи. Казалось неудобнымъ подчинять генералъ-лейтенанта полковнику, но Волховской откровенно заявилъ, что у него нѣтъ опыта въ гражданской войнѣ, а кромѣ того и нѣтъ увѣренности въ своихъ солдатахъ.

На боевыхъ позиціяхъ бригаду Волховского разставили между частями 2-го Корниловскаго полка. Въ теченіе дня начальникъ штаба корпуса нѣсколько разъ справлялся у Скоблина, какъ держится въ бою бригада.

— Дерется прилично, — получалъ въ отвѣтъ.

Къ вечеру, когда бой затихъ, бригада Волховского была направлена для ликвидаціи прорыва западнѣе Корниловцевъ, а на другой день отъ всей бригады остался только одинъ штабъ — солдаты немедленно сдались краснымъ.

XXI.

ОТСТУПЛЕНІЕ

Когда началось отступленіе отъ Орла, Корниловцы думали, что оно временное и вызвано перегруппировкой войскъ или же выравненіемъ фронта; никто не предполагалъ, что это отступленіе окончательное. Корниловская дивизія отходила не въ результатѣ своего пораженія: если красные начинали усиленно насѣдать, Корниловцы переходили въ наступленіе, разбивали противника и отбрасывали его. Но и послѣ такихъ побѣдъ Корниловскую дивизію все-таки поворачивали назадъ и оттягивали въ тылъ. Отступленіе продолжалось непрерывно. Спокойное отношеніе Корниловцевъ къ отходу вскорѣ смѣнилось горькимъ недоумѣніемъ: имѣть въ своихъ рукахъ весь плодородный югъ Россіи съ казацкимъ населеніемъ — донскимъ, кубанскимъ, терскимъ, явно враждебнымъ большевикамъ; получить возможность создать сильную кавалерію; обладать каменно-угольнымъ раіономъ, нефтью; получать помощь союзниковъ; быть въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Москвы, и вдругъ начать все терять. До Корниловцевъ доходили слухи, что Донское казачество перестало воевать, у казаковъ произошелъ какой-то душевный надломъ, и они отступаютъ безъ боевъ. Говорили о крупныхъ неладахъ среди командного состава, о полной неурядицѣ тыла. Когда Корниловцы ѣздили въ отпускъ или попадали ранеными въ тылъ, ихъ поражали неприступныя на все цѣны — офицерскаго жалованья хватало на нѣсколько обѣдовъ — возмущала бѣшеная спекуляція, разгулъ городовъ, и толпы офицеровъ, пристроившихся въ тылу или же цѣлыми мѣсяцами форми-

ровавшихъ ячейки старыхъ полковъ. Но и тылъ не оставался въ долгу передъ фронтомъ: «цвѣтные полки» Добровольческой арміи обвиняли въ грабежахъ, погромахъ и насиліяхъ.

Это обвиненіе Корниловцы отвергали съ негодованіемъ. Въ 1-омъ корпусѣ грабежей и погромовъ не было. тОдѣльныхъ лицъ, виновныхъ въ этомъ, кто бы они ни были, хотя бы заслуженные офицеры первопоходники, командиръ 1-го корпуса генералъ Кутеповъ безпощадно вѣшалъ или разстрѣливалъ.

— Тамъ, гдѣ я командую, погромовъ быть не можетъ, всегда повторялъ Кутеповъ.

Единственное, въ чемъ могли винить себя Корниловцы, — это въ реквизиціяхъ у населенія.

Въ Корниловской дивизіи до самаго Крыма не было своего интенданта, не было уполномоченнаго лица, которое вѣдало бы снабженіемъ дивизіи всей матеріальной и хозяйственной частью.

Оружіе Корниловцы доставали съ боя, но солдатъ надо было одѣвать, кормить, и полкамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ заниматься «самоснабженіемъ». Захваченныхъ у красныхъ интендантскихъ запасовъ не хватало или же они оставались на складахъ въ крупныхъ городахъ; красноармейцевъ, поставленныхъ въ строй, приходилось одѣвать за счетъ ихъ товарищей, отправляемыхъ въ тылъ. Приходилось смотрѣть сквозь пальцы и на то, какъ какой-нибудь промерзшій до костей ударникъ утаскивалъ у крестьянина полушубокъ или сапоги. Нужда въ теплыхъ вещахъ, бѣльѣ и обуви какъ у красныхъ, такъ и у добровольцевъ была такова, что убитый въ бою черезъ нѣсколько минутъ лежалъ голымъ.

Жестокая необходимость заставляла реквизировать у крестьянъ скотъ, фуражъ и подводы. Было немыслимо допускать, чтобы продрогшіе солдаты оставались безъ горячей пищи, голодные кони грызли сухія жерди, не оперированные раненые погибали. Подводы у крестьянъ брали не только для перевозки раненыхъ, но и для переброски войскъ. Реквизиціи и гужевыя повинности вызывали недовольство крестьянъ, но причины ихъ озлобленія противъ

добровольцевъ были, конечно, болѣе глубокія. Эти причины ускользали отъ фронта. Корниловцы стремительно продвигались впередъ и видѣли только одно: ихъ встрѣчали какъ освободителей, когда же черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они отступали по тѣмъ же мѣстамъ, недавнихъ освободителей провожали, какъ ненавистныхъ завоевателей.

— Встрѣчали цвѣтами, — говорили Корниловцы, — провожаютъ пулеметами.

— Помѣщики съ черкесами шли за вами, — проговаривались крестьяне, — да и никакого порядка вы не дали...

У крестьянъ была прямо тоска по «порядку».

Сильное раздраженіе въ деревнѣ вызвалъ и приказъ о мобилизаціи. Этотъ приказъ былъ полученъ полками, когда Добровольческая армія откатывалась назадъ. Въ полковыхъ штабахъ пожимали плечами:

— Шли впередъ, былъ общій подъемъ, мобилизовать запрещали, стали отступать, приказываютъ производить мобилизацію. Что за нелѣпость?

И, дѣйствительно, мобилизованные крестьяне разбѣгались. Они пробирались назадъ въ свои деревни и села или же бѣжали къ «зеленымъ». Всѣ лѣса кишѣли ими. Дезертирство мобилизованныхъ дѣйствовало развращающе на полки: началась утечка и среди поставленныхъ въ строй бывшихъ красноармейцевъ.

Непрерывное отступленіе, враждебность населенія, растущая неувѣренность въ своихъ солдатахъ угнетали офицеровъ, но у нихъ, какъ въ первые дни Кубанскаго похода, не было ни унынія ни отчаянія. Каждый день у офицеровъ все тѣ же заботы о своихъ солдатахъ и то же мужество въ бояхъ.

Это мужество вызывало уваженіе даже у большевиковъ. Былъ такой трагическій эпизодъ:

3-ій Корниловскій полкъ при отступленіи отъ Харькова шелъ на правомъ флангѣ своей дивизіи. Командовалъ полкомъ капитанъ Францъ, тихій скромный офицеръ хорватъ. Къ Корниловцамъ отъ присоединился еще въ Кіевѣ и привязался къ нимъ всей душой. У Франца, какъ командира полка, былъ единственный недостатокъ — во всѣхъ бояхъ считалъ своимъ долгомъ итти впереди своихъ цѣпей,

и полкъ быстро лишался общаго руководства; послѣ каждаго такого боя на вопросъ начальника дивизіи — а что капитанъ Францъ? — былъ неизмѣнный отвѣтъ — капитанъ Францъ раненъ. Его лѣвую руку уже давно замѣнялъ протезъ.

Въ 3-мъ полку остался всего одинъ сводный батальонъ въ 120 штыковъ и офицерская рота въ 70 человѣкъ. При полку была пулеметная команда, легкая батарея и обозъ, главнымъ образомъ, съ ранеными.

3-ій полкъ благополучно перешелъ рѣку Улу и остановился въ селѣ Старо-Покровскомъ. Правѣе села протекалъ Донецъ, сзади села тянулись лѣса почти до самаго города Зміева. Полкъ получилъ задачу охранять мостъ черезъ Улу. Нѣсколько дней Корниловцы спокойно простояли въ селѣ, ведя перестрѣлку съ большевиками, занявшими село Ново-Покровское по ту сторону рѣки.

4-го декабря изъ штаба дивизіи пріѣхалъ офицеръ подрывной роты съ двумя саперами для взрыва моста. Мостъ былъ взорванъ, офицеръ уѣхалъ. Прошло еще два дня, какъ посланный разъѣздъ донесъ, что Корниловскій дивизіонъ, стоявшій въ небольшой деревушкѣ верстахъ въ восьми лѣвѣе 3-го полка, тамъ больше не стоитъ, а деревушка занята Латышскомъ полкомъ. Впослѣдствіи выяснилось, что 3-му полку своевременно было послано приказаніе объ отходѣ, но зеленые перехватили разъѣздъ, и полкъ, ничего не подозрѣвая, 24 часа оставался на фронтѣ совершенно одинъ.

Надо было спасаться. Единственная дорога оставалась черезъ лѣсъ. Въ морозную лунную ночь обозъ вытянулся изъ деревни, за нимъ, прикрывая его, пошелъ полкъ. Обозъ подъѣхалъ къ лѣсу. Вдругъ гулко, какъ топоры, застучали винтовки. Нахлестывая своихъ клячъ, подводчики разсыпались по полю.

Капитанъ Францъ приказалъ сводному батальону атаковать противника. Цѣпь подошла къ лѣсу шаговъ на двѣсти. Тишина. Продвинулась еще на нѣсколько шаговъ, и изо всей опушки стали вылетать огненные снопы пулеметныхъ и ружейныхъ залповъ. Батальонъ былъ скошенъ, въ живыхъ осталось 16 человѣкъ. Батарея Корниловцевъ стала

бить по невидимому врагу. Послѣ нѣсколькихъ очередей капитанъ Францъ со своимъ помощникомъ капитаномъ Барбэ повелъ въ атаку офицерскую роту. Со штыками на перевѣсъ пошли офицеры. Подошли къ опушкѣ, и вдругъ донеслась громкая команда:

— Товарищи, разступись, офицера идутъ!

Сорвался только одинъ случайный выстрѣлъ, и капитанъ Барбэ упалъ съ простреленной головой. Вся рота вошла въ безмолвный лѣсъ. Но ни артиллеріи, ни обоза красные не пропустили, ихъ цѣпь, какъ только прошли офицеры, сразу сомкнулась.

— Спаслось насъ 86 человѣкъ, — вспоминаетъ участникъ этого эпизода штабсъ-капитанъ Андріановъ. — Въ однѣ сутки мы прошли тогда сто верстъ и догнали свою дивизію.

XXII.

ПОДЪ РОСТОВОМЪ.

Наспѣхъ собранная Ставкой конная группа изъ казачьихъ частей никакого сопротивленія Буденному не оказывала. Начальникъ оперативнаго отдѣленія Донского штаба доносилъ: «....Донскія части, хотя и большого состава, но совсѣмъ не желаютъ и не могутъ выдерживать самаго легкаго нажима противника.... Кубанскихъ и Терскихъ частей совершенно нѣтъ....» *).

Буденный, преслѣдуя отступавшихъ казаковъ, все время обходилъ Добровольческую армію, и она отходила на Ростовъ, постоянно находясь подъ фланговымъ ударомъ справа всей 1-ой совѣтской конной арміи.

Подъ Ростовомъ генералъ Деникинъ рѣшилъ дать отпоръ противнику. Корниловская дивизія въ этомъ бою составляла резервъ 1-го корпуса и была поставлена въ предмѣстьѣ Ростова Нахичевани. Весь сочельникъ и первый день Рождества доносился до Корниловцевъ грозный гулъ боя. Утромъ 26-го декабря полковникъ Скоблинъ получилъ приказъ двигаться всей дивизіи въ Новочеркасскъ и совмѣстно съ 4-мъ Донскимъ корпусомъ генерала Мамонтова атаковать тамъ противника и выбить его изъ только что захваченной имъ столицы Дона.

Недалеко отъ Новочеркасска въ Александровской станицѣ Корниловцы встрѣтили казаковъ. Непрерывная лавина всадниковъ текла къ переправѣ черезъ Донъ. Скоблинъ всполошился.

---

*) Генералъ Деникинъ: «Очерки Русской Смуты», т. V, стр. 262.

— Стой! — сталъ онъ кричать, — куда ѣдете?

Лавина продолжала двигаться. Наконецъ, отъ одного офицера Скоблинъ добился, что 4-й корпусъ переправляется на лѣвый берегъ Дона въ станицу Ольгинскую.

— А гдѣ вашъ командиръ корпуса генералъ Мамонтовъ? — спросилъ Скоблинъ.

— Онъ еще здѣсь, въ Александровской.

Скоблинъ поскакалъ къ Мамонтову. Послѣ того какъ взволнованный Скоблинъ передалъ генералу, какая боевая задача возложена на нихъ обоихъ, Мамонтовъ, разглаживая свои усы, переходящіе въ длинные густые подъусники, рѣшительно заявилъ, что генералу Кутепову не подчиненъ.

—Да развѣ въ этомъ дѣло? — заговорилъ Скоблинъ, надо спасать Новочеркасскъ, а я всецѣло перейду въ ваше подчиненіе.

— Половина моего корпуса уже на томъ берегу, я не могу вернуть казаковъ обратно... Брать Новочеркасскъ не буду.

— Прошу васъ переговорить по прямому проводу съ генераломъ Кутеповымъ.

— Повторяю вамъ, я Кутепову не подчиненъ.

— Тогда я черезъ штабъ корпуса соединю васъ непосредственно со Ставкой, переговорите съ ней, ваше превосходительство.

— Хорошо, — нехотя согласился Мамонтовъ.

Ставка подтвердила приказаніе генерала Кутепова.

— Я уже разсказалъ полковнику Скоблину, въ чемъ дѣло. Добавлю, что, опасаясь оттепели и порчи переправъ, и въ случаѣ неудачи погублю весь свой корпусъ. Категорически заявляю — брать Новочеркасскъ не могу, — такъ закончилъ свой разговоръ со Ставкой генералъ Мамонтовъ.

Полковникъ Скоблинъ соединился со штабомъ корпуса. Къ проводу подошелъ генералъ Кутеповъ. Скоблинъ разсказалъ Кутепову о создавшемся положеніи и запросилъ, что ему дѣлать теперь.

— Николай Владиміровичъ, — застучалъ аппаратъ, — дай отдыхъ дивизіи на нѣсколько часовъ и возвращайся обратно въ Нахичевань. Твоя новая задача — оборонять

подступы къ Нахичевани; на твоемъ лѣвомъ флангѣ будетъ Терская дивизія генерала Топоркова, съ нимъ войди въ связь.

— Александръ Павловичъ, — сталъ диктовать Скоблинъ, — я вижу по всему, что Ростова намъ не удержать. Чтобы выгадать время для эвакуаціи города, тебѣ будетъ достаточно мѣстныхъ силъ, а мнѣ разрѣши перейти за Донъ здѣсь въ станицѣ Александровской. Кромѣ этой переправы, другого моста до самаго Ростова нѣтъ.

Кутеповъ повторилъ свое приказаніе..

Черезъ нѣсколько часовъ Скоблинъ вновь соединился со штабомъ корпуса и вызвалъ начальника штаба генерала Достовалова, чтобы узнать, не измѣнилась ли обстановка подъ Ростовомъ, и остался ли въ силѣ приказъ командира корпуса.

Начальникъ штаба кратко обрисовалъ положеніе на фронтѣ: на лѣвомъ участкѣ боя, на фронтѣ Добровольческаго корпуса, всѣ атаки отбиты. Дроздовцы и конница Барбовича сами перешли въ наступленіе и уже гонятъ противника. Въ центрѣ — прорывъ позиціи Терской дивизіи сейчасъ ликвидированъ, и только на правомъ флангѣ — сильная неувязка: 25-ый Донской корпусъ, прикрывавшій Новочеркасскъ, сдалъ городъ и отхлынулъ за Донъ, а корпусъ Мамонтова самовольно бросилъ фронтъ. Приказаніе генерала Кутепова остается въ силѣ.

Корниловская дивизія выступила. Въ арьергардѣ шелъ 3-ій полкъ. Въ Нахичевань были высланы конные разъѣзды. Когда Корниловцы уже подходили къ Нахичевани, къ начальнику дивизіи подъѣхалъ разъѣздъ.

— Господинъ полковникъ, — доложилъ офицеръ, — Нахичевань занята большевиками.

— Какъ занята? Да вы пьяны, поручикъ.

— Никакъ нѣтъ, Нахичевань занята...

— Быть не можетъ! Вамъ померещилось.... Немедленно поворачивайте и провѣрьте...

— Слушаюсь.

2-ой и 1-ый Корниловскіе полки продолжали двигаться походнымъ порядкомъ. Въ арьергардѣ послышалась стрѣльба: большевики изъ Новочеркасска нагнали 3-ій

полкъ. Какъ только авангардъ дивизіи сталъ втягиваться въ Нахичевань, онъ на первой же улицѣ наткнулся на свой вторично посланный разъѣздъ. Офицеръ, его ординарцы и кони были перебиты. Только доложили объ этомъ начальнику дивизіи, какъ по улицѣ загремѣлъ броневикъ, сзади него, пригибаясь, шли красноармейцы. Завизжали пули. Не оставалось никакого сомнѣнія — Нахичевань была въ рукахъ большевиковъ. Очевидно, за тѣ нѣсколько часовъ, когда Корниловская дивизія двигалась къ Нахичевани, на фронтѣ передъ Ростовомъ разразилась катастрофа. Такъ оно и оказалось: связь съ Терской дивизіей донесла, что Терцы вновь разбиты большевиками.

Положеніе для Корниловцевъ создалось отчаянное; они оказались отрѣзанными отъ переправы черезъ Донъ: оба моста — одинъ впереди въ Ростовѣ, другой — позади въ Александровской были уже захвачены большевиками.

2-ой Корниловскій полкъ повелъ уличный бой — болѣе страшный, чѣмъ всякій бой въ открытомъ полѣ. Изо всякаго угла, изъ подворотенъ, изъ оконъ летятъ пули. Ударяясь о камни, онѣ рикошетомъ наносятъ страшныя рваныя раны. Гулкими перекатами среди стѣнъ громыхаютъ выстрѣлы. Тутъ только полковникъ Скоблинъ вспомнилъ, что въ самой Нахичевани есть деревянный настилъ черезъ рѣку, такъ называемый «Таганрогскій мостъ». Во что бы то ни стало, надо было перехватить этотъ мостъ ранѣе большевиковъ. Скоблинъ взялъ съ собою роту Корниловцевъ и бѣгомъ бросился къ мосту. Когда они подбѣжали къ мосту, съ противоположнаго берега по нимъ забили выстрѣлы. Стрѣляли казаки. Корниловцы опѣшили.

— Господинъ полковникъ, — закричалъ кто-то, — смотрите, казаки тащутъ солому, сейчасъ подожгутъ мостъ.

— Впередъ, за мной! — скомандовалъ Скоблинъ.

Вихремъ пронеслись Корниловцы черезъ мостъ, разметали горящую солому и съ отчаянной руганью набросились на казаковъ.

Заикаясь и весь дрожа, хорунжій пытался объяснить Скоблину, что онъ принялъ Корниловцевъ за большевиковъ.

Запрыгали по настилу подводы, артиллерія. За ними

перешли мостъ 1-ый и 2-ой полки. 3-ій полкъ пробиться къ переправѣ уже не могъ. Онъ былъ вынужденъ переходить Донъ по льду. На серединѣ рѣки былъ на смерть сраженъ пулей командиръ полка капитанъ Францъ.

На другой день, рано утромъ полковникъ Скоблинъ поѣхалъ разыскивать штабъ корпуса. По дорогѣ онъ встрѣтилъ молодого капитана, причисленнаго къ генеральному штабу. Капитанъ передалъ начальнику дивизіи конвертъ съ описаніемъ командира 1-го корпуса.

Скоблинъ пробѣжалъ приказъ и весь поблѣднѣлъ. Выпустивъ трехъэтажное ругательство, онъ набросился на капитана:

— Какъ, приказъ объ отходѣ моей дивизіи черезъ Александровскую переправу вы доставляете мнѣ только сегодня... Почему вы вчера его не доставили мнѣ? Изъ-за вашей трусости у меня однихъ убитыхъ шестьсотъ человѣкъ... — и опять посыпались ругательства.

— Господинъ полковникъ, не забывайте, что я офицеръ...

— Разстрѣливать такихъ офицеровъ...

Скоблинъ помчался къ Батайску. Когда онъ подскакалъ къ станціи, штабной поѣздъ медленно отходилъ.

— Задержать поѣздъ! — закричалъ Скоблинъ.

Поѣздъ остановили. Внѣ себя Скоблинъ вскочилъ въ вагонъ командира корпуса.

— Николай Владиміровичъ — это ты? Слава Богу! Твоя дивизія цѣла? — Кутеповъ обнялъ Скоблина и поцѣловалъ его.

Скоблинъ, возмущаясь, сталъ разсказывать, что перенесла его дивизія. Кутеповъ его прервалъ:

— Ты потерялъ половину дивизіи, а я почти весь свой корпусъ... Катастрофа... Поѣзжай обратно — твоя задача защищать Батайскъ.. Когда успокоишься, спокойно обо всемъ переговоримъ...

Медленно, шагомъ поѣхалъ Скоблинъ къ своимъ Корниловцамъ.

XXIII.

ЭВАКУАЦІЯ НОВОРОССІЙСКА

Корниловская дивизія, пробившись черезъ Нахичевань, укрѣпилась за Дономъ въ районѣ Батайска. Во всѣхъ трехъ полкахъ дивизіи осталось всего 415 офицеровъ и 1663 штыка. Къ нимъ вскорѣ присоединился 4-ый Корниловскій полкъ, сформированный въ городѣ Азовѣ поручикомъ Дашкевичемъ изъ запаснаго батальона 1-го полка. Составъ 4-го полка былъ преимущественно изъ шахтеровъ Донецкаго бассейна.

Несмотря на тысячеверстный отходъ отъ Орла въ невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ — физическихъ и моральныхъ, Корниловцы не утеряли своего воинскаго духа, и воля ихъ къ борьбѣ не ослабѣла. Вернулась боеспособность и къ донскимъ казакамъ. 1-ая конная армія Буденнаго совмѣстно съ 8-ой конной 6-го января 1920 г. овладѣла, было, станицей Ольгинской, вытѣснивъ оттуда Донцовъ, и уже повела наступленіе на Батайскъ, какъ подоспѣвшій конный корпусъ Топоркова ударилъ во флангъ Буденнаго,Донцы тоже перешли въ наступленіе, и вся совѣтская конница была опрокинута.

Безуспѣшны были и всѣ послѣдующія лобовыя атаки красной пѣхоты на Батайскъ. Во время одной такой атаки былъ дважды раненъ въ ногу командиръ 1-го Корниловскаго полка полковникъ Гордіенко, и во временное командованіе полкомъ вступилъ штабсъ-капитанъ Челядиновъ. Въ тотъ же день былъ раненъ и Челядиновъ, и его замѣнилъ поручикъ Дашкевичъ, а 4-ый Корниловскій полкъ принялъ штабсъ-капитанъ Филипскій.

Полтора мѣсяца красные пытались прорваться черезъ

Донъ и не могли, а въ первыхъ числахъ февраля Добровольческій корпусъ генерала Кутепова самъ перешелъ въ наступленіе, Корниловская дивизія была сосредоточена западнѣе Ростова въ станицѣ Койсугъ. 6-го февраля въ морозную ночь Корниловцы спустились на замерзшій Донъ и по густымъ зарослямъ почернѣвшаго тростника пошли внизъ по теченію Дона. Сѣверный вѣтеръ относилъ отъ праваго берега шуршанье тростника и скрипъ снѣга подъ ногами. Подъ станицей Гниловской Корниловцы пересѣкли Донъ и подошли къ высокому обрывистому берегу. Стали на него взбираться; лошади скользили, падали; круча въ темнотѣ казалась безконечной. На разсвѣтѣ, когда уже окружали станицу, Корниловцы нашли двѣ брошенныя бочки съ керосиномъ. Всѣ бросились протирать керосиномъ свои винтовки и пулеметы, такъ какъ отъ мороза затворы не дѣйствовали. 1-ый Корниловскій полкъ безъ боя захватилъ Гниловскую и забралъ въ плѣнъ Бахчисарайскій полкъ имени Ленина со всѣми его орудіями и пулеметами, а 2-ой и 4-ой полки двинулись прямо на Ростовъ.

Красные повели наступленіе изъ Таганрога и одновременно изъ Ростова. 1-ый полкъ разметалъ Таганрогскую группу красныхъ, а 2-ой и 4-ый полки къ вечеру 7-го февраля уже овладѣли половиной города Ростова. 8-го февраля къ Ростову подошелъ 1-ый полкъ, и снова начался уличный бой. Орудіями и пулеметами приходилось расчищать одинъ кварталъ за другимъ, и, наконецъ, Ростовъ и Нахичевань были взяты.

8-ая совѣтская армія была разбита.

Трофеи однихъ Корниловцевъ были: 13 орудій, 74 пулемета, 3 бронепоѣзда и до тысячи плѣнныхъ. Сами Корниловцы потеряли около трехсотъ человѣкъ. Въ числѣ раненыхъ былъ капитанъ Дашкевичъ. Въ командованіе 1-мъ полкомъ вступилъ штабсъ-капитанъ Ширковскій.

Со взятіемъ Ростова дорога въ Донецкій бассейнъ и на Харьковъ была снова открыта. Красная пѣхота никакъ не ожидала, что «разбитые бѣлогвардейцы» могутъ снова наносить такіе удары. Истощенная еще до этого пораженія предшествующими боями, большими переходами и сыпнымъ тифомъ, она не выдержала бы новаго нажима, но

развивать свой успѣхъ Добровольческому корпусу было не съ кѣмъ — казаки снова съ каждымъ днемъ стали терять свою боеспособность. Кромѣ того, красное командованіе, видя полную невозможность прорваться на Кубань черезъ добровольцевъ, перебросила свою конницу въ верховья Маныча на Тихорѣцкое направленіе, гдѣ была сосредоточена Кубанская армія.

Кубанцы при первомъ же натискѣ красныхъ стали распыляться, и красная конница вышла съ востока глубоко въ тылъ Добровольческому корпусу. Безо всякаго прямого давленія со стороны противника Ростовъ пришлось оставить. Корниловцы отошли за Донъ снова въ Койсугъ.

8-ая совѣтская армія, ободренная такимъ неожиданнымъ успѣхомъ, всѣми своими оставшимися силами, пѣшими и конными, атаковали Корниловцевъ. Завязался упорный бой. Къ вечеру противникъ былъ отброшенъ за Донъ, но понесли большія потери и Корниловцы, особенно пострадалъ 4-ый полкъ.

Послѣ этого боя опять, какъ и въ прошлые разы, Корниловская дивизія получила приказъ повернуть назадъ и отойти уже за Батайскъ. Съ этого дня начался отходъ Корниловцевъ на Новороссійскъ—красная конница все глубже и глубже заходила въ тылъ Добровольческому корпусу, Кубанскіе полки не только расходились по домамъ, но и переходили къ краснымъ со своими штандартами и трубачами.

Всѣ дороги на Новороссійскъ были забиты. Десятки тысячъ донскихъ казаковъ, хотя и бросившихъ воевать, но еще сохранявшихъ воинскій строй, уходили въ полномъ вооруженіи. Усталость и безразличіе овладѣли казаками, они стали равнодушны даже къ судьбамъ своихъ родныхъ станицъ.

Среди казаковъ шли толпы бѣженцевъ изъ городовъ, селъ и станицъ. За ними тащились вереницы повозокъ, нагруженныхъ всякимъ скарбомъ. Калмыки со своими женами и дѣтьми гнали стада быковъ, овецъ. Исходъ русскихъ людей напоминалъ библейскія времена.

Всѣхъ этихъ бездомныхъ и безпріютныхъ прикрывалъ собою Добровольческій корпусъ. Сражаться добро-

вольцамъ было теперь несравненно тяжелѣе, чѣмъ даже въ первые дни Кубанскаго похода. Тогда была вѣра, а теперь остался только одинъ суровый долгъ воина. Во имя этого долга Корниловцы не только отбивались отъ красныхъ, но, чтобы выиграть время для погрузки на корабли всѣхъ бѣженцевъ, сами переходили въ контръ-атаки. Корниловцы покидали свои позиціи только по приказу свыше. Въ станицѣ Шкуринской 4-ый полкъ былъ почти уничтоженъ и уже больше не возродился.

3-го марта Корниловцамъ было приказано занять станицу Полтавскую и пропустить мимо себя всю колонну Добровольческаго корпуса со всѣми его обозами. Только что Корниловцы расположились на привалъ въ этой станицѣ, какъ конница красныхъ налетѣла на нихъ.

— Въ ружье! — покатилась команда по станицѣ.

Топотъ коней, крики, удары шашекъ, выстрѣлы смѣшались въ одинъ яростный гулъ. Падали кони, люди. Залпы винтовокъ становились все чаще и чаще. Корниловцы уже сами атаковали кавалеристовъ. Наконецъ, торжествующее «ура», и красная кавалерія умчалась.

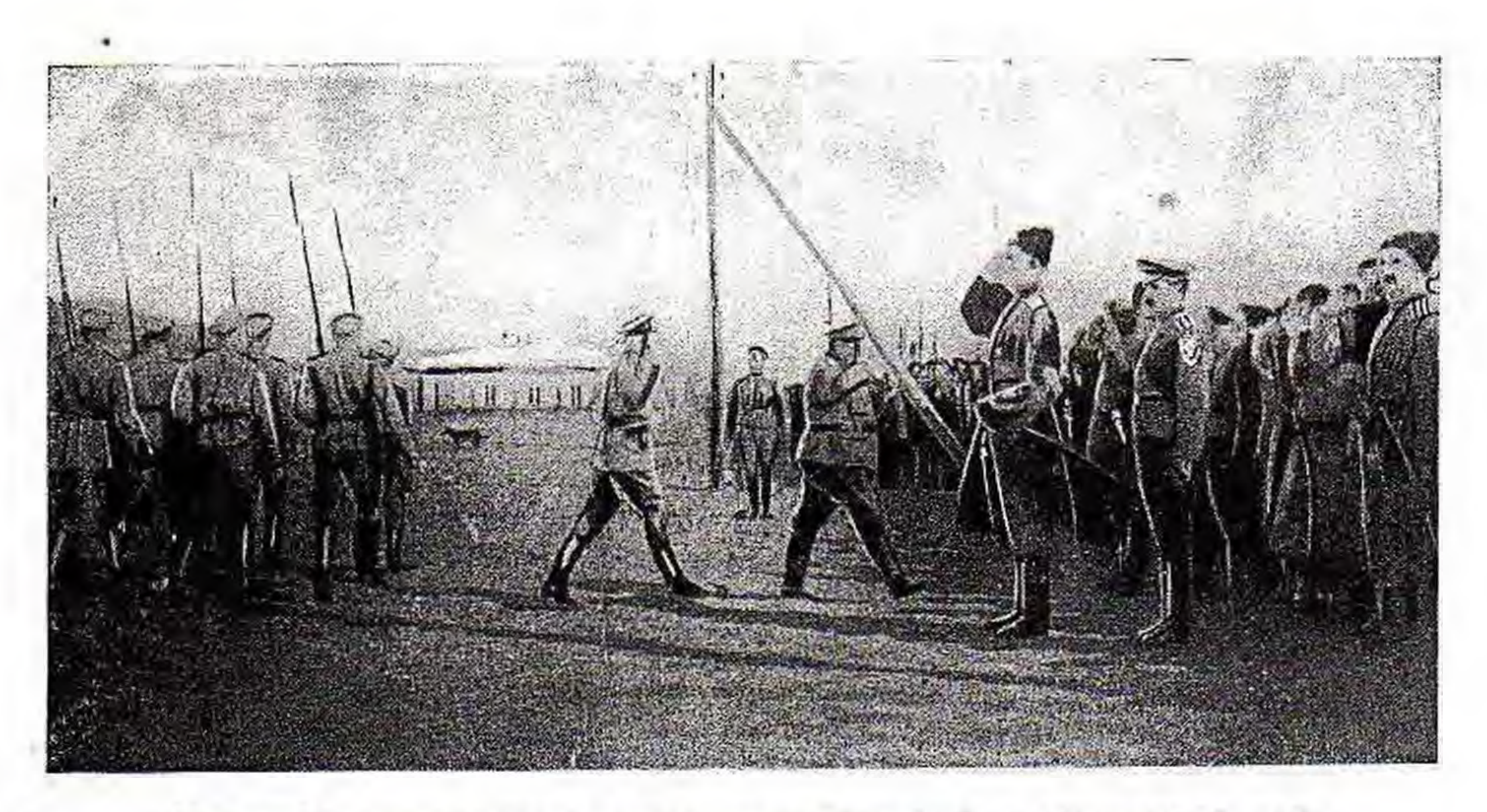
2-ой батальонъ 1-го Корниловскаго полка захватилъ знамя 96-го Кубанскаго кавалерійскаго полка.

13 марта Корниловская дивизія подошла къ Новороссійску. 3-ій батальонъ 1-го Корниловскаго полка получилъ приказаніе сдерживать противника па подступахъ Новороссійска, пока всѣ части арміи не погрузятся на пароходы.

3-ій батальонъ разсыпался по холмамъ. Завязалась перестрѣлка, то вспыхивая, то затихая. Одинъ полкъ за другимъ проходилъ по дорогѣ сзади Корниловцевъ и скрывался въ Новороссійскѣ. На душѣ у Корниловцевъ подымалась муть: неужели насъ забудутъ? Томительные часы тянулись до вечера, когда, наконецъ, пришло приказаніе оставить позицію и спѣшно итти на погрузку. Батальонъ свернулся въ колонну и двинулся. Незабываемый путь... Пушки, танки, пулеметы, повозки, сундуки, чемоданы устилали дорогу. Около нихъ шмыгали «зеленые» и, какъ шакалы, разбѣгались по кустарникамъ. Весь желѣзнодорожный путь былъ сплошь заставленъ вагона-

Генералъ ВРАНГЕЛЬ.

На ст. Харцискъ парадъ резервному баталіону и офицерской ротѣ Корниловскаго уд. полка 20 апрѣля 1919 г. Непосредственно съ парада части пошли въ бой.

Полковникъ ЩЕГЛОВЪ.

ми, нѣкоторые изъ нихъ вздыбились, какъ быки въ стадѣ. Невиданными чудищами подъ откосами застыли опрокинутые паровозы.

Заревомъ, какъ багрянымъ закатомъ, пылало все небо надъ Новороссійскомъ. Горѣли громадные интендантскіе и артиллерійскіе склады. Съ грохотомъ огненные смерчи вздымались къ небу.

Улицы Новороссійска были запружены народомъ, лошадьми. Изъ одной повозки со сломленными оглоблями и безъ лошади непрестанно раздавался крикъ:

— Братцы, не дайте погибнуть! возьмите меня! я раненый, самъ двигаться не могу... Охъ больно, осторожнѣе, не толкайте моей повозки...

Увидѣвъ Корниловцевъ, раненый взмолился къ нимъ... Безуспѣшно...

— Сестрица, сестрица, спасите хоть вы меня, — закричалъ раненый корниловской сестрѣ милосердія.

Сестра протиснулась къ раненому, что то ему сказала и бросилась догонять свой батальонъ. Черезъ нѣсколько минутъ подошедшіе Корниловцы на винтовкахъ вынесли раненаго.

Около пристани ровными рядами въ строю стояли донскіе кони — одни безъ всадниковъ. Другіе кони забрели въ море, наклонили свои головы къ водѣ, отфыркивались и сердито били передними ногами. Гдѣ-то громко ржали заводскіе жеребцы.

Съ плачемъ и криками метались женщины, отыскивая своихъ мужей и дѣтей, затерявшихся въ тысячной толпѣ.

Офицеры, солдаты, казаки съ мола бросали въ море пулеметы, сѣдла, ящики...

Все время подъѣзжали всадники. Одинъ быстро соскочилъ съ сѣдла, обнялъ коня за шею, прижался къ головѣ и въ то же время выстрѣлилъ въ ухо своего боевого друга...

Около мостковъ вплотную сгрудились люди. Зычные голоса наводили порядокъ. Непокорныхъ тутъ же застрѣливали и бросали трупы въ бухту...

Въ ночь на 14 марта Корниловская дивизія была погружена на пароходъ «Генералъ Корниловъ».

XXIV.

ПЕРЕБРОСКА ВЪ КРЫМЪ.

Пароходы съ остатками «Вооруженныхъ силъ Юга Россіи» поплыли въ Крымъ, гдѣ еще держался пятитысячный корпусъ добровольцевъ подъ командой генерала Слащова. Когда пароходъ съ Корниловской дивизіей причалилъ въ Ѳеодосіи къ пристани, Корниловцамъ сразу бросилась въ глаза стоявшая среди толпы грузная фигура генерала Май-Маевскаго въ Корниловской формѣ. Уволенный въ отставку генералъ доживалъ свои дни въ Крыму.

— Здравствуйте, мои родные Корниловцы, — донеслось до нихъ.

Моментально былъ вызванъ оркестръ, и въ честь генерала раздался Корниловскій маршъ. Растроганный Май-Маевскій заплакалъ.

Въ Ѳеодосіи Корниловскую дивизію было приказано выгрузить въ Севастополѣ. Севастополь поразилъ Корниловцевъ. Пристань, садъ и главныя улицы были полны дамами въ весеннихъ туалетахъ, прекрасно одѣтыми мужчинами и блестящими офицерами тыловыхъ учрежденій. Ужасная война здѣсь совсѣмъ не чувствовалась, веселая жизнь била ключомъ, и казалось, что никому нѣтъ никакого дѣла до разыгравшейся два дня тому назадъ Новороссійской катастрофы. Враждебное чувство подымалось противъ всѣхъ этихъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ было стыдно показаться имъ въ своей замызганной обтрепанной формѣ...

Корниловскую дивизію погрузили въ эшелоны и отправили въ Симферополь, гдѣ стоялъ штабъ генерала Кутепова.

Въ городѣ Корниловцы узнали всякія новости. Сооб-

щали по секрету, что командиры всѣхъ полковъ черезъ генерала Кутепова предъявили Деникину ультиматумъ — удалить съ должности начальника штаба Ставки генерала Романовскаго — «злого генія арміи». Передавали, что казачьи атаманы еще до Новороссійской эвакуаціи хотѣли арестовать самого Деникина, и заговоръ не удался только потому, что не могли сговориться на кандидатурѣ новаго Главнокомандующаго. Мѣстные жители разсказывали, что всѣ «крайніе правые» во главѣ съ епископомъ Веніаминомъ ведутъ усиленную агитацію за генерала Врангеля. Слухи ходили самые фантастическіе, но толкомъ никто ничего не зналъ. Начальники молчали, все время собирались, совѣщались и куда-то ѣздили.

Наконецъ, по Корниловской дивизіи 24-го марта былъ объявленъ приказъ генерала Деникина о передачѣ имъ власти и командованія генералу барону Врангелю. Смута въ умахъ кончилась.

Спокойно отнеслись Корниловцы къ переименованію Врангелемъ «Вооруженныхъ силъ Юга Россіи» въ «Русскую армію» и съ грустью приняли новость, что «Добровольческій корпусъ» отнынѣ 1-й армейскій корпусъ. «Добровольчество» стало непріемлемымъ.

Никакихъ измѣненій въ командномъ составѣ Корниловской дивизіи не произошло, наоборотъ, новымъ Главнокомандующимъ было сразу оказано вниманіе Корниловцамъ: 26-го марта начальникъ Корниловской дивизіи полковникъ Скоблинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а его начальникъ штаба капитанъ Капнинъ — въ полковники.

Въ тотъ же день Врангель пріѣхалъ въ Симферополь, лично поздравилъ Скоблина съ производствомъ и принялъ парадъ Корниловской и Марковской дивизій.

Въ Симферополѣ генералъ Кутеповъ со всей своей энергіей приводилъ въ порядокъ войска и обуздывалъ всѣхъ тѣхъ, кто во время бѣдствія потерялъ чувство долга и чести.

Еще до ухода Деникина со своего поста Кутеповъ издалъ приказъ отъ 19-го марта, въ которомъ писалъ, что виновные въ малѣйшемъ насиліи надъ личностью и соб-

ственностью граждан будутъ немедленно предаваться военно-полевому суду. «Съ просьбами о помилованіи по такимъ дѣламъ обращаться ко мнѣ запрещаю, несмотря ни на служебное положеніе, ни на прошлыя боевыя заслуги», — такъ заканчивался этотъ приказъ.

Очень скоро были приговорены къ разстрѣлу два солдата за кражу поросятъ, а три офицера за конокрадство.

Получивъ пополненіе людьми, лошадьми и матеріальной частью. Корниловская дивизія изъ Симферополя выступила въ походъ и 10- го апрѣля прибыла въ Армянскій Базаръ.

Въ дивизіи въ это время состояли слѣдующія части:

1. Управленіе дивизіи.
2. 1-й Корниловскій ударный полкъ.
3. 2-й Корниловскій ударный полкъ.
4. 3-ій Корниловскій ударный полкъ.
5. Корниловская артиллерійская бригада изъ шести батарей.
6. Корниловскій отдѣльный конный дивизіонъ.
7. Корниловская отдѣльная инженерная рота.
8. Управленіе дивизіоннаго интенданта.
9. Перевязочный отрядъ дивизіи.

Кромѣ того Корниловской дивизіи были приданы:

1. 1-ый отдѣльный тяжелый артиллерійскій дивизіонъ.
2. 1-ый и 2-ой отрядъ танковъ.
3. 4-ый отрядъ бронеавтомобильнаго дивизіона.

Во главѣ 1-го и 2-го полка оставались прежніе командиры — полковникъ Гордіенко и капитанъ Пашкевичъ, произведенный въ полковники; 3-мъ полкомъ послѣ убитаго на Дону капитана Франца командовалъ полковникъ Щегловъ — кадровый офицеръ. Несмотря на свое худощавое трагическое лицо съ глубоко сидящими глазами, былъ веселый жизнерадостный человѣкъ съ открытой душой. При всякой тяжелой обстановкѣ подходилъ къ своимъ офицерамъ и солдатамъ и утѣшалъ:

— Ничего, ничего, все пройдетъ...

Въ бой Щегловъ бросался, очертя голову, разъѣзжая

верхомъ вдоль своей цѣпи, всегда расчитывалъ на побѣду, но часто терпѣлъ пораженія. Былъ къ тому же поэтъ и любилъ писать экспромты.

Среди сохранившихся официальныхъ полковыхъ документовъ и рапортовъ есть одинъ листокъ изъ полевой книжки со стихотвореніемъ Щеглова, написаннымъ по такому случаю:

У Щеглова былъ большой пріятель полковникъ Пухъ — старый Корниловецъ-первопоходникъ, въ которомъ жизнь тоже била ключомъ: веселые черные глаза и ослѣпительно бѣлые зубы постоянно сверкали на его вѣчно смѣющемся смугломъ лицѣ. Въ Тавріи подъ Никополемъ у села Знаменки Пухъ командовалъ сводным отрядомъ и срочно послалъ Щеглову просьбу о присылкѣ ему на помощь всѣхъ конныхъ, имѣвшихся въ 3-мъ полку. Пухъ немедленно получилъ такой отвѣтъ:

«Полковнику Пухъ.

Пухъ! Просишь Ты конныхъ — ихъ нѣтъ у меня,
Несчастныхъ коней измотали
Въ бою до того, что поѣвъ ячменя,
И нынѣ бодрѣе не стали.

Счастливъ Ты, что въ Знаменкѣ кротко сидѣлъ,
Объ отзывѣ грезы лелѣя,
И не былъ вчерашнимъ участникомъ дѣлъ...
Не рыпайся — будешь цѣлѣе.

А дальше, послушай, тебѣ я спою,
Вчера, что случилося съ нами,
Чуть-чуть, было, грѣшную душу мою
Не вспомнили нынѣ блинами.

Вчера изъ Рогачика еле утекъ,
Во всю отбиваясь пѣхотой.
Какъ вспомню про это, то сердце екъ-екъ,
И ажъ отрыгнется тошнотой.

Но полно смѣяться: растаялъ мой полкъ,
Рогачикъ вчера атакуя.
Сижу въ Ольгофельдѣ и я старый волкъ,
Объятія Музы смакуя...

Пишу тебѣ рифмы, любезный мой Пухъ,
Другъ боя и винной бутылки.
Читай и, стихами чаруя свой слухъ,
Не жди, милый, конныхъ присылки.

А въ общемъ — цѣлую, будь крѣпокъ, здоровъ,
Всегда Твой до гроба полковникъ Щегловъ.
15-X — 20 г. 2 час. Кол. Ольгофельдъ.

Полковникъ Щегловъ 7 октября 1930 г. скончался въ Парижѣ отъ туберкулеза.

. . . .

Вслѣдъ за Корниловской дивизіей въ Армянскій Базаръ была прислана 1-ая морская отдѣльная бригада изъ трехъ батальоновъ, которые были влиты въ 1-ый и 2-ой Корниловскіе полки. Лучшаго пополненія не могло быть: офицеры и солдаты были старой выправки и прекрасно воевали. Во время одной атаки,на проволочныхъ загражденіяхъ подъ Каховкой погибъ командиръ одного изъ влившихся батальоновъ полковникъ Тарасевичъ.

Въ Армянскомъ Базарѣ Корниловскую дивизію вторично навѣстилъ генералъ Врангель. Передъ фронтомъ онъ произнесъ рѣчь, въ которой сообщилъ, что англичане предложили Русской Арміи свое посредничество для заключенія мира съ большевиками, а въ случаѣ отказа Арміи отъ этого посредничества, англичане заявили, что оставятъ ее безо всякой поддержки.

— У насъ остается, — закончилъ Врангель, — одна надежда — на свои собственныя силы. Держитесь, орлы, держитесь.

19-го апрѣля Корниловская дивизія стала на позицію, занявъ Перекопскій валъ, пересѣкающій весь Крымскій перешеекъ глубокимъ рвомъ съ отвѣсной каменной стѣной въ сторону Крыма и противоположнымъ покатымъ скатомъ. Во времена Крымскаго ханства ровъ наполнялся водой и служилъ неприступной преградой отъ набѣговъ запорожцевъ. Этотъ ровъ теперь раздѣлялъ два непримиримыхъ русскихъ стана.

XXV.

КОНЦЕРТЪ НА ПЕРЕКОПѢ

Больше мѣсяца просидѣли Корниловцы на Перекопскомъ валу. Разстояніе до противника было около тысячи шаговъ, ружейной и пулеметной стрѣльбы почти не было. Вели пристрѣлку только батареи. Тянулись скучные и нудные дни. Питались мелкой рыбешкой — камсой съ какими то приправами. Отъ скверной воды начались желудочныя заболѣванія, стали хворать и цынгой. Заболѣлъ брюшнымъ тифомъ генералъ Скоблинъ, только что передъ этимъ назначенный командующимъ войсками Перекопской группы. Скоблина увезли въ Симферополь.

Корниловцы развлекались игрой въ городки, да изрѣдка ѣздили въ Армянскъ, гдѣ можно было узнать штабныя новости и посидѣть въ турецкихъ кофейняхъ за стаканомъ мутнаго чая. Хороша была только весенняя степь, усыпанная цвѣтами. Трепещущими комочками въ синихъ небесахъ пѣли жаворонки, нѣжно перекликались перепела, шныряли суслики.

Однажды, во 2-мъ полку всѣ съ волненіемъ прочитали приказъ: «Сегодня, когда стемнѣетъ, состоится во рву, на участкѣ Офицерскаго батальона, концертъ Н. В. Плевицкой. Чинамъ полка, свободнымъ отъ нарядовъ и службы, прибыть въ строю и занять отведенныя мѣста».

Закипѣла работа. Во рву около отвѣсной стѣны соорудили эстраду, разукрасили ее гирляндами изъ полевыхъ цвѣтовъ, въ Армянскѣ раздобыли піанино. Передъ эстрадой поставили скамьи для начальства и гостей.

Наконецъ, стемнѣло. Всѣ роты потянулись на лѣвый флангъ полкового участка. На мѣстахъ остались дежур-

ныя части да сторожевое охраненіе. Пришли гости — офицеры сосѣднихъ полковъ, артиллеристы, моряки. Корниловцы разсѣлись по скату. Вся эстрада и ровъ были залиты луннымъ свѣтомъ. Глухо доносился прибой.

— Встать, смирно, господа офицеры! — раздалась команда.

Показался командиръ полка полковникъ Пашкевичъ, рядомъ съ нимъ Плевицкая. Оркестръ заигралъ встрѣчу.

Точно въ привычномъ концертномъ залѣ спокойнымъ голосомъ запѣла артистка. Пѣснь разносилась по рву и уснувшей степи. Родные напѣвы колыхали въ душѣ потускнѣвшіе образы, вставалъ дорогой ликъ утерянной Россіи... «Занесло тебя снѣгомъ, Россія...».

Аплодисментами, криками бисъ кончалась каждая пѣснь. Послѣ того, какъ Плевицкая спѣла «Ухарь купецъ», и смолкнулъ шумъ одобреній, вдругъ дружное плесканье повторилось какъ эхо во вражескомъ станѣ. Не выдержали сердца и у красноармейцевъ...

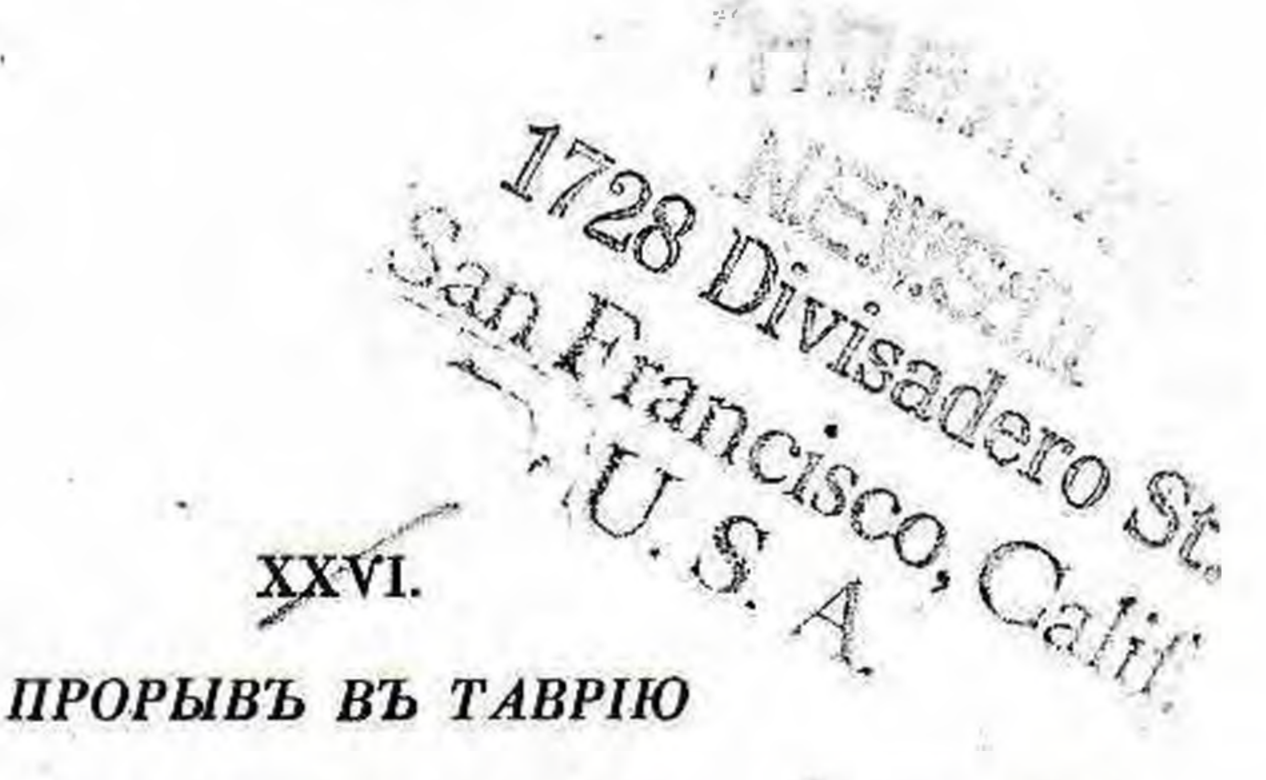
Но когда низкій грудной голосъ зарокоталъ по степи: «Шумѣлъ, гремѣлъ пожаръ московскій, дымъ разстилался по рѣкѣ...», съ грохотомъ и воемъ пронеслись надо рвомъ вражескіе снаряды и разорвались за валомъ. Начался обстрѣлъ.

Концертъ оборвался... Пашкевичъ рѣзкимъ голосомъ прокричалъ:

— Всѣ по своимъ мѣстамъ... Пулеметчики, пулей...

Схватилъ Плевицкую за руку и поспѣшно увелъ ее.

Несмотря на пережитую опасность, Плевицкая вскорѣ еще разъ дала свой концертъ въ Перекопскомъ рву, но уже на участкѣ 1-го Корниловскаго полка.

XXVI.

ПРОРЫВЪ ВЪ ТАВРІЮ

Непосредственное общеніе полководца со своими войсками подымаетъ боеспособность и духъ арміи. Арміи надо чувствовать и осязать своего вождя. Преклоненія передъ неизвѣстнымъ полководцемъ у солдата быть не можетъ. Генералъ Врангель это ясно сознавалъ, и онъ въ скоромъ времени опять пріѣхалъ къ Корниловцамъ. Обходя позиціи, Главнокомандующій обронилъ, что скоро пойдемъ впередъ. Эта вѣсть сразу облетѣла войска, и у всѣхъ стало на душѣ веселѣе. Хотя и чувствовалась своя обреченность, но невольно снова загоралась надежда на освобожденіе Россіи. Многіе думали и такъ: «погибать, такъ съ трескомъ».

24-го мая весь день къ Перекопскому валу подходили резервы, подвозили пушки, танки. Въ ротахъ раздали ручныя гранаты, патроны. Привели въ порядокъ пулеметныя двуколки, осмотрѣли свое оружіе.

Вечеромъ полковые священники служили молебны о дарованіи побѣды. Со строгими сосредоточенными лицами молились Корниловцы. Черезъ нѣсколько часовъ бой... Снова быть на грани жизни и смерти. О себѣ не думалось, лишь бы побѣда... Вѣрующіе и невѣрующіе становились на колѣни.

Въ каждомъ полку былъ объявленъ боевой порядокъ: какимъ батальонамъ наступать въ первой линіи, какимъ во второй. Батальонамъ первой линіи были выданы ракеты для сигнализаціи своимъ батареямъ. Зеленыя ракеты было приказано выпустить изъ непріятельскихъ окоповъ,

красныя на тотъ случай, если батальоны залягутъ передъ проволочными загражденіями.

Въ два часа ночи Корниловскіе полки вышли за Перекопскій валъ и стали занимать исходное положеніе. Въ цѣпяхъ 2-го Корниловскаго полка шли запряжки съ легкими орудіями, и тихо ползли танки. Передъ разсвѣтомъ, когда сгустилась тьма, орудія стали на позицію, танки ускорили ходъ, Корниловцы двинулись за ними. Во всю мочь затрещали моторы, и танки врѣзались въ проволоку. Какъ огромные утюги, они зашныряли вдоль и поперекъ непріятельскихъ загражденій... Загрохотали пушки, ружья, пулеметы. Огненные языки лизали степь, пороховой дымъ крутился бѣлыми клубами. Сзади Корниловцевъ тяжело ухали морскія орудія.

На Перекопскомъ валу стояли наблюдатели. Весь перешеекъ сверкалъ огненными вспышками. Вдругъ взвились яркія струи, и на черномъ небѣ задрожали зеленыя звѣзды. Во вражескіе окопы ворвался капитанъ Померанцевъ со своимъ 2-мъ батальономъ 2-го Корниловскаго полка.

Безъ передышки уже на разсвѣтѣ Корниловцы бросились брать вторую линію окоповъ. Латышская батарея, скрытая въ хуторѣ Спиндіяровка, била съ праваго фланга продольнымъ огнемъ. Корниловцы побѣжали къ батареѣ. Латыши открыли огонь на картечь, но было уже поздно: ихъ окружили, и началась расправа съ ненавистными артиллеристами. Всѣхъ до одного перекололи.

Три латышскихъ полка пытались оказать сопротивленіе за второй линіей окоповъ около экономіи Преображенка, расположенной уже за Крымскимъ перешейкомъ, но 1-ый Корниловскій полкъ разбилъ ихъ на голову, захвативъ легкія и тяжелыя орудія.

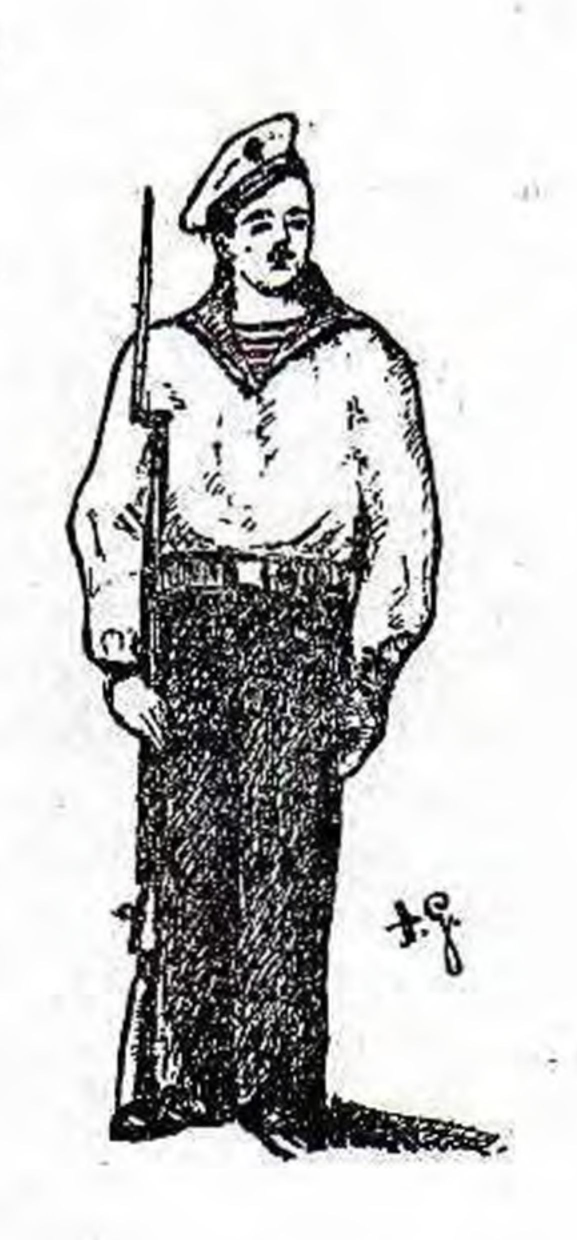
На правомъ участкѣ боя Марковцы съ помощью Дроздовцевъ овладѣли селомъ Перво-Константиновка. Большевики были разбиты на всемъ фронтѣ, потерявъ 62 орудія и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ.

Красная пробка изъ Крымской бутылки была выбита, побѣдоносной струей потекла въ Таврію Русская Армія.

Совѣтскія войска, преслѣдуемыя 1-мъ корпусомъ, от-

ступали къ Днѣпру на Каховку. 30-го мая 1-мъ Корниловскимъ полкомъ Каховка была взята, а противникъ отброшенъ на правый берегъ Днѣпра. Юго-западная часть Тавріи была очищена отъ красныхъ.

Корниловцы, Марковцы и Дроздовцы были награждены Главнокомандующимъ орденскими знаменами Святого Николая, а самъ Главнокомандующій былъ зачисленъ въ списки 1-ой имени генерала Корнилова роты.

XXVII.

РАЗГРОМЪ ЖЛОБЫ

Изъ Каховки Корниловская дивизія была отведена въ корпусной резервъ, но не простояла она на отдыхѣ и одной недѣли, какъ всю дивизію посадили на подводы и повезли въ сторону Мелитополя. Три дня мчались Корниловцы по знойной степи. Пыль забивалась въ глаза, уши, ротъ. Мучила жажда, но командиры полковъ до привала никому не позволяли задерживаться ни на одну минуту. Полковникъ Пашкевичъ передъ каждымъ селомъ или хуторомъ обгонялъ свой полкъ и встрѣчалъ его около околицы.

— Пошелъ, пошелъ! — пресѣкалъ Пашкевичъ всѣ попытки напиться. — Чиновники, не останавливаться...

«Чиновниками» командиръ называлъ пулеметчиковъ за ихъ привилегію ѣздить на пулеметныхъ двуколкахъ при всякихъ походахъ.

Втихомолку подругивая свое начальство, Корниловцы покорялись, и вереницы подводъ снова скрывались въ облакахъ пыли.

На походѣ догналъ Корниловцевъ генералъ Скоблинъ, выздоровѣвшій отъ тифа, и вступилъ въ командованіе дивизіей.

Корниловскую дивизію вмѣстѣ съ другими частями 1-го корпуса перебрасывали съ такой спѣшкой для контръманевра.

Большевики, обезпокоенные неожиданнымъ натискомъ Врангеля и потерей Тавріи, спѣшно пополнили свою разбитую 19-ую армію и подтянули свѣжія части изъ сосѣднихъ 9-ой и 14-ой армій. Кромѣ того въ Таврію была по-

вернута съ пути вся конница Жлобы въ количествѣ восьми тысячъ сабель, предназначенныхъ въ Польшу для развитія наступленія на Варшаву.

Красное командованіе, «чтобы покончить съ бѣлогвардейцами», выработало слѣдующій планъ: произвести демонстративное наступленіе по линіи Днѣпра, а главный ударъ нанести съ сѣвера и востока на Б. Токмакъ и Мелитополь съ тѣмъ чтобы, овладѣвъ этими пунктами, выйти всей конницей Жлобы въ тылъ Русской Арміи и отрѣзать ее отъ Крыма.

Къ 18-му іюня Жлоба, отбросивъ 3-ью Донскую дивизію, подходилъ къ Мелитополю, но Корниловцы и Дроздовцы въ это время уже заняли исходное положеніе для нанесенія въ свою очередь охватывающаго удара противъ Жлобы.

Корниловцы стояли въ нѣмецкихъ колоніяхъ: 1-й полкъ въ колоніи Линденау, 2-й въ Орловъ-Тиге, 3-ій въ Минстербергѣ. Въ ночь на 19-ое 2-му полку было приказано выставить заставы и усиленное сторожевое охраненіе версты на двѣ впереди колоніи, а еще дальше долженъ былъ нести охрану Корниловскій конный дивизіонъ. На сѣверъ отъ колоніи пошли въ засаду двѣ роты 2-го батальона съ пятью пулеметами, на востокъ и югъ — роты отъ 1-го и 3-го батальоновъ.

Выславъ впередъ секреты, роты 2-го батальона густой цѣпью легли за снопами недавно скошеннаго хлѣба. Офицеръ пулеметной команды штабсъ-капитанъ Канелецъ обошелъ цѣпь и выбралъ мѣста для своихъ пулеметовъ. Разставивъ ихъ, онъ завернулся въ бурку и улегся на снопахъ. Ночь была свѣтлая, лунная. Въ полной тишинѣ изрѣдка доносилось тявканье собакъ. Пахло свѣжей соломой и скошенной травой. Одолѣвала дремота.

Канелецъ приказалъ своему подпрапорщику разбудить себя при малѣйшей тревогѣ и заснулъ.

— Господинъ капитанъ, господинъ капитанъ... — разбудилъ Канелеца придушенный голосъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Кавалерія... Посмотрите, вонъ между этими копнами.

Шагахъ въ двухстахъ подъ горкой ясно видны были два всадника. Въ ихъ рукахъ поблескивали шашки. Канелецъ схватился за бинокль, чтобы разобрать, есть ли на всадникахъ погоны. Разглядѣть не удалось: всадники все время вертѣлись на мѣстѣ и, наконецъ, скрылись въ лощинѣ.

— Эхъ, а еще подпрапорщикъ, кавалерію отъ двухъ всадниковъ отличить не сумѣлъ, — посмѣялся Канелецъ и вновь завернулся въ бурку.

— Господинъ капитанъ, опять они, — снова прервалъ дремоту голосъ подпрапорщика.

На тѣхъ же лошадяхъ два всадника стояли уже около лѣваго секрета.

Канелецъ вскочилъ какъ встрепанный и пошелъ къ командиру 5-ой роты.

— Да я уже давно за ними наблюдаю, — сказалъ ротный. — Это не наши конники... Чортъ бы дралъ нашихъ сметанниковъ, вмѣсто того, чтобы маячить, дрыхнуть по теплымъ хатамъ.

Канелецъ сѣлъ съ командиромъ роты на край обрыва надъ какой-то рѣчушкой. Тутъ же вдоль обрыва темными бугорками лежали ударники. Въ предразсвѣтной тишинѣ еще отчетливѣе былъ слышенъ каждый шорохъ.

— Слышите, къ шестой ротѣ секреты бѣгутъ, — проговорилъ командиръ роты.

Канелецъ прислушался и тоже пустился бѣгомъ къ шестой ротѣ. На ходу до него донесся рѣзкій голосъ поручика Маншина: безъ команды не стрѣлять!

Когда Канелецъ подбѣжалъ къ ротѣ, изъ за бугра уже неслась лава красныхъ съ протяжнымъ крикомъ ура-а-а...

— По кавалеріи... батальонъ... — выкрикнулъ поручикъ Маншинъ.

«Ура» наростало, но въ цѣпи Корниловцевъ все та же жуткая и томительная тишина. Спасительнаго продолженія команды еще нѣтъ. Взлохмаченные кони уже близко, но ихъ стремительный бѣгъ слабѣетъ, передніе всадники начинаютъ сдерживать коней и сворачивать въ сторону.

— Часто начинай! — наконецъ, скомандовалъ Манщинъ.

Сразу рванули пулеметы и винтовки. Пригнувшись къ конямъ, кавалеристы унеслись назадъ за бугоръ. Нѣсколько лошадей безъ всадниковъ умчались въ сторону.

Канелецъ пошелъ по цѣпи осматривать пулеметы. Взбудораженные ударники перешептывались. Когда Канелецъ подошелъ къ пятой ротѣ, то всю низину за рѣчушкой уже заволокло туманомъ. Въ напряженной тишинѣ ухо ловило малѣйшій звукъ. Всѣ чувствовали, что въ низинѣ что-то шевелится, двигается. Туманъ колыхался.

Вдругъ впереди колоніи одиноко грянула пушка. Не успѣлъ Канелецъ проговорить — сигналъ къ новой атакѣ, — какъ внизу, подъ самымъ обрывомъ грянуло ура.

Опять затрещали винтовки и пулеметы. Корниловцы стрѣляли наугадъ въ самый туманъ. Командиръ роты нагнулся къ обрыву и закричалъ:

— Дураки, куда вы лѣзете, здѣсь Корниловцы.

Шумъ и крики подъ обрывомъ стихли. Раздавались только стоны и отдѣльные выкрики: «товарищи, не бросайте...». Но въ то же время донеслись выстрѣлы и взрывы ручныхъ гранатъ изъ самаго Орлова.

— Что за чертовщина, — проговорилъ ротный, — неужели красные ворвались въ колонію?

Немедленно отрядили трехъ ударниковъ для выясненія обстановки. Стали ихъ ждать. Уже совсѣмъ разсвѣло, и всѣ увидѣли, что со стороны Орлова приближается какой то человѣкъ и шатается, какъ пьяный. Его подхватили ударники и подвели къ офицерамъ.

Весь окровавленный Корниловецъ задыхаясь, пытался разсказать, что произошло, и какъ его изрубили красные:

— Налетѣла ихъ сила несмѣтная... Какъ ахнутъ меня... Весь полкъ тоже порубили... Кто спасся, тотъ побѣжалъ къ желѣзной дорогѣ на станцію Свѣтлодолинскую...

Взволнованные офицеры стали обсуждать, что теперь дѣлать. Въ головѣ не укладывалась мысль, что твердыня полка — офицерскій батальонъ, остававшійся въ колоніи, могъ быть уничтоженъ, но посланная связь не приходила и, казалось, все подтверждало самыя мрачныя предположенія.

Офицеры рѣшили отходить тоже къ Свѣтлодолинской. Роты двинулись, но у всѣхъ подымался внутренній протестъ: неприлично покидать свои позиціи безо всякаго приказанія или же давленія противника.

— Полубатальонъ стой! — скомандовалъ поручикъ Маншинъ, — всю отвѣтственность беру на себя. До точнаго выясненія обстановки — назадъ на прежнія позиціи.

Только что Корниловцы снова разсыпались въ цѣпь, какъ увидѣли капитана Трошина съ тремя ударниками, посланными для связи. Уже по одному широкому улыбающемуся лицу Трошина всѣмъ стало ясно, что въ колоніи все благополучно.

— Это вѣрно, — разсказывалъ Трошинъ, — подъ самое утро налетѣлъ на насъ цѣлый полкъ кавалеріи, но ни одному всаднику такъ и не удалось пронестись черезъ всю колонію. Какъ мы начали крыть залпами, такъ красные черезъ огороды, дворы сразу смотались. Бросили два своихъ орудія, да и въ плѣнъ мы забрали немало всадниковъ...

Послѣ такой тревожной ночи день прошелъ спокойно, но въ слѣдующую ночь на 20-е іюня Корниловской дивизіи было приказано ночнымъ маршемъ перейти въ колонію Рикенау и дальше на востокъ. Конница Жлобы предшествующими боями съ 3-ей Донской дивизіей оказалась втянутой въ мѣшокъ. Корниловцы должны были его закрыть.

На разсвѣтѣ 1-й Корниловскій полкъ, шедшій въ арьергардѣ, остановился въ Рикенау, а 2-ой и 3-ій полки вмѣстѣ съ начальникомъ дивизіи генераломъ Скоблинымъ двинулись дальше.

Около девяти часовъ утра до Корниловской колонны донеслась съ юга сильная артиллерійская стрѣльба — Жлоба наступалъ на Донцовъ. Скоблинъ немедленно повернулъ полки на югъ и повелъ ихъ на выстрѣлы.

— Какое то подсознательное чувство, что именно здѣсь рѣшится операція, толкнуло меня на этотъ шагъ, — разсказывалъ потомъ Скоблинъ.

Начальникъ дивизіи вмѣстѣ со своимъ полевымъ штабомъ на быстромъ галопѣ обогналъ колонну и вынесся

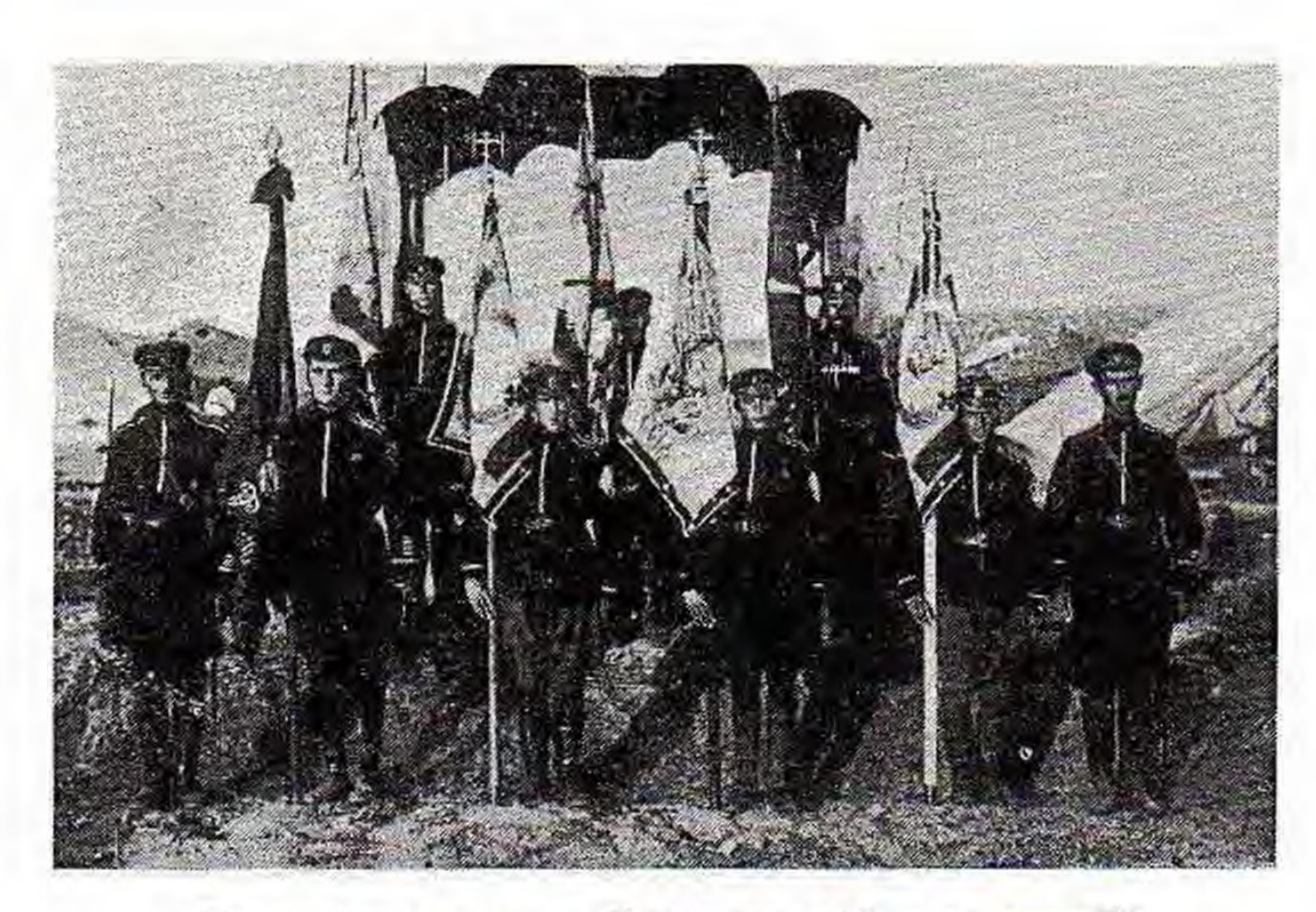
Разгромъ Жлобы 20 іюня 1920 г.

Полковникъ ДАШКЕВИЧЪ.

Капитанъ ФРАНЦЪ.

Знамена полковъ Корниловской уд. дивизіи.

Корниловцы-инвалиды на Шипкѣ. Въ центрѣ о. Николай князь УХТОМСКІЙ.

впередъ на ближайшую горку. Всѣ такъ и ахнули. Въ глубокой лощинѣ около колоніи Лихтфельдъ, правѣе Корниловской дивизіи, стояли построенные «ящиками» чуть ли не всѣ полки Жлобы.

Быстро окинувъ всю мѣстность, Скоблинъ рѣшилъ немедленно атаковать красную конницу.

Все дальнѣйшее развернулось съ молніеносной быстротой. Шестерки коней, одна за другой вылетѣли карьеромъ на позиціи, пушки снялись съ передковъ и по командѣ «бѣглый огонь» запрыгали наперегонки. Броневики врѣзались въ конницу. Въ то же время полковникъ Пашкевичъ со своимъ 2-мъ полкомъ въ сомкнутомъ строю двинулся на колонію Лихтфельдъ. Ошеломленные красные пришли въ себя и подъ прикрытіемъ своего артиллерійскаго огня стали строиться къ атакѣ. Пашкевичъ продолжалъ итти колонной. Подойдя къ противнику на ружейный выстрѣлъ, онъ перестроилъ два батальона и развернутымъ фронтомъ быстрымъ шагомъ пошелъ навстрѣчу несущейся лавѣ. Это такъ ошеломило всадниковъ, что они остановились и поскакали обратно. Вдогонку имъ хлестали пулеметы.

Выскочивъ изъ подъ обстрѣла, красные привели себя въ порядокъ и рѣшили снова атаковать Пашкевича. Теперь на развернутый фронтъ Корниловцевъ были пущены четыре полка, а два полка въ обхватъ ихъ лѣваго фланга. Пашкевичъ, оставивъ два батальона своему замѣстителю, немедленно вызвалъ изъ резерва третій батальонъ и опять самъ повелъ его противъ обходящей колонны красныхъ. Въ то же время на помощь Пашкевичу ринулся бѣгомъ полковникъ Щегловъ съ 3-мъ полкомъ.

Густыя лавы противника поскакали въ атаку. Между всадниками разстилались тройки съ пулеметными тачанками. Топотъ, гиканье, трескъ пулеметовъ неслись навстрѣчу Корниловцамъ. Тѣмъ же шагомъ въ сомкнутомъ строю продолжали итти батальоны, разстрѣливая лавы изъ ручныхъ пулеметовъ. Какъ и въ первый разъ атака пѣхоты на атакующую ее же кавалерію навела ужасъ: лавы красныхъ, не доскакавъ до Корниловцевъ, бросились назадъ и въ

стороны. Красная кавалерія потеряла сердце. Всадники на взмыленныхъ лошадяхъ заметались по жнивью и пахотѣ.

Въ то время, какъ Корниловцы громили Жлобу, два его полка еще наступали на 3-ью Донскую дивизію. Донцы, услышавъ въ тылу противника сильный бой, стали тѣснить красныхъ. Донская артиллерія, своимъ огнемъ преслѣдуя всадниковъ, отступавшихъ къ главнымъ силамъ Жлобы, невольно била и по Корниловцамъ. Цѣлыхъ два часа Корниловцы были подъ перекрестнымъ огнемъ артиллеріи Жлобы и Донцовъ, но такъ и не выпустили изъ мѣшка красную кавалерію. Она, отрѣзанная отъ востока, въ концѣ концовъ отскочила на западъ къ колоніи Лихтфельдъ, а оттуда еще на большомъ аллюрѣ помчалась на сѣверо-востокъ на колонію Рикенау. Въ это время полковникъ Гордіенко бѣглымъ шагомъ шелъ къ колоніи Лихтфельдъ, оставивъ на юго-западной окраинѣ Рикенау офицерскій батальонъ.

Гордіенко еще издали увидѣлъ текущую лавину всадниковъ: она двигалась ему навстрѣчу, но только по дорогамъ лѣвѣе его.

— Третій батальонъ, полуоборотъ вправо наперерѣзъ кавалеріи противника, — скомандовалъ Гордіенко.

Снова увидѣвъ передъ собой точно выросшихъ изъ земли тѣхъ же страшныхъ Корниловцевъ, всадники заметались между батальонами Гордіенко, а тѣ, что успѣли подскакать къ Рикенау, нарвались на офицерскій батальонъ. Отъ ружейныхъ залповъ и бѣглаго огня 1-ой Корниловской батареи полная паника охватила всадниковъ. Въ полномъ безпорядкѣ, несущимся стадомъ, всадники повернули прямо на западъ къ колоніи Тигервейде, а отъ этой колоніи одни поскакали на сѣверъ, а другіе снова на сѣверо-востокъ, но уже въ обходъ Рикенау. На сѣверѣ ихъ встрѣтили четыре бронепоѣзда, Самурскій полкъ и Дроздовцы, а на сѣверо-востокѣ около колоніи Фриденсдорфъ опять Дроздовцы. Тѣ всадники, которые все-таки успѣли проскочить мимо Дроздовцевъ, и тѣ, которые ускакали отъ Донцовъ, были перехвачены съ сѣвера 2-ой Конной дивизіей, а съ юга 2-ой Донской дивизіей.

Конница Жлобы была совершенно разгромлена. Она

потеряла всѣ свои орудія, пулеметы, обозъ. Тысячи всадниковъ и коней, совершенно обезсиленныхъ, попались въ плѣнъ.

Оперативныя сводки отъ 21-го іюня подчеркивали, что «вся тяжесть вчерашняго боя съ группой Жлобы легла на Корниловскую дивизію... Корниловцы первые нанесли Жлобѣ жестокое пораженіе, и лишь благодаря исключительной доблести и сплоченности частей Корниловцамъ самимъ въ первый моментъ боя удалось выйти изъ критическаго положенія».

Но бой, начавшійся 20-го іюня, не кончился однимъ разгромомъ Жлобы. На выручку Жлобы была послана пѣхота. На нее 21-го іюня наткнулся 1-ый Корниловскій полкъ, шедшій въ авангардѣ дивизіи изъ колоніи Рикенау. Полковникъ Гордіенко, не ожидая никакихъ приказаній, немедленно бросился въ атаку, и три совѣтскихъ полка: 376-ой, 377-ой и 378-ой, были смяты. Двѣнадцать верстъ Гордіенко преслѣдовалъ красныхъ и только на ночь остановился въ колоніи Гиршау. Здѣсь онъ узналъ, что въ сосѣдней колоніи Вальдгеймъ сосредоточены еще два совѣтскихъ полка: 520-ый и 521-ый, тоже посланныхъ на поддержку Жлобы. Гордіенко рѣшилъ ликвидировать и эти полки.

Въ ночь съ 21-го на 22-ое Гордіенко, взявъ съ собой всего два батальона, подошелъ на зарѣ къ Вальдгейму и штыковой атакой черезъ полчаса овладѣлъ колоніей. 521-ый полкъ былъ почти уничтоженъ. Однихъ плѣнныхъ Корниловцы взяли 500 человѣкъ, 96 раненыхъ красноармейцевъ были сданы въ мѣстныя больницы и до 100 убитыхъ похоронены въ общей могилѣ.

Изъ Корниловскаго команднаго состава былъ убитъ командиръ штабного эскадрона капитанъ Натусъ.

XXVIII.

БОЛЬШОЙ ТОКМАКЪ

Бой съ отборной конницей Жлобы потребовалъ отъ Корниловцевъ сильнѣйшаго напряженія. Выдержка и самообладаніе даются не такъ легко и нервы требовали отдыха. Корниловцы надѣялись, что послѣ такого нанесеннаго ими удара наступитъ хотя бы временное затишье, но на фронтъ Русской Арміи прибывали все новые и новые красные полки. Они наростали, какъ волны прибоя: разобьется о скалы одна волна, за нею вздымается другая... Опять начались упорные и кровопролитные бои.

Корниловской дивизіи было приказано стать на позиціи отъ колоніи Вальдгеймъ до селенія Нижній Куркулакъ включительно и вести активную оборону города и станціи Большой Токмакъ — важнаго стратегическаго пункта.

Здѣсь въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ изо дня въ день Корниловцы не только отбивались отъ лучшихъ и наиболѣе стойкихъ частей противника, но и наносили имъ короткими ударами громадныя потери. Корниловцы бились съ отдѣльными полками 2-ой Конной арміи и съ шестью совѣтскими дивизіями и бригадой красныхъ курсантовъ. Особо тяжелые бои разыгрались въ Нижнемъ Куркулакѣ, въ Новомъ Мунталѣ и у высоты, отмѣченной на картахъ цифрой 60 18.

28-го іюля 3-ій Корниловскій полкъ, занимавшій Н. Куркулакъ, былъ отозванъ въ резервъ дивизіи. Въ Куркулакѣ остался Корниловскій конный дивизіонъ. Противникъ нѣсколькими полками пѣхоты и кавалеріи съ четырьмя броневыми автомобилями въ тотъ же день вытѣснилъ конный дивизіонъ и занялъ Куркулакъ.

На другой день 3-ій Корниловскій полкъ съ коннымъ дивизіономъ пытались отбить Куркулакъ. Подъ снарядами восьми непріятельскихъ батарей Корниловцы подошли къ Куркулаку. Красные, подпустивъ ихъ на близкую дистанцію, открыли жесточайшій огонь изъ пулеметовъ, тщательно замаскированныхъ въ заборахъ и изгородяхъ. Такого огня Корниловцы не выдержали. Они отступили. Кто пытался поднять раненаго, сваливался съ нимъ рядомъ замертво. Сто восемьдесятъ человѣкъ было выхвачено изъ рядовъ Корниловцевъ, изъ нихъ шестьдесятъ офицеровъ офицерскаго батальона. Красные подобрали раненыхъ, сволокли ихъ въ хату и сожгли.

31-го іюля къ 3-му Корниловскому полку былъ подтянутъ 1-ый полкъ и было приказано вновь атаковать Куркулакъ. 1-ый полкъ долженъ былъ вести атаку съ сѣверо-запада, 3-ій полкъ съ востока, а съ юга на поддержку наступленія былъ посланъ Самурскій полкъ.

3-ій и 4-ый батальоны 1-го полка, продвигаясь къ Куркулаку, наткнулись на густыя цѣпи красноармейцевъ, засѣвшихъ въ окопахъ. Заградительный огонь изъ шестнадцати орудій пресѣкалъ всѣ попытки взять окопы съ налета. Наступленіе батальоновъ пріостановилось. Тогда капитанъ Дашкевичъ, замѣнявшій уѣхавшаго въ отпускъ полковника Гордіенко, приказалъ 2-му батальону атаковать Куркулакъ съ юга — лѣвѣе Самурцевъ, а 3-му и 4-му батальонамъ — «во что бы то ни стало» — сломить сопротивленіе красныхъ. Дыханьемъ смерти всегда вѣетъ отъ этихъ коротенькихъ словъ — «во что бы то ни стало». Получивъ такой приказъ, Корниловцы въ концѣ концовъ прорвались чрезъ огневую завѣсу, овладѣли окопами и, преслѣдуя красныхъ, захватили западную окраину Куркулака. Красноармейцы стали сдаваться. Корниловцы уже сгоняли плѣнныхъ и собирали вражескіе пулеметы, какъ вдругъ съ сѣверной окраины села выскочили три броневыхъ автомобиля, а за ними свѣжіе резервы красныхъ. Броневики открыли пулеметный огонь и начали косить Корниловцевъ. Плѣнные схватили брошенное оружіе и присоединились къ своимъ. Корниловскія роты сразу потеряли почти всѣхъ своихъ офицеровъ и были окружены.

Напрягая последнее усиліе, онѣ все-таки прорвались и въ полномъ безпорядкѣ стали отступать, преслѣдуемыя красными.

Неудача постигла и 2-ой батальонъ, атаковавшій Куркулакъ съ юга. Здѣсь подъ защитой жестокаго артиллерійскаго огня красные сами перешли въ контръ-атаку и отбросили Корниловцевъ. Положеніе создалось угрожающее. Тогда Дашкевичъ, не потерявшій присутствія духа, бросилъ свой послѣдній резервъ — 1-ый батальонъ. Три роты этого батальона подъ начальствомъ подполковника Широковскаго пошли въ атаку на южную окраину Куркулака, а одна рота съ офицерскимъ полубатальономъ и пѣшими развѣдчиками подъ командой очень храбраго поручика Бурьяна устремилась къ западной окраинѣ. На карту была поставлена честь полка, и развѣдчики съ 1-мъ батальономъ ворвались въ селеніе. Но борьба не кончилась. Каждый домъ, подвалъ, заборъ пришлось брать съ боемъ. Повсюду были сдѣланы бойницы, и красные стрѣляли въ упоръ, съ боковъ и тыла. Такого напряженнаго боя Корниловцы еще не испытывали ни разу. Защищались съ такимъ упорствомъ 1-ая Уральская стрѣлковая дивизія, пришедшая изъ Мурмана съ Сѣвернаго фронта, и бригада красныхъ курсантовъ. 1-ый Корниловскій полкъ потерялъ шестьдесятъ одного офицера и сто тридцать ударниковъ — четверть своего состава; всѣ раненые 3-го и 4-го батальоновъ, поневолѣ брошенные при отступленіи, лежали съ размозженными черепами — ихъ побили красные. Двѣсти уральцевъ и курсантовъ, взятыхъ въ плѣнъ, были тутъ же разстрѣляны, остальныхъ триста плѣнныхъ отправили въ тылъ.

Большевики пытались снова овладѣть Куркулакомъ. Они сосредоточили до сорока тяжелыхъ и легкихъ орудій и передъ своими атаками развивали ураганный огонь. Однажды, выпустивъ до двухъ тысячъ снарядовъ, 46-ая совѣтская дивизія шесть разъ подъ рядъ ходила въ атаку, а два полка кавалеріи одновременно наступали во флангъ Корниловцевъ, и всѣ эти атаки разбились о стойкость 1-го и 3-го Корниловскихъ полковъ. Такія упорныя атаки повторились и въ послѣдующіе дни, красные нѣсколько разъ даже захватывали окраины Куркулака, но неизмѣнно были от-

туда выбиваемы. Тогда большевики силой до двухъ тысячъ сабель оттѣснили Донской полкъ, обезпечивавшій лѣвый флангъ Корниловцевъ, и взяли Куркулакъ въ полукольцо. Корниловцы были зажаты съ трехъ сторонъ. Корниловскіе резервы со своими броневыми машинами перебрасывались изъ стороны въ сторону и повсюду возстанавливали положеніе, но большевики продолжали сжимать кольцо. Корниловцы получили приказъ отойти къ югу отъ Куркулака на колонію Старый Мунталь.

Чтобы парализовать успѣхъ красныхъ, генералу Скоблину на другой же день было приказано, подчинивъ себѣ Донскую бригаду генерала Клочкова, овладѣть колоніей Новый Мунталь, расположенной сѣверо - западнѣе Куркулака.

Н. Мунталь занимала красная кавалерія. 1-ый и 2-ой Корниловскіе полки повели наступленіе съ востока и юга, а Донская бригада была пущена въ обходъ колоніи, чтобы отрѣзать краснымъ путь отступленія на сѣверъ въ колонію Гейдельбергъ.

Корниловцы быстро овладѣли Мунталемъ, но къ краснымъ подоспѣли резервы — два пѣхотныхъ полка и интернаціональный батальонъ изъ мадьяръ и спартаковцевъ. Мунталь сталъ переходить изъ рукъ въ руки.

При подготовкѣ четвертой атаки, аэропланы, вылетѣвшіе на помощь Корниловской дивизіи, приняли конницу генерала Клочкова за непріятельскую и со всей своей лихостью стали ее бомбить и разстрѣливать изъ пулеметовъ. Одинъ командиръ полка былъ убитъ, двое другихъ ранены. Былъ тяжело раненъ самъ командиръ бригады генералъ Клочковъ. Смятеніе овладѣло донскими полками. Къ довершенію бѣды красные изо всѣхъ своихъ орудій стали осыпать шрапнелью метавшихся по полю казаковъ. Генералы Скоблинъ и Пешня помчались къ Донцамъ и съ большимъ трудомъ стали приводить ихъ въ порядокъ.

Красные воспользовались общимъ замѣшательствомъ и пошли въ атаку. Ихъ конница поскакала въ обходъ Корниловцевъ, но офицерскій батальонъ ее отбросилъ, а другіе батальоны сами бросились въ атаку. Ударили по краснымъ и казаки. Мунталь былъ взятъ окончательно.

Непрерывные и ожесточенные бои постоянно разыгрывались и около высоты 60.18, господствующей надъ Б. Токмакомъ. На этой высотѣ 15-го іюля, въ день полкового праздника, былъ убитъ командиръ 2-го Корниловскаго полка полковникъ Пашкевичъ. Погибъ онъ изъ-за своей всегдашней рачительности.

Въ тяжкіе боевые дни Пашкевичъ носился по всему фронту своего полка на отбитой у Жлобы мотоциклеткѣ. 15-го іюля съ самаго утра красные повели наступленіе на Б. Токмакъ, стремясь овладѣть колоніей Шензе и высотой 60.18. Выдержаннымъ огнемъ Корниловцевъ при содѣйствіи артиллеріи и бронепоѣздовъ атака была отражена, и красные отступили съ такой поспѣшностью, что не подобрали своихъ раненыхъ. Выстрѣлы стихли, и все замерло въ знойной тишинѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ у противника загрохотали пушки, красные выскочили изъ кукурузы и цѣлой дивизіей повели наступленіе на высоту 60,18. 2-ой батальонъ 2-го Корниловскаго полка сталъ поспѣшно разсыпаться по склонамъ холма, но густыя цѣпи красныхъ уже обходили холмъ. Командиръ батальона полковникъ Ивановъ приказалъ начальнику офицерской пулеметной команды подпоручику Бондарю, какъ можно скорѣе выдвинуть пулеметы во флангъ наступающему противнику. Бондарь побѣжалъ выбирать позиціи для пулеметовъ. Бросился туда, сюда — всѣ мѣста мало подходящи. Красноармейцы уже показались въ тылу Корниловцевъ. Тогда Бондарь вскочилъ въ сѣдло и карьеромъ помчался прямо на цѣпь красныхъ. За нимъ загремѣла тачанка съ тремя пулеметами. Бондарь и тачанка вихремъ промчались сквозь цѣпь ошеломленныхъ красноармейцевъ и скрылись изъ виду. Ошеломлены были и Корниловцы, никто ничего не понималъ, но черезъ нѣсколько мгновеній пулеметы заклокотали сзади красноармейцевъ. Точно невидимая коса прошлась по ихъ рядамъ. Корниловцы, восхищенные такой отвагой своего офицера, вскочили на ноги и со штыками на перевѣсъ ринулись на красныхъ. Толпы красныхъ уже въ полной паникѣ побѣжали назадъ и скрылись далеко подъ холмомъ въ густой кукурузѣ.

На выстрѣлы прикатилъ Пашкевичъ. Ему непремѣнно надо было самому удостовѣриться, насколько далеко былъ отогнанъ противникъ. Пашкевичъ сошелъ съ мотоциклетки и сталъ спускаться съ холма, прошелъ черезъ цѣпь Корниловцевъ, вышелъ къ сторожевому охраненію, постоялъ около него и спустился еще ниже. Изъ кукурузы раздался залпъ, и Пашкевичъ свалился. Скончался онъ на рукахъ сестры милосердія по дорогѣ въ госпиталь.

Въ Корниловскій журналъ боевыхъ дѣйствій отъ 15-го іюля было внесено: «Наступленіе противника было отбито, но дорогой цѣной — палъ смертью храбрыхъ командиръ 2-го Корниловскаго полка полковникъ Пашкевичъ. Потеря не только для Корниловской дивизіи, но и для всей Русской Арміи».

Общія потери Корниловской дивизіи за время боевъ въ раіонѣ Б. Токмака дошли до двухъ тысячъ убитыми и ранеными.

Корниловская дивизія истекала кровью.

XXIX.

КАХОВКА

Въ августѣ атаки красныхъ въ раіонѣ Б. Токмака стали выдыхаться. Послѣднюю сильную атаку они повели изъ Куркулака на Старый Мунталь, подступы къ которому защищалъ 2-ой Корниловскій полкъ. Горячій бой длился два часа, но въ это время Донской корпусъ овладѣлъ колоніей Тифенбрунъ, расположенной къ сѣверу отъ Куркулака, и красные стали стремительно отступать. Ихъ перехватывали казаки. Ближайшій раіонъ къ Токмаку былъ очищенъ отъ красныхъ, и бои перенеслись къ селу Васильевкѣ недалеко отъ города Александровска.

Не такъ благополучно сложилась обстановка на лѣвомъ флангѣ Русской Арміи. Красные подъ прикрытіемъ дальнобойныхъ орудій, поставленныхъ на высотахъ праваго берега Днѣпра, навели понтонный мостъ черезъ Днѣпръ и овладѣли Каховкой. Сюда изъ Бериславля были переброшены три дивизіи — 51-ая, 52-ая и Латышская съ шестью батареями. Укрѣпивъ каховскій тетъ-де-понъ, красные двинулись въ Таврію, оттѣсняя конный корпусъ генерала Барбовича. Они уже заняли село Нижнія Сѣрагозы и создавали угрозу перерѣзать желѣзную дорогу Севастополь-Мелитополь, линію сообщеній Русской Арміи.

Генералъ Кутеповъ, къ этому времени назначенный командующимъ 1-ой арміей, рѣшилъ въ помощь Барбовичу перебросить изъ Б. Токмака всю Корниловскую дивизію.

Черезъ два дня Корниловскіе полки уже были въ одномъ переходѣ до противника. Корниловцамъ была придана 1-ая конная дивизія и два полка 6-ой пѣхотной дивизіи; всѣ

эти части образовали ударную группу подъ общимъ командованіемъ генерала Скоблина.

15-го августа ударная группа получила приказъ перейти въ наступленіе.

«Корниловцы, — писалъ въ своемъ приказѣ Скоблинъ, — положеніе очень серьезное... Только отъ васъ зависитъ, останется ли Русская Армія въ Сѣверной Тавріи или принуждена будетъ ее очистить... Превозмогите усталость и покажите еще разъ, что Корниловская дивизія дѣйствительно ударная дивизія...»

Полки стали готовиться къ бою. 1-мъ Корниловскимъ полкомъ продолжалъ временно командовать капитанъ Дашкевичъ, въ командованіе 2-мъ полкомъ послѣ смерти Пашкевича вступилъ полковникъ Левитовъ, и только въ 3-мъ полку оставался старый командиръ полковникъ Щегловъ.

Дашкевичъ и Левитовъ оба происходили изъ духовнаго званія и до юнкерскаго училища учились въ семинаріи, но по характеру и наружности были совершенно противоположны. Военная служба не вытравила изъ Дашкевича семинарскаго облика: онъ оставался неуклюжимъ, говорилъ на «о» и былъ то, что называется «рубаха-парень». «Миша черный» звали его пріятели. Левитовъ — высокій стройный блондинъ — по отношенію къ себѣ не позволялъ никакихъ вольностей. Былъ строгимъ службистомъ и формалистомъ. Единственное, что поразило сослуживцевъ въ Левитовѣ: онъ никогда не здоровался съ полкомъ такъ, какъ это обычно принято. Не скажетъ: «здорово, братцы» или «здорово ударники», а станетъ передъ фронтомъ и молча поднесетъ руку къ козырьку. Почему такъ странно здоровался Левитовъ, никто не рѣшался его спросить.

Къ часу дня всѣ распоряженія были закончены, и Корниловскіе полки потянулись къ Верхнимъ и Нижнимъ Сѣрогозамъ, откуда было приказано выбить противника. Когда Корниловцы уже стали развертываться въ боевой порядокъ, хлынулъ проливной дождь. Передъ глазами стояла сплошная водяная стѣна, и она скрыла отъ красныхъ приближеніе Корниловцевъ. Ливень прекратился такъ же сразу, какъ начался, но за это время Корниловцы успѣли подойти къ курганамъ и буграмъ, гдѣ укрѣпились красные.

Несмотря на внезапность Корниловской атаки, первый бой подъ Верхними и Нижними Сѣрагозами кончился въ ничью. Красные, хотя и были сбиты со своихъ позицій, но подъ самыми селеніями проявили большую стойкость. Корниловцы къ вечеру отошли въ исходное положеніе. Въ 3-мъ полку былъ раненъ полковникъ Щегловъ, и его замѣнилъ полковникъ Пухъ.

Только со второго дня Корниловцы стали тѣснить красныхъ. Красные отступали, но продолжали отбиваться упорно: каждый разъ на мѣстѣ боя оставались сотни убитыхъ и раненыхъ красноармейцевъ. Большія потери несли и Корниловцы. Когда Корниловская дивизія къ вечеру 20-го августа, послѣ цѣлаго ряда непрерывныхъ атакъ, прижала, наконецъ, красныхъ къ Днѣпру, она была совершенно обезкровлена — въ ней осталось всего около шестисотъ штыковъ. Тѣмъ не менѣе ударной группѣ Скоблина было приказано безъ всякой передышки не только отбросить красныхъ за Днѣпръ, но и взять городъ Бериславль, висящій по ту сторону Днѣпра надъ Каховкой.

Генералъ Скоблинъ въ отвѣтъ на это приказаніе немедленно послалъ донесеніе, помѣченное 20-мъ августа, 23 часа 40 минутъ, въ которомъ писалъ:

«Отъ самыхъ Сѣрагозъ мы били красныхъ исключительно благодаря Корниловской дивизіи. На своихъ плечахъ она вывозила всѣ тяготы и дралась за всѣхъ. Теперь послѣ семидневныхъ непрерывныхъ боевъ Корниловская дивизія уменьшилась на двѣ трети, выбылъ изъ строя и почти весь командный составъ. Люди изнурены до того, что не въ состояніи двигаться.

«Артиллерія своей блестящей работой неустанно помогала Корниловцамъ, но у нея осталось очень мало снарядовъ — не болѣе сорока на орудіе. Несмотря на всѣ мои просьбы, снарядовъ не присылаютъ. Очевидно, инспекторъ артиллеріи не понимаетъ, что при подавляющемъ превосходствѣ силъ противника наше небольшое количество штыковъ можетъ быть возмѣщено только огнемъ артиллеріи.

«Только противъ моей группы не менѣе семи-восьми тысячъ красныхъ. Ихъ убыль пополняется непрестанно,

тогда какъ мы не получили ни одного человѣка пополненія.

«И доблесть Корниловцевъ имѣетъ предѣлъ. Разъ приказано, они идутъ на вѣрную смерть, но сейчасъ, въ данный моментъ, атаковать Каховку не могу. Въ крайнемъ случаѣ, Ваше приказаніе объ атакѣ могу начать приводить въ исполненіе только въ четыре часа (21-го августа), но что изъ этого выйдетъ, не знаю....

«Если атаку отложатъ на завтра, то, чтобы облегчить бой и уменьшить потери, прошу Вашего ходатайства передъ комкоромъ II *) о слѣдующемъ: во-первыхъ послать аэропланы для непрерывной бомбардировки батарей противника и всѣхъ мостовъ, а во-вторыхъ, доставить къ полудню не менѣе двухъ тысячъ снарядовъ...»

Черезъ двадцать минутъ, въ 12 часовъ ночи, генералъ Скоблинъ получилъ такое приказаніе:

«Приказываю въ четыре часа (21-го августа) атаковать Любимовку (село восточнѣе Каховки) и безостановочно развивать успѣхъ на Каховку, подготовляя выдѣленіе одной дивизіи для занятія Бериславля тотчасъ послѣ взятія Каховки. Дивизію направить по понтонному мосту. Вашъ правый флангъ и тылъ будетъ обезпечивать конница генерала Татаркина, которая сосредотачивается въ Софіевкѣ... Генералъ-лейтенантъ Барбовичъ».

Къ четыремъ часамъ ночи Корниловцы подходили къ Любимовкѣ. Они еще были верстахъ въ трехъ отъ укрѣпленной полосы, какъ 2-ой корпусъ началъ атаку западныхъ укрѣпленій каховскаго плацдарма. Красные всполошились на всемъ фронтѣ, и неожиданность Корниловскаго удара была сорвана. Когда Корниловцы развернулись для атаки, впереди сразу засверкала непрерывная лента огней. Разрывы снарядовъ, вой осколковъ, свистъ пуль въ темнотѣ страшнѣе, чѣмъ днемъ. Все-таки Корниловцы подбѣжали къ проволочнымъ загражденіямъ. Ножницъ не было. Стали бить по проволокѣ прикладами, рвать ее руками.

---

*) Т. е. передъ командиромъ 2-го корпуса генераломъ Витковскимъ, которому была подчинена вся Каховская группа.

Изъ окоповъ полетѣли ручныя и зажигательныя гранаты. 1-ый полкъ залегъ подъ проволокой.

2-му полку удалось прорваться черезъ проволоку. Съ крикомъ «ура» онъ бросился къ окопамъ, но захлебнулся въ свинцовомъ потокѣ. 2-ой полкъ пытался атаковать еще два раза и, совершенно обезсиленный, свалился между проволокой.

Въ пять часовъ ночи Корниловцы выбрались изъ проволоки и отошли назадъ за бугры. Жутко было глядѣть на измученныя, осунувшіяся лица. Глаза были воспалены, руки сочились кровью, одежда висѣла клочьями. Во 2-мъ полку осталось сто штыковъ, въ 1-мъ около ста пятидесяти. Тремя пулями въ животъ былъ раненъ капитанъ Дашкевичъ. На его мѣсто сталъ подполковникъ Челядиновъ.

Атака Каховки съ налета не удалась. Послѣ длительныхъ переговоровъ между штабами было рѣшено произвести перегруппировку и, сосредоточивъ большую часть пѣхоты на западной сторонѣ каховскаго тетъ-де-пона, снова атаковать красныхъ. Атака была назначена на 23-е августа въ два часа ночи.

На лѣвомъ флангѣ всей атакующей группы 13-я и 34-я пѣхотныя дивизіи получили задачу взять хуторъ Терны — опорный пунктъ каховскаго тетъ-де-пона — и Малую Каховку. На правомъ флангѣ 6-ая пѣхотная дивизія и спѣшенная 2-ая конная, наступая на Любимовку, должны были привлечь на себя все вниманіе противника. Въ центрѣ — вдоль дороги изъ Чаплинки на Каховку — была поставлена Корниловская дивизія. Ей было приказано прорвать фронтъ красныхъ и овладѣть Каховкой.

Въ авангардѣ Корниловской дивизіи пошелъ 3-ій полкъ съ тремя танками и двумя броневыми автомобилями, непосредственно за 3-мъ полкомъ — запасный корниловскій батальонъ, затѣмъ 1-ый полкъ и 2-ой.

Танки быстро прорвали четыре ряда проволочныхъ загражденій, и Корниловцы ворвались въ окопы. Выбивая изъ нихъ красныхъ и преслѣдуя ихъ, Корниловцы захватили двадцать пулеметовъ и нѣсколько орудій, но страшный ночной бой нисколько не утихалъ. Остальныя наступавшія дивизіи залегли подъ проволокой, и красные всѣми

силами обрушились на Корниловцевъ. Корниловцевъ разстрѣливали спереди изъ Каховки и Бериславля, сзади изъ хутора Терны и съ фланга изъ Любимовки.

Всѣ танки были подбиты, они въ темнотѣ наткнулись вплотную на непріятельскую батарею. Отъ прямого попаданія танкъ «Сибирякъ» запылалъ, какъ факелъ, у танка «Сфинксъ» былъ разбитъ моторъ и разорвана гусеница, у танка «Уралъ» лопнулъ корпусъ. Два полевыхъ орудія, сопровождавшія танки, были еле вывезены, такъ какъ прислуга и кони были переранены.

Маленькую кучку Корниловцевъ красные обступили съ трехъ сторонъ, особенно насѣдали латыши. На помощь былъ брошенъ послѣдній резервъ — Корниловская инженерная рота, но уже силы были слишкомъ неравны. До пяти часовъ Корниловцы отбивались отъ яростныхъ атакъ и, наконецъ, подъ прикрытіемъ огня своей артиллеріи, выбрались изъ этого ада.

Корниловская дивизія была почти добита. На перекличкѣ рѣдко кто отзывался. Всѣ Корниловскіе полки были сведены въ роты. Въ сводной ротѣ 1-го Корниловскаго полка осталось сто семь человѣкъ, въ сводной ротѣ 2-го полка — сто двадцать, въ сводной ротѣ 3-го полка — девяносто два.

XXX.

ПОСЛѢДНІЙ СМОТРЪ

Послѣ боя подъ Каховкой остатки Корниловской дивизіи были отведены въ резервъ Главнокомандующаго и расположены по окрестнымъ селамъ Мелитополя.

Корниловскіе запасные батальоны сразу прислали въ свои полки около трехъ тысячъ человѣкъ пополненія изъ бывшихъ красноармейцевъ, взятыхъ въ плѣнъ за цѣлый рядъ боевъ самими Корниловцами. Кромѣ того, въ распоряженіе генерала Скоблина были присланы изъ Мелитополя полтораста плѣнныхъ матросовъ.

Скоблинъ вышелъ къ матросамъ.

— Здорово, — сказалъ онъ.

Матросы отвѣтили, какъ слѣдуетъ.

— Знаете ли вы, — спросилъ Скоблинъ, — въ какую часть васъ прислали?

— Въ Корниловскую дивизію, — отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Не въ Корниловскую дивизію, а въ Корниловскую ударную дивизію, — поправилъ Скоблинъ. — Такъ вотъ что: всѣхъ трусовъ, всѣхъ тѣхъ, кто дрожитъ за свою жизнь, и тѣхъ, кто задумалъ въ бою переметнуться къ краснымъ, намъ такихъ не надо. Я ихъ отправлю въ Мелитополь. Всѣ храбрые и честные — три шага впередъ!

Всѣ полтораста человѣкъ сдѣлали три шага впередъ.

Изъ этихъ матросовъ была сформирована рота, и она честно воевала съ красными.

Каждый день прибывали и Корниловцы, поправившіеся послѣ раненій. Полки начали опять разростаться.

Пріѣхалъ изъ отпуска командиръ 1-го полка полковникъ Гордіенко. Онъ привезъ съ собой красавицу жену,

съ которой только что обвѣнчался. Корниловцы жили такой тѣсной семьей,что горе или радость каждаго изъ нихъ, а командира въ особенности, раздѣлялись всѣми. Оживленнаго и веселаго Гордіенко всѣ поздравляли. Искренно радовались его счастью. Выборъ командира одобрили, рѣшили, что оба «подходящая пара».

Мать-командиршу усадили за чайнымъ столомъ на почетное мѣсто. Наперерывъ старались ей услужить. Съ робостью она поглядывала на загорѣлыя обвѣтренныя лица. Командира позвали къ телефону.

— Неужели мой Карпуша командуетъ всѣми вами? — спросила жена командира, — и какъ это онъ, такой застѣнчивый и тихій, справляется съ такими?

Всѣ офицеры такъ и фыркнули. Кто закашлялся, кто засморкался, кто отвернулся въ сторону и зажалъ ротъ ладонью. Удивленной командиршѣ стали объяснять, что человѣкъ въ боевой обстановкѣ сильно мѣняется, дѣлается «совсѣмъ наоборотъ». Ну вотъ, и ихъ командиръ въ бою тоже «другой»...

Во всѣхъ полкахъ кипѣла работа. Каждый день шли усиленныя занятія. На строевыя ученія пріѣзжалъ генералъ Скоблинъ. Его не оставляла тревога: почти всѣ батальонные и ротные командиры — новые, неопытные; сумѣютъ ли они передать «землякамъ-красноармейцамъ» Корниловскій духъ, да еще въ такой короткій срокъ?

1-го сентября былъ назначенъ смотръ дивизіи Главнокомандующимъ.

Въ осенній погожій день вся дивизія выстроилась на большой площади Кронсфельдъ. На правомъ флангѣ 1-ый Корниловскій полкъ. Вереница автомобилей, одинъ за другимъ, полнымъ ходомъ подкатила къ колоніи. Показался генералъ Врангель, съ нимъ Кутеповъ, свита и военные представители иностранныхъ державъ. Высокая тонкая фигура Врангеля въ Корниловской формѣ возвышалась надъ всѣми.

Начался обходъ фронта. Преображенскій маршъ, привѣтственный кличъ, переливающійся по фронту волной, сливались въ одинъ волнующій гулъ.

Послѣ обхода — молебенъ. На серединѣ площади аналой, передъ нимъ духовенство въ блестящихъ ризахъ. Рядомъ съ аналоемъ, на особомъ столикѣ, знамя, которое привезъ Главнокомандующій.

Поетъ хоръ Корниловцевъ.

При скорбномъ возгласѣ: «Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, воинамъ на полѣ брани животъ свой положившимъ: болярину Лавру, воину Митрофану и всѣмъ Корниловцамъ и сотвори имъ вѣчную память» — всѣ, какъ одинъ, опустились на колѣни.

Торжествующее «многая лѣта» русскому воинству отогнало призракъ смерти.

Команда — «накройсь», и всѣ глаза устремились на церемонію врученія знамени. Знамя прибиваютъ къ древку. Первый гвоздь вбиваетъ Врангель, за нимъ Кутеповъ, потомъ командиръ корпуса, начальникъ дивизіи и всѣ командиры Корниловскихъ полковъ.

— Слушай, на караулъ!

Штыки застыли. Полная тишина. Врангель выступилъ впередъ. Громкимъ, на всю площадь, голосомъ онъ началъ:

— Орлы ратные, Корниловцы!

— Сегодня впервые послѣ зачисленія въ ваши славные ряды, довелось мнѣ увидѣть васъ.

— Сегодня привезъ я вамъ — достойнѣйшимъ изъ достойныхъ этой чести — знамя бывшаго Георгіевскаго батальона. Это знамя вручилъ батальону храбрыхъ самъ Корниловъ, чье безсмертное имя носите вы — безсмертные Корниловцы.

— На этомъ знамени начертаны слова: «Благо Родины превыше всего». Ихъ хранилъ въ своемъ сердцѣ Корниловъ, ихъ теперь храните вы — Корниловцы.

— Благо Родины — это то, за что лучшіе сыны ея три года уже орошаютъ своей кровью ея поля. Это то, что заставляетъ васъ пренебрегать холодомъ, голодомъ. Это то, ради чего вы несетесь черезъ тучи пуль, не считая врага.

— Я вручаю вамъ это знамя храбрѣйшихъ. На немъ изображенъ орелъ, расправившій свои могучія крылья — вашъ прообразъ. На немъ Георгіевскія ленты и Георгіевскій крестъ, украшающіе груди русскихъ храбрецовъ. До-

стойнѣйшая награда увѣнчиваетъ васъ, орлы-Корниловцы, и я знаю, что вы вполнѣ достойны ея.

— Орлы! Однимъ крикомъ, крикомъ русскаго солдата, могучее Корниловское ура нашей страдалицѣ матери — Россіи!

Грянуло ура.

Главнокомандующій вручаетъ знамя колѣнопреклоненному командиру 1-го полка полковнику Гордіенко. Съ поднятой рукой Гордіенко раздѣльно и громко произноситъ слова клятвы.

Командиръ цѣлуетъ край знамени, встаетъ и передаетъ знамя колѣнопреклоненному знаменщику. Съ крайняго праваго фланга 1-го полка отдѣляется офицерская полурота и съ двумя офицерами-ассистентами подходитъ къ знамени. Древко съ развернутымъ знаменемъ заслуженный офицеръ-знаменщикъ кладетъ на плечо, и подъ торжественные звуки полковыхъ оркестровъ полотнище заколыхалось вдоль всего фронта. Рота со знаменемъ дошла до своего мѣста и остановилась. Начался церемоніальный маршъ.

Идутъ полки, держатъ равненіе, печатаютъ шагъ. Мелькаютъ выцвѣтшія рубахи, порыжѣвшіе стоптанные сапоги. У многихъ ударниковъ верхнихъ рубахъ нѣтъ, вмѣсто нихъ шерстяныя фуфайки. Бросился въ глаза мужественный солдатъ въ ситцевой пестрой рубахѣ съ нашитыми полотняными погонами, въ потертыхъ защитныхъ штанахъ и въ англійскихъ желтыхъ ботинкахъ, рядомъ съ нимъ другой вовсе безъ штановъ — въ однихъ вязаныхъ кальсонахъ. Зато у всѣхъ тщательно пригнана амуниція, вычищено оружіе....

Въ иностранныхъ мундирахъ, въ брюкахъ со складками стоятъ блестящіе представители бывшихъ союзныхъ армій и щелкаютъ затворами кодаковъ. Запечатлѣваютъ на пленкахъ нищую армію.

Рысью промчался конный дивизіонъ, прогромыхала артиллерія, и парадъ кончился.

Никто не думалъ, что этотъ парадъ былъ послѣднимъ Корниловскимъ парадомъ на русской землѣ.

Ударникъ Дегтяревъ въ своихъ воспоминаніяхъ этотъ парадъ описываетъ такъ:

«Прибытіе Главнокомандующаго, его пламенная рѣчь и неподражаемый его вопль (иначе нельзя выразиться) — Орлы-ы-ы Корниловцы-ы-ы! — сопровождались для меня непрерывной нервной дрожью и доходившимъ почти до взрыва внутреннимъ рыданьемъ....

«Мощный, хриповатый голосъ Главнокомандующаго казался надорваннымъ и какъ бы выражалъ собою надорвавшуюся Добровольческую армію....

«Орлами-Корниловцами» передъ нимъ стояли плѣнные, попадавшіе къ намъ раздѣтыми и босыми. Они и теперь еле прикрывали свою наготу полосатыми изъ сарпинокъ рубахами...»

XXXI.

ЗАДНѢПРОВСКАЯ ОПЕРАЦІЯ

Каховскій плацдармъ создавалъ постоянную угрозу всему тылу Русской Арміи. Генералъ Врангель рѣшилъ форсировать Днѣпръ и, очистивъ отъ красныхъ его правый берегъ, закрѣпиться на немъ. Но для того, чтобы приступить къ заднѣпровской операціи, необходимо было предварительно обезопасить сѣверный и восточный участки своего фронта. Для этого Врангель раздѣлилъ всю Русскую Армію общей численностью въ 25.000 штыковъ и 8.000 шашекъ на двѣ арміи; во главѣ первой остался генералъ Кутеповъ, во главѣ второй былъ назначенъ генералъ Драценко. Генералу Кутепову было приказано разбить восточныя и сѣверныя группы красныхъ, послѣ чего генералу Драценко провести заднѣпровскую операцію.

Въ теченіе сентября 1-ый и Донской корпусъ, входившіе въ составъ 1-ой арміи, свою задачу выполнили блестяще. Они не только разгромили противника, но и выпрямили свой фронтъ отъ Маріуполя до Кичкасской переправы. Для заднѣпровской операціи руки были развязаны.

Форсировать Днѣпръ было рѣшено въ двухъ мѣстахъ: въ раіонѣ Никополя и въ раіонѣ Александровска. Для переправы у Александровска были выдѣлены изъ 1-ой арміи Корниловская дивизія, Марковская и Кубанская казачья.

21-го сентября 1-ый и 2-ой Корниловскіе полки были погружены въ эшелоны и направлены въ городъ Александровскъ. 3-ій полкъ со всѣми обозами дивизіи двинулся туда же походнымъ порядкомъ.

Александровскъ жилъ нервной напряженной жизнью: онъ постоянно обстрѣливался тяжелыми снарядами, летѣв-

шими съ праваго берега Днѣпра. Глубокою ночью Корниловскіе полки выгрузились на городской станціи и разошлись по квартирамъ.

Противъ города, по серединѣ Днѣпра, тянется верстъ на десять островъ Хортица, покрытый густымъ кустарникомъ и лѣсомъ и отдѣленный отъ праваго берега Днѣпра неглубокимъ рукавомъ Рѣчище, шириною въ 400-500 шаговъ. Островъ обороняли Марковцы, неоднократно отбивая атаки красныхъ.

23-го сентября на островѣ собрались начальствующія лица Корниловской дивизіи, чтобы на мѣстѣ разработать планъ переправы черезъ Рѣчище. Разсмотрѣвъ черезъ кусты характеръ берега, всѣ усѣлись на одной полянкѣ и уткнулись въ карты, выбирая мѣста для батарей и батальоновъ передъ атакой. Вѣтеръ подхватилъ у кого-то разворачиваемую карту, и бѣлый листъ мелькнулъ надъ кустами. Сразу у красныхъ затрещалъ пулеметъ, и на головы посыпались срѣзаныя вѣтки. Всѣ убѣдились въ бдительности противника днемъ.

Было рѣшено: съ наступленіемъ темноты перевести на Хортицу по понтонному мосту всю Корниловскую дивизію и артиллерійскую бригаду. Въ ту же ночь развѣдчикамъ отыскать бродъ и отмѣтить его вѣхами, чтобы по нимъ вести штурмующія колонны. Передъ намѣченнымъ бродомъ поставить въ кустахъ двѣ батареи такъ, чтобы можно было бить по непріятельскимъ окопамъ прямой наводкой. Начало атаки въ пять часовъ утра.

Ночью Хортица оживилась. Между зарослями во всѣхъ котловинахъ и ямахъ мерцали небольшіе костерки. Потрескивали сучья, шипѣлъ отсырѣвшій валежникъ, дымъ въ холодномъ воздухѣ струился прямо вверхъ. Около костерковъ сидѣли, полулежали кучки людей въ сѣрыхъ шинеляхъ. Когда костерокъ разгорался, прыгали тѣни по лицамъ, блестѣли составленныя въ козлы винтовки.

Разговоры вертѣлись вокругъ предстоящаго купанья.

— Главное, что вода холодная, и одежа не скоро обсохнетъ, — говорилъ одинъ.

— Ничего, братъ, лишь бы перебраться, а тамъ, приказалъ командиръ, на каждаго по стакану водки. Какъ ру-

кой сниметъ, никакая простуда не возьметъ, — подбадривалъ лихой унтеръ-офицеръ.

Въ одной ямѣ собрались Скоблинъ, Гордіенко, Челядиновъ и поручикъ Федоровъ, командиръ 3-го батальона, на котораго палъ жребій переправляться первому. Всѣ изощрялись въ остротахъ надъ Федоровымъ, давая ему участливые совѣты, какъ дѣлать въ водѣ перебѣжки и чѣмъ укрываться отъ пуль...

Около деревьевъ понуро дремали осѣдланныя лошади. Стояли тачанки съ пулеметами, длинной лентой за обрывомъ вытянулись пушки, зарядные ящики. Мулы уткнулись въ торбы, раздавался мѣрный хрустъ...

— Ваше превосходительство, — доложили Скоблину, —орудія у переправы готовы: наведены и заряжены.

Скоблинъ посмотрѣлъ на часы. Время тянется медленно... Въ четыре съ половиной часа Скоблинъ приказалъ приготовить людей и разбудить всѣхъ, кто спитъ. Корниловцы вставали, потягивались, по тѣлу пробѣгала мелкая дрожь.

Къ пяти часамъ густой колонной, безъ кашля и стука винтовками, 3-ій батальонъ подошелъ къ рѣкѣ.

— Ну, ребята, впередъ! — сказалъ Федоровъ, и одновременно по цѣпочкѣ побѣжала къ батареямъ команда — огонь!

Пушки заревѣли. Батальонъ пробѣжалъ песчаную отмель и около самой воды вдругъ остановился. Не было никакой вѣхи. Развѣдчикъ ошибся и подвелъ батальонъ не къ тому мѣсту. Командиръ полка Гордіенко выругался и приказалъ тутъ же бросаться въ воду и, хоть вплавь, переправляться на другой берегъ. Самъ первый вбѣжалъ въ воду. Черезъ три минуты весь 1-й полкъ былъ на правомъ берегу Днѣпра. Оттуда уже доносились голоса: «батарея, влѣво и дальше....»

3-ій и 1-ый батальоны съ двухъ сторонъ ворвались въ колонію Нижне-Хортица и безъ боя забрали въ плѣнъ полкъ красноармейцевъ, беззаботно спавшихъ по избамъ. Ускакалъ только командиръ полка. Съ такой же легкостью пѣшіе развѣдчики взяли въ плѣнъ роту красныхъ, стоявшихъ въ заставѣ на курганахъ.

Безпорядочные орудійные выстрѣлы у красныхъ прекратились: повидимому, батарея снялась съ позиціи. 1-ый полкъ, выставивъ сторожевое охраненіе, сталъ поджидать переправы остальныхъ полковъ.

Люди 2-го полка перешли бродъ, навѣсивъ свои брюки и сапоги на штыки, а 3-ій полкъ вышелъ изъ воды совсѣмъ сухимъ — ему было разрѣшено переправиться на крупахъ Кубанской казачьей дивизіи генерала Бабіева.

Другъ друга подсаживая, робко и неувѣренно взбирались ударники на коней. Кони шарахались въ сторону, сбрасывали непрошенныхъ сѣдоковъ, пока тѣ накрѣпко не вцѣплялись обѣими руками въ улыбающагося кубанца.

Орудія разбили дно, и послѣднія запряжки застряли. Около нихъ по грудь въ водѣ возились артиллеристы, подпрягали и перепрягали муловъ. Шумъ, крики, ругань, хохотъ звенѣли надъ рѣкой.

Къ переправѣ подъѣхалъ генералъ Кутеповъ. Узнавъ, что 1-ый полкъ уже занялъ Нижне-Хортицу, Кутеповъ верхомъ переправился черезъ бродъ и поблагодарилъ выстроившихся Корниловцевъ за ихъ лихую переправу.

Корниловскіе полки тремя параллельными колоннами потянулись на западъ. На рыси ихъ обогнала Кубанская дивизія и скрылась изъ виду. Когда Корниловцы къ вечеру подходили къ селу Орловкѣ, сѣвернѣе его, за селомъ Томаковкой были видны разрывы шрапнелей: генералъ Бабіевъ отбивалъ тринадцатую атаку конницы Гая (2-ая конная армія).

Отъ перехваченныхъ по дорогѣ красноармейцевъ Скоблинъ узналъ, что изъ Никополя навстрѣчу Корниловцамъ двигается 1-ая совѣтская стрѣлковая дивизія. Оставивъ въ Орловкѣ два полка для заслона Кубанской дивизіи, Скоблинъ отправилъ 3-ій полкъ въ Томаковку и поѣхалъ туда самъ. Скоблинъ и Бабіевъ рѣшили на завтра 26-го сентября совмѣстными силами атаковать конницу Гая, отходившую главными силами къ югу на село Анастасьевка.

Красные предупредили атаку. Съ утра со всѣхъ сторонъ начался ружейный обстрѣлъ Орловки. Небольшіе конные разъѣзды маячили по буграмъ, то подскакивая къ селу, то быстро скрываясь изъ виду. Отъ одного захвачен-

наго разъѣзда была выяснена обстановка: Корниловская дивизія была окружена конницей Гая, ея разъѣзды перехватили часть Корниловскихъ обозовъ и порубили телеграфный взводъ штаба дивизіи.

День протянулся въ неопредѣленномъ положеніи. Изъ Томаковки доносилась стрѣльба. Гай продолжалъ атаковать Кубанцевъ. Когда день уже клонился къ вечеру, изъ-за бугра выскочили три эскадрона красныхъ и поскакали внизъ къ селу на отдѣльно стоявшій 1-ый батальонъ 2-го Корниловскаго полка. Одновременно изъ балки выѣхали въ тылъ батальону три броневика и начали изъ пулеметовъ осыпать Корниловцевъ.

Изъ резерва бросились на выручку остальные батальоны 2-го полка, а Корниловскія батареи сосредоточили огонь по краснымъ, но кавалеристы все таки успѣли врубиться въ сомкнувшіяся роты. Командиръ батальона капитанъ Трофимюкъ, обливаясь кровью отъ сабельныхъ ударовъ, съ револьверомъ въ рукахъ пробился черезъ всадниковъ, но 68 Корниловцевъ были зарублены, 80 были уведены въ плѣнъ. Осталось на полѣ битвы и до двухсотъ красныхъ. У многихъ кавалеристовъ въ застывшихъ рукахъ были зажаты трофеи — черно-красныя корниловскія фуражки.

На выстрѣлы изъ Томаковки примчался на тачанкѣ Бабіевъ, за нимъ на помощь шла вся его дивизія. Принципъ взаимной поддержки и выручки Бабіевъ соблюдалъ свято.

Оба начальника дивизій — Скоблинъ и Бабіевъ — совмѣстную атаку села Анастасьевки отложили на слѣдующую ночь. Въ Анастасьевку стянулись двѣ дивизіи Гая. Корниловцы должны были атаковать село, а Кубанцы отрѣзать путь отступленія.

Пять верстъ до Анастасьевки прошли быстро. На востокѣ уже розовѣлъ горизонтъ, и свѣтлыя полосы потянулись по небу. 2-ой и 3-ій полки построились густой резервной колонной, а 1- ый полкъ развернулся для атаки. Батареи стали на позицію.

Каждый батальонъ 1-го полка намѣтилъ для себя свой участокъ села, и Корниловцы двинулись широкимъ ша-

гомъ. Сторожевыхъ охраненій не было, красныя заставы всполошились, когда Корниловцы уже были около крайнихъ хатъ. Гдѣ-то затрещалъ пулеметъ, трубы заиграли тревогу. По улицѣ понеслись отдѣльные всадники, затарахтѣли грузовики. Изъ переулка выскочилъ броневикъ и наткнулся прямо на Корниловцевъ. Въ немъ открылась дверца, изъ нея высунулся по поясъ грозный усатый человѣкъ и разразился площадной бранью. Онъ былъ тутъ же застрѣленъ.

Пока Корниловцы атаковали село, Кубанцы рубились съ красными эскадронами, выскакивавшими изъ села. Одинъ всадникъ схватилъ Бабіева за конецъ его краснаго кубанскаго башлыка и съ крикомъ: «ага, попался...» — уже замахнулся шашкой, но свалился самъ отъ удара Бабіева. Бабіевъ при атакѣ поводья держалъ въ зубахъ, а шашку въ лѣвой рукѣ, правая у него была отнята.

Добыча побѣдителя была большая: шесть орудій, три броневика, грузовыя машины, тачанки съ пулеметами, кони, плѣнные. Были отбиты и взятые наканунѣ въ плѣнъ Корниловцы. Всѣ они были въ одномъ бѣльѣ.

Конница Гая отошла на Никополь.

Въ Анастасьевку прилетѣлъ летчикъ и передалъ приказаніе Кубанской и Корниловской дивизіямъ двигаться безостановочно на Никополь. Корниловская дивизія пошла вдоль полотна желѣзной дороги, Кубанская дивизія лѣвѣе ея по плавнямъ. Верстахъ въ шести отъ села Чернышевки произошелъ встрѣчный бой съ 1-ой совѣтской стрѣлковой дивизіей, спѣшившей изъ Никополя на помощь Гаю. Корниловцы, хотя и выиграли бой безъ особаго напряженія, но понесли потери до 250 человѣкъ. Среди раненыхъ были подполковникъ Челядиновъ и поручикъ Федоровъ.

Передъ самой Чернышевкой красные еще разъ попытались оказать сопротивленіе. Пока головной полкъ велъ бой, остальные два полка остановились около насыпи. Вдругъ по полотну стали рваться гранаты,а надъ колонной шрапнели. Съ хвоста колонны передали, что въ тылу показалась конница. Генералъ Скоблинъ поднялъ 2-ой полкъ и повелъ его на выстрѣлы, выславъ впередъ свой конвой. Вскорѣ подскакалъ офицеръ конвоя и доложилъ, что ка-

кая-то конница съ пышными хвостами на пикахъ разворачивается на лугу за ручьемъ.

Корниловцы побѣжали къ ручью и уже приготовились дать залпъ, но конница повернулась и ускакала на широкомъ галопѣ. Тутъ только Скоблинъ опознал въ скакавшихъ одинъ изъ полковъ Бабіева. Бабіевъ потомъ разсказывалъ, что онъ никакъ не могъ предположить, что Корниловцы въ такой короткій срокъ прошли съ боемъ 15 верстъ и очутились передъ Чернышевкой; но увидѣвъ такую рѣшительную готовность пѣхоты начать бой съ кавалеріей, онъ сообразилъ, что передъ нимъ навѣрное Корниловцы и поскорѣе вывелъ полкъ изъ-подъ обстрѣла.

Къ полночи обѣ дивизіи — Корниловская и Кубанская — втянулись на ночлегъ въ Чернышевку. Генералъ Скоблинъ пропускалъ мимо себя входившіе въ село полки. Около него и штабныхъ офицеровъ собрались старые и пожилые крестьяне.

— Видно, что солдаты, — одобрительно говорилъ одинъ старикъ.

Съ этими стариками Скоблинъ и его офицеры разговорились. Всѣмъ хотѣлось выяснить, каково настоящее отношеніе крестьянъ къ Русской Арміи. Крестьяне отвѣчали уклончиво. Закона о землѣ, опубликованнаго Врангелемъ, никто изъ крестьянъ не зналъ, и о немъ они ничего не слышали. Когда офицеры стали излагать содержаніе этого закона, то услышали въ отвѣтъ:

— Законъ хорошій, сходный, а кто его знаетъ, каковъ онъ будетъ на дѣлѣ...

Въ прочность и силу Русской Арміи крестьянинъ не вѣрилъ, а потому и не придавалъ значенія никакимъ хорошимъ словамъ и законамъ. Не задумывался онъ и о томъ, кто и какимъ образомъ можетъ упрочить нужный для него порядокъ. Для деревни всѣ, имѣвшіе власть, были «паны», и на междоусобную войну она смотрѣла какъ на драку «пановъ», при комиссарахъ и при генералахъ у мужиковъ одинаково трещали чубы.

Передъ самымъ Никополемъ красные оказали сопротивленіе только у села Красногригорьевка. Они, сбитые со своихъ позицій Корниловцами, попали подъ удары Кубан-

цевъ и потеряли плѣнными до двухъ съ половиной тысячъ и всѣ свои обозы. Никополь былъ взятъ безъ боя.

Корниловцы и Кубанцы расположились въ городѣ со своими трофеями. Однихъ плѣнныхъ было до четырехъ тысячъ. Въ тотъ же день къ Никополю подошла конница генерала Науменко, переправившаяся черезъ Днѣпръ южнѣе Никополя у села Ушкалка. Тамъ же переправилась и пѣхота генерала Скалона. По словамъ Науменко, красные атаковали пѣхоту и препятствовали ея продвиженію впередъ, самъ же Науменко сразу оторвался отъ своей пѣхоты и пошелъ на Никополь.

29-го сентября изъ штаба 2-ой арміи прилетѣлъ летчикъ и передалъ приказаніе: генералу Науменко объединить всю конницу и итти съ ней на узловую станцію Апостолово, гдѣ разбить красныхъ, послѣ чего повернуть на Бериславль и Каховку; генералу Скоблину спѣшно итти назадъ къ Александровску, такъ какъ красные тѣснятъ Марковцевъ и угрожаютъ переправамъ на Хортицу.

Съ грустью разстался Бабіевъ съ Корниловцами, осиротѣлыми почувствовали себя и они. Передъ Скоблинымъ всталъ мучительный вопросъ, какой дорогой итти на Александровскъ?

Если перейти на лѣвый берегъ Днѣпра здѣсь у Никополя, то одна переправа займетъ двое сутокъ: былъ всего одинъ небольшой паромъ и нѣсколько лодокъ. Кромѣ того, переправа тотчасъ будетъ обнаружена красными, и они перейдутъ въ наступленіе. Полкъ, который былъ бы назначенъ для защиты переправы, оказался бы въ исключительно невыгодныхъ условіяхъ: переправа внизу, а надъ нею возвышается гора.

Если итти къ Александровску старой дорогой, то придется пробиваться черезъ всю 2-ую конную армію, сомкнувшуюся за Никополемъ. Въ случаѣ затяжныхъ боевъ красные за это время могутъ овладѣть переправами у Хортицы, и тогда Корниловцы рискуютъ потерять всю свою артиллерію и обозы.

Скоблинъ остановился на такомъ рѣшеніи: подъ прикрытіемъ дивизіи немедленно переправить черезъ Днѣпръ плѣнныхъ, раненыхъ и обозы, а самой дивизіи съ насту-

пленіемъ темноты выступить изъ Никополя по старой дорогѣ. Налетомъ сбить конницу противника и открыть себѣ путь на Александровскъ.

Сплошной колонной двинулась изъ Никополя Корниловская дивизія. Люди шли въ строю безъ обычной на походѣ растяжки, не было и отстававшихъ — всѣ понимали грозную опасность. Корниловская конная сотня, выбросивъ отъ себя боковые разъѣзды, на рысяхъ пошла впередъ.

Показались огни Красногригорьевки. Колонна задержалась, поджидая донесеніе отъ коннаго разъѣзда. Вдругъ слѣва въ полѣ показался какой-то конный; онъ выѣхалъ на дорогу, повернулъ къ селу и поскакалъ. Ординарцы начальника дивизіи быстро догнали всадника. Перепуганный крестьянинъ верхомъ на лошаденкѣ безъ сѣдла и съ веревочнымъ недоуздкомъ разсказалъ, что онъ мѣстный житель, и что красные взяли его проводникомъ и велѣли ему указать дорогу на станцію Апостолово.

Въ Чернышевкѣ конницы Гая тоже не было. Она выступила изъ этого села часа за три до прихода Корниловцевъ. На улицахъ еще тлѣли въ кострахъ головни, валялось разбросанное сѣно, пахло свѣжимъ навозомъ. Повидимому, Гай, обнаруживъ движеніе генерала Науменко на Апостолово, двинулся со своей дивизіей туда же. Дорога на Александровскъ была свободна. Остатокъ ночи Корниловцы прошли беззаботно. Многіе поджигали перекати-поле, и подхваченные вѣтромъ круглые горящіе шары носились надъ степью.

На зарѣ послѣ сорокаверстнаго марша былъ сдѣланъ привалъ около развалинъ сгорѣвшей и разграбленной усадьбы. Почернѣвшіе дымоходы торчали мрачными памятниками среди груды мусора и обвалившихся стѣнъ. Дорожки и клумбы заросли травой. Съ оголенныхъ деревьевъ тихо падали желтые листья. Среди безмолвной тишины вскорѣ затрещали костры, и люди въ полномъ изнеможеніи валились около нихъ.

Черезъ два часа отдыха Корниловская дивизія уже снова шла. Второй привалъ и обѣдъ были назначены черезъ двадцать верстъ въ Строгановскихъ хуторахъ.

Изъ высоты донесся шумъ мотора, и на ясной синевѣ

осенняго неба четко обозначился аэропланъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько круговъ надъ колонной, снизился и опустился. Летчикъ передалъ приказаніе генералу Скоблину двигаться какъ можно скорѣе на Александровскъ.

Летчика обступили офицеры. На ихъ вопросы, почему онъ такъ смѣло и рѣшительно опустился на землю, онъ, улыбаясь, отвѣтилъ, что распознаетъ красныхъ и бѣлыхъ не столько по «коду», сколько по тому, какъ относятся къ аэропланамъ проходящія колонны: бѣлые въ большинствѣ случаевъ сохраняютъ порядокъ и свое движеніе, красные расползаются во всѣ стороны.

Въ Строгановскихъ хуторахъ сорокъ дворовъ были подѣлены между всей Корниловской дивизіей. Жители, переселенные сюда изъ Великороссіи еще во времена крѣпостного права, оказали полное радушіе.

Хозяинъ дома — степенный старикъ, бывшій солдатъ — освѣдомился у Скоблина, сколько человѣкъ будутъ обѣдать.

— Вы не безпокойтесь, ничего не готовьте, мы сами справимся, — сказалъ ему Скоблинъ, но старикъ рѣшительно запротестовалъ и угостилъ на славу офицеровъ и ударниковъ на разныхъ половинахъ своей хаты.

— Среди всеобщей ненависти и озлобленія, неизбѣжныхъ спутниковъ междоусобной войны, — вспоминалъ генералъ Скоблинъ, — радушіе и ласка нашего хозяина были совершенно необычны тѣмъ болѣе, что у него не было никакого противнаго подлаживанія къ намъ: онъ не поносилъ красныхъ, не восхищался бѣлыми. Отнесся къ намъ просто, по человѣчески, какъ къ усталымъ, измученнымъ людямъ.

Въ 11 часовъ вечера 30-го сентября Корниловцы подошли къ позиціямъ Марковцевъ. Послѣ семидесятиверстнаго походѣ всѣ заснули, какъ убитые.

Рано утромъ 1-го октября Корниловцы и Марковцы получили приказъ отбросить красныхъ на сѣверъ, какъ можно дальше отъ переправъ. Красныхъ отогнали верстъ на пятнадцать. Летчикъ привезъ приказаніе — продолжать энергичное наступленіе, но уже въ три часа дня было получено новое приказаніе: съ наступленіемъ сумерекъ итти

въ Александровскъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы закончить переправу черезъ Днѣпръ до разсвѣта.

Корниловцы, ничего не понимая, угрюмые и печальные потянулись назадъ къ переправамъ. Въ первую очередь были пущены обозы и часть артиллеріи. Полки расположились въ нѣмецкой колоніи верстахъ въ трехъ отъ Рѣчища. Колонисты недоумѣвали, почему бѣлые, такъ успѣшно дравшіеся съ красными,теперь отступаютъ. Искренно сожалѣли объ уходѣ Корниловцевъ и въ очень сдержанныхъ выраженіяхъ говорили о грядущихъ непріятностяхъ.

Генерала Скоблина отыскалъ нѣмецъ-колонистъ, у котораго Скоблинъ останавливался прошлый разъ, и повелъ его къ себѣ. Нѣмецъ поставилъ на ноги весь домъ, желая оказать своимъ гостямъ полное вниманіе. Хозяйка-старуха ласково уговаривала ихъ остаться до утра и выспаться.

— Куда же вамъ итти въ такую темень и поздноту, — сокрушенно вздыхала она.

Огромный костеръ на берегу освѣщалъ наскоро сколоченный мостъ. Лошади боязливо ступали на шатавшіяся, скрипѣвшія бревна. Черныя воды Днѣпра колыхали среди отраженныхъ языковъ костра силуэты лошадей, повозокъ, людей...

Къ назначенному времени переправа на лѣвый берегъ Днѣпра была закончена. Въ городѣ къ генералу Скоблину сейчасъ же явился временно исполнявшій должность начальника штаба капитанъ Меснеръ. Вмѣсто обычнаго вороха оперативныхъ телеграммъ онъ молча протянулъ всего три. Первая гласила:

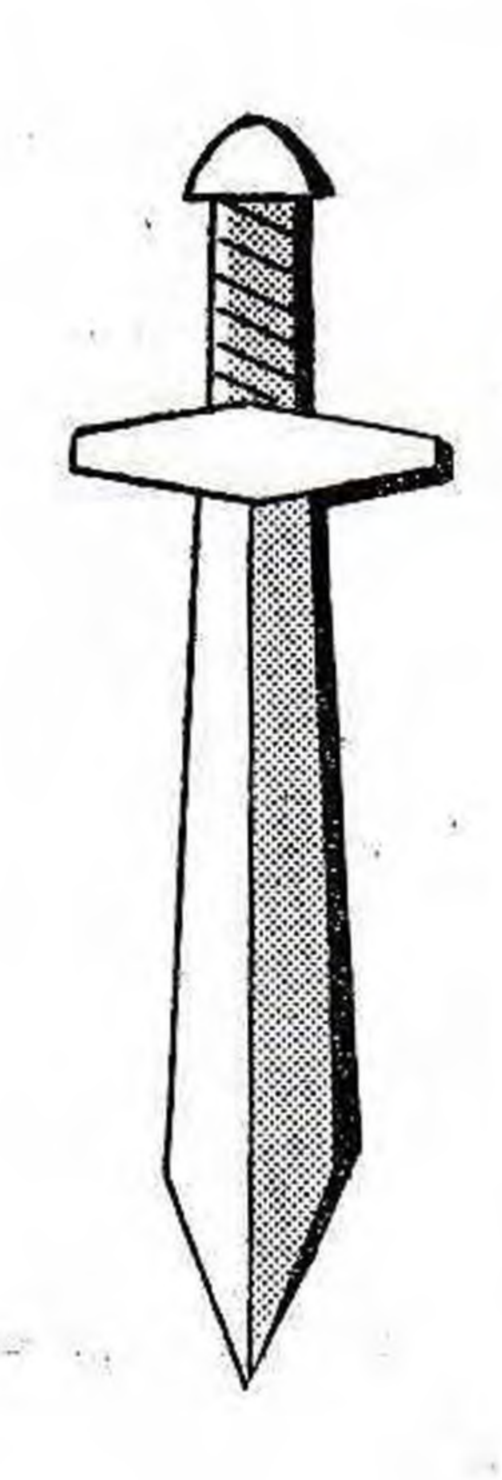
«Поляки заключили миръ съ Совѣтами. Красные начали переброску силъ на фронтъ Русской Арміи. Головныя части конницы Буденнаго и двѣ пѣхотныя дивизіи уже подошли къ станціи Апостолово».

Вторая телеграмма:

«Снарядомъ въ бою подъ Апостоловымъ смертельно раненъ генералъ Бабіевъ. Онъ, не приходя въ себя, скончался. Части 2-ой арміи съ большими потерями людей и матеріальной части переправились обратно на лѣвый берегъ Днѣпра, не успѣвъ даже разрушить свой мостъ».

Третья телеграмма:

«Красная Кубанская дивизія численностью до пяти тысячъ сабель на сѣверо-восточномъ участкѣ фронта проникла глубоко въ нашъ тылъ и съ налета овладѣла Б. Токмакомъ, гдѣ захватила и уничтожила всѣ наши интендантскіе и артиллерійскіе запасы. Противникъ продолжаетъ свой рейдъ по тыламъ».

XXXII.

НИЖНІЙ РОГАЧИКЪ

Заднѣпровская операція оставила въ душѣ Корниловцевъ горькій осадокъ: опять всѣ усилія, жертвы и побѣды безплодны. Энергія изсякала, воля къ побѣдѣ надламывалась. Душа и тѣло требовали хоть кратковременнаго отдыха. Вмѣсто этого Корниловская дивизія изъ Александровска сразу была послана для ликвидаціи непріятельской кавалеріи, сдѣлавшей налетъ на Б. Токмакъ. Только что дивизія пришла походнымъ порядкомъ въ село Камышево, какъ было получено новое приказаніе — измѣнить направленіе и перейти въ районъ села Большая Знаменка для смѣны частей 2-ой арміи.

Въ дождь, снѣгъ, по непролазнымъ дорогамъ потянулись Корниловцы снова къ Днѣпру. 8-го октября 1-ый и 2-ой полки сосредоточились въ селѣ Верхній Рогачикъ, а 3-ій полкъ, смѣнивъ 6-ую и 7-ую пѣхотныя дивизіи, сталъ на позиціи около деревень Ушкалка и Бабина. Въ Знаменку былъ посланъ сводный отрядъ изъ нѣсколькихъ ротъ подъ командой полковника Пухъ.

Настроеніе у Корниловцевъ было тревожное, всѣ чувствовали нарастаніе событій. По дивизіи былъ отданъ приказъ къ неуклонному исполненію — полковыхъ дамъ и сестеръ милосердія отправить въ тылъ. Не поднялъ настроенія и отрядъ генерала Бредова, прибывшій изъ Польши на пополненіе Русской Арміи.

Состоявшій въ этомъ отрядѣ 75-ый Севастопольскій полкъ подъ командой полковника Силина былъ влитъ во 2-ой Корниловскій полкъ отдѣльнымъ батальономъ.

13-го октября 1-ый полкъ получилъ срочно приказаніе

немедленно выступить на помощь 3-му полку, въ раіонѣ котораго противникъ, накопивъ большія силы, переправился на лѣвый берегъ Днѣпра.

1-ый полкъ встрѣтился съ красными, уже сильно продвинувшимися за Днѣпръ. 1-ый батальонъ погналъ одну группу красныхъ на село Нижній Рогачикъ, а 2-ой батальонъ другую группу оттѣснилъ на деревню Ушкалка. Остатки 3-го полка были спасены.

Къ вечеру было получено приказаніе совмѣстными дѣйствіями 1-го и 3-го полковъ произвести ночное наступленіе на Нижній Рогачикъ и овладѣть имъ. 1-ый полкъ пошелъ по лѣвому берегу рѣки Рогачикъ, а 3-ій полкъ долженъ былъ итти по правому берегу. 1-ый батальонъ не прошелъ и версты, какъ замѣтилъ двигавшуюся навстрѣчу по сосѣдней дорогѣ колонну противника. Корниловцы притаились. Когда красные поравнялись съ ними, двѣ роты ударили въ тылъ красныхъ, а двѣ во флангъ. Ошеломленные красные частью сдались, частью побѣжали назадъ. Преслѣдуя ихъ, Корниловцы вошли въ Н. Рогачикъ, но были сразу вынуждены остановиться на южной окраинѣ села: ихъ встрѣтили крупныя силы противника. Всю ночь къ краснымъ прибывали свѣжія части съ праваго берега Днѣпра и накапливались въ ста шагахъ отъ Корниловцевъ. Атаковать красныхъ безъ 3-го полка Гордіенко не рѣшался, между тѣмъ, противникъ самъ повелъ атаки. До пяти часовъ утра Корниловцы отбивались, уже понесли большія потери, а 3-го полка все нѣтъ и нѣтъ. Красные стали охватывать лѣвый флангъ полка, и Гордіенко приказалъ отступить на бугры около села.

Командиръ 5-ой роты подпоручикъ Пинскій, желая избѣжать артиллерійскаго обстрѣла, уклонился отъ указаннаго пути отступленія и повелъ свою роту другой дорогой. Внезапно на нее налетѣла непріятельская кавалерія. Рота была изрублена. Къ Пинскому подскакалъ кавалеристъ и выстрѣломъ изъ нагана прострѣлилъ ему голову и лѣвый глазъ; пуля осталась во рту.

Очнулся Пинскій, когда два кавалериста, ругаясь и чертыхаясь, отрѣзали ему шашкой палецъ, чтобы снять обручальное кольцо, и такова была сила воли у этого офице-

ра, что онъ не издалъ ни одного стона, притворяясь мертвымъ. Послѣ того, какъ красные ускакали, онъ нашелъ въ себѣ силы доползти до полка. Поручикъ Пинскій хотя и поправился отъ раненій въ Константинополѣ, но прожилъ недолго — онъ скончался въ Бѣлградѣ, завѣщавъ свою фуражку и шашку Корниловскому полку.

Спасся еще одинъ офицеръ. Онъ шелъ въ дозорѣ, когда на него наскочили два конника. Отъ перваго удара шашкой онъ упалъ. Конники продолжали бить и колоть лежачаго, потомъ соскочили съ коней и принялись раздѣвать офицера. Сняли съ него сапоги, галифэ, стали стаскивать гимнастерку.

— Ишь какъ разукрасился золотопогонникъ, — сказалъ одинъ, разсматривая офицерскія отличія.

— Жаль только, — промолвилъ другой, — что перемазали въ крови новенькую одежду, надо было бы сначала раздѣть, а ужъ потомъ рубить.

Офицеръ потерялъ сознаніе. Пришелъ онъ въ себя, когда около него хлопотали два пѣхотныхъ красноармейца: они поддерживали его за плечи и лили изъ фляжки воду на голову.

— Ну и изуродовали тебя эти сволочи кавалеристы, — сказалъ одинъ красноармеецъ, — на испей воды, — а потомъ спросилъ: — хочешь ты итти къ своимъ?

Офицеръ кивнулъ головой. Красноармейцы подняли его, поставили на ноги и сказали:

— Иди вотъ въ эту сторону, ваши тамъ недалече, авось какъ-нибудь доползешь.

Офицеръ молча пожалъ руки своимъ врагамъ спасителямъ и, шатаясь, побрелъ, опираясь на винтовку.

Въ околодкѣ насчитали у него двадцать ранъ.

Въ ночномъ бою въ селѣ Рогачикѣ 1-ый полкъ потерялъ половину своего состава. Генералъ Скоблинъ выѣхалъ къ мѣсту боя, приказавъ 2-му полку немедленно итти туда же.

Раннимъ утромъ 2-ой Корниловскій полкъ выступилъ. Холодный октябрьскій вѣтеръ бился въ короткихъ полахъ англійскихъ шинелей, надувалъ однобокими пузырями фуражки и посвистывалъ на кончикахъ острыхъ штыковъ.

Вокругъ шелестѣли засохшіе листья обезглавленныхъ подсолнуховъ.

Передъ самымъ наступленіемъ сдѣлали привалъ. Ударники, заправляя полы шинелей подъ колѣни, усѣлись въ котловинахъ спиною къ вѣтру. Всѣ протирали глаза, покраснѣвшіе и распухшіе отъ безсонной ночи, вѣтра и пыли. Вяло принялись за скромный завтракъ изъ хлѣба и сала. Офицеры ушли на рекогносцировку.

Начальство вернулось.

По лощинамъ, овражкамъ и балочкамъ ударники потянулись гуськомъ за своими командирами. Въ стороны на пригорки были высланы дозоры. Оттуда сразу открылся широкій видъ: впереди почернѣвшія избы, бѣлая колокольня, вѣтряныя мельницы упираются въ днѣпровскія плавни; вокругъ обнаженныя поля; по сѣрому небу низко ползутъ свинцовыя тучи. Безпросвѣтно и на душѣ.

Коченѣя отъ холода, дозорные всматривались въ сѣрую мглу: раскачиваемые вѣтромъ стволы отъ подсолнуховъ казались наступающей пѣхотой, скачками пронесшаяся на горизонтѣ стая собакъ померещилась кавалеріей. Охватывала жуть. Дозоры объѣхалъ полковникъ Левитовъ и не отрывалъ глазъ отъ бинокля. Наконецъ, изъ одного овражка показался весь полкъ, онъ разсыпался вѣеромъ и побѣжалъ въ гору. Бой начался.

Красныхъ сбили съ горы. Надъ отступавшими низко стлались бѣлыя облачка шрапнелей, быстро разгоняемыя вѣтромъ. Оторвавшись отъ Корниловцевъ, красные, подкрѣпленные резервами, перешли въ контръ-атаку. Изъ-за Днѣпра полетѣли тяжелые снаряды. Широкіе столбы чернаго дыма съ землей вздымались къ свинцовымъ тучамъ, и тогда многіе крестились мелкими частыми крестиками. Лѣвый флангъ Корниловской цѣпи сталъ отступать, рота стоявшая на правомъ флангѣ, замѣтила это, когда она осталась въ одиночествѣ. Ударники бросились наутекъ.

— Федоръ Яковлевичъ, остановите людей, а то мы всѣ такъ погибнемъ, — надрывался поручикъ Армашъ.. но ударники уже никого не слушали. То и дѣло падали раненые; они кричали, хватались за развѣвавшіяся полы и мелькавшіе сапоги... Сзади неслось улюлюканье. Корни-

ловцы остановились, какъ только увидѣли показавшуюся изъ-за холма резервную офицерскую роту. Сердце еще колотилось, но у всѣхъ точно камень свалился съ души. Офицерская рота шла стройной цѣпью со штыками на перевѣсъ. Застрекоталъ люисъ. Только что бѣжавшіе Корниловцы закричали ура, и теперь покатились обратно красные. За ними Корниловцы.

Изъ плавней забила бѣглымъ огнемъ артиллерія. 13-ая рота дала нѣсколько залповъ по плавнямъ и залегла. Люди отдышивались. Гдѣ-то недалеко залегли и красные. Началась перестрѣлка. Легко раненые Корниловцы, точно пустыя зерна, относимыя на току вѣтромъ, скрывались изъ глазъ за пригоркомъ.

Одинъ ударникъ только что обернулся къ своему сосѣду, какъ увидѣлъ его лежащимъ уже неподвижно — на его смугломъ вискѣ чернѣлось пятнышко. Къ убитому подошелъ его землякъ, сокрушенно покачалъ головой, перекрестился и сказалъ: «царствіе ему небесное», потомъ обшарилъ карманы убитаго и вытащилъ бумажникъ и хлѣбъ. Этотъ хлѣбъ тутъ же сталъ ѣсть.

Стрѣльба у красныхъ усилилась. Надъ стеблями кукурузы стали видны тонкія струйки пара, подымавшіяся изъ клокотавшихъ пулеметовъ. Красные поднялись и цѣпями, одна за другой, пошли на Корниловцевъ. 13-ая рота стала отходить, но уже въ полномъ порядкѣ, непрестанно отстрѣливаясь. Слѣдомъ за Корниловцами ползли на локтяхъ раненые. Одинъ изъ нихъ все время кричалъ: «братцы, не оставляйте», а потомъ оглянулся назадъ и началъ срывать погоны.

Какой-то красноармеецъ выбѣжалъ изъ своей цѣпи, снялъ фуражку и сталъ ею махать, что-то крича. Корниловцы прекратили стрѣльбу, и до нихъ донеслось:

— Кадеты, сдавайтесь, а то, такъ вашу такъ, все равно всѣхъ перебьемъ.

Ему отвѣтили еще большей руганью и усиленными залпами. Красноармеецъ сталъ стрѣлять съ колѣна.

Вспоминая этотъ бой, ударникъ Дегтяревъ записалъ свои впечатлѣнія о томъ, какъ воевали отдѣльные ударники изъ бывшихъ красноармейцевъ:

«Былъ и у насъ одинъ ударникъ изъ плѣнныхъ, который все время выбѣгалъ впередъ и становился стрѣлять съ колѣна. А исторія этого ударника такова: въ 1919 году онъ попадаетъ въ плѣнъ къ бѣлымъ и назначается во 2-ой Корниловскій полкъ; участвуетъ въ походѣ на Орелъ, но при отступленіи заболѣваетъ тифомъ и остается въ городѣ Харьковѣ. По выздоровленіи отправляется на родину въ Пензенскую губернію, долго скрывается отъ повторныхъ мобилизацій и отъ налетовъ заградительныхъ отрядовъ, но въ концѣ концовъ былъ вынужденъ итти служить. Его отправляютъ на Южный фронтъ, онъ опять попадаетъ въ плѣнъ и опять оказывается во 2-мъ Корниловскомъ полку, но уже со своимъ меньшимъ братомъ и нѣсколькими земляками.

«А вотъ и еще одинъ ударникъ, бывшій плѣнный, остался въ памяти: былъ такой мой землякъ — Тихоновъ. Получилъ онъ нѣкоторое образованіе, слылъ за бѣлоручку и имѣлъ наклонность тереться около штаба, но вотъ попалъ на позицію и показалъ себя примѣрнымъ героемъ. Послѣдній разъ я его видѣлъ уже къ концу боя — онъ бѣжалъ впереди меня, заряжая на ходу винтовку, а за нѣсколько дней до того онъ вытащилъ изъ кармана свою сторублевую царскую бумажку и говорилъ: если меня убьютъ, то обязательно заберите деньги, не хочу, чтобы онѣ доставались краснымъ....»

Бой подъ Рогачикомъ длился до самаго вечера. Много разъ противники сходились вплотную, и Корниловцы даже врывались въ село. Офицеры-пулеметчики вскочили въ одинъ дворъ и со своими лопатками набросились на красныхъ. Хозяинъ двора стоялъ около клѣти, глядѣлъ на свалку и только приговаривалъ: «чи красные, чи бѣлые».

Корниловцы захватили все село, когда уже стемнѣло. Посреди села, на площади около церкви, были положены въ рядъ трупы всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ Корниловцевъ, раздѣтыхъ и перебитыхъ красными напослѣдокъ. Холоднымъ свѣтомъ освѣщала луна искаженныя лица.

Корниловцы прошли село и остановились передъ плавнями — широкой, въ нѣсколько верстъ, полосой передъ Днѣпромъ, заросшей кустарникомъ и лѣсомъ. Никто не

зналъ, ушли ли красные за Днѣпръ или же притаились гдѣ-нибудь здѣсь. Корниловцы дали нѣсколько залповъ по плавнямъ и разошлись по избамъ. Не раздѣваясь, съ винтовками подъ бокомъ сразу всѣ завалились спать. Даже когда подъѣхали кухни, рѣдкій кто зазвенѣлъ своимъ пустымъ котелкомъ. Поставленныя по серединѣ улицы снятыя съ передковъ пушки охраняли тяжелый сонъ Корниловцевъ.

2-ой полкъ, какъ и 1-ый понесъ огромныя потери.

Къ утру 15-го октября генералъ Скоблинъ приказалъ всей дивизіи стянуться въ колонію Ольгофельдъ.

— Значитъ опять гдѣ-нибудь неувязка, — думали Корниловцы 2-го полка, покидая Нижній Рогачикъ, такъ дорого имъ доставшійся.

Когда 2-ой полкъ подходилъ къ колоніи, всѣ удивились, что полковникъ Щегловъ со своимъ 3-мъ полкомъ уѣзжаетъ на подводахъ въ тылъ по направленію къ Верхнему Рогачику. Туда же умчался генералъ Скоблинъ съ коннымъ дивизіономъ.

. . . .

Пока шелъ бой подъ Рогачикомъ, 2-ая совѣтская конная армія стала переправляться на лѣвый берегъ Днѣпра у села Б. Знаменка и правѣе. Небольшой сводный отрядъ полковника Пуха при одной батареѣ былъ вынужденъ еще наканунѣ отойти отъ села. Отрядъ расположился на ночлегъ въ огромномъ разрытомъ курганѣ верстахъ въ двухъ отъ Знаменки. Корниловцы заснули съ винтовками въ рукахъ, другъ къ другу прижавшись спинами. За ночь всѣ были притрушены снѣгомъ.

Разбудилъ Корниловцевъ кавалерійскій сигналъ — въ атаку! Густой туманъ скрывалъ всю равнину. Когда Корниловцы сбѣжали внизъ, гдѣ туманъ былъ рѣже, они увидѣли передъ собой двигавшуюся отъ края до края конницу противника. Уже были слышны крики и брань.

Роты стали отходить, давая два-три залпа то въ одну то въ другую сторону. Своихъ раненыхъ Корниловцы подбирали и складывали на пулеметныя тачанки. Вскорѣ нельзя было стрѣлять изъ пулеметовъ. Раненыхъ стали подса-

живать къ коннымъ. Подпоручикъ Бондарь поддерживалъ на своемъ конѣ двухъ офицеровъ.

Изъ-за безостановочнаго отхода стать на позицію вся батарея не могла, и она по очереди отстрѣливалась изъ одного орудія. Ударники жались къ своимъ офицерамъ, но смятеніе началось и у командировъ...

Когда Корниловцы уже подходили къ Верхнему Рогачику, красные подскакали вплотную къ инженерной ротѣ; рота побѣжала. Всадники наотмашь рубили ударниковъ. Другія роты были тоже на волоскѣ отъ гибели — кавалерія уже окружила ихъ.

«Въ этотъ поистинѣ страшный моментъ, — пишетъ подпоручикъ Дудниченко, — слѣва отъ насъ появляется Корниловскій конный дивизіонъ во главѣ съ генераломъ Скоблинымъ. Съ крикомъ ура дивизіонъ бросается въ атаку... Въ то же время командиръ 1-го батальона 3-го полка капитанъ Марченко съ револьверомъ въ рукахъ останавливаетъ бѣгущую инженерную роту. У красныхъ происходитъ замѣшательство, и мы успѣваемъ вбѣжать въ село. Мы были спасены, но пулей въ обѣ ноги былъ раненъ генералъ Скоблинъ...»

Красная кавалерія ворваться въ В. Рогачикъ не посмѣла.

XXXIII.

ПАДЕНІЕ ПЕРЕКОПА

Красные, переправившись на лѣвый берегъ Днѣпра въ раіонѣ Н. Рогачика и Никополя, одновременно, 13-го октября, повели наступленіе по всему фронту Русской Арміи. Наступали пять совѣтскихъ армій общей численностью въ 60 тысячъ штыковъ и 25 тысячъ сабель. 6-ая совѣтская армія оттѣснила 2-ой корпусъ генерала Витковскаго къ Перекопу. 1-ая конная армія Буденнаго быстрымъ рейдомъ спѣшила къ Сальковскому дефиле, чтобы окончательно отрѣзать Русскую Армію отъ Крыма. Ударная группа генерала Кутепова, состоявшая изъ Дроздовской дивизіи, трехъ конныхъ дивизій и одной конной бригады, была сосредоточена въ раіонѣ Сѣрагозъ для того, чтобы по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ наносить послѣдовательные удары по главнымъ силамъ противника, наступающимъ изъ Никополя и Каховки.

Густой туманъ отъ начавшихся морозовъ и безлюдныя степи южной Таврін скрывали рейдъ Буденнаго, и только 16-го октября генералъ Кутеповъ по радіо получилъ приказаніе генерала Врангеля «спѣшно двигаться къ Салькову, стремясь прижать прорвавшагося противника къ Сивашу» *).

Къ этому числу подошла въ Сѣрагозы вся Корниловская дивизія, въ командованіе которой вступилъ генералъ Пешня. Дивизія вынуждена была отойти отъ Верхняго и Нижняго Рогачика потому, что 2-ая конная армія разбила

---

*) Генералъ П. Н. Врангель: «Записки», «Бѣлое Дѣло», т. VI, стр. 224.

Марковскую дивизію, сосѣднюю съ Корниловской, и угрожала флангу и тылу послѣдней.

Ударная группа Кутепова вмѣстѣ съ Корниловцами двигалась на станцію Сальково большой колонной. Нѣсколько разъ конница противника пыталась ее атаковать, но всегда была отгоняема выдержанными залпами. Въ селѣ Агайманъ Дроздовцы сами атаковали Особую бригаду Буденнаго, разбили ее и чуть было не захватили въ плѣнъ самого Буденнаго.

Вечеромъ 17-го октября войска Кутепова подошли къ хутору Отрада. Полки стали постепенно расходиться на ночлегъ, а для Корниловцевъ мѣста не хватило. Генералъ Пешня вызвалъ къ себѣ командировъ полковъ и объявилъ, что Корниловской дивизіи предложено переночевать въ селѣ Рождественскомъ, но предварительно необходимо выбить оттуда 14-ую совѣтскую кавалерійскую дивизію.

Огромное село было расположено въ лощинѣ. Корниловцы подкрались къ нему шаговъ на триста и открыли огонь залпами. Забили пушки и пулеметы. Когда Корниловскія цѣпи подошли къ хатамъ вплотную, въ селѣ была полная паника. Черезъ полчаса Корниловцы сидѣли по теплымъ хатамъ и кончали прерванный ужинъ красныхъ. Борщъ, баранина, птица, яичница съ саломъ дымились на столахъ. Сразу прошла усталость, всѣ стали веселы, разговорчивы.

Два перевернутыхъ орудія, кухни, осѣдланныя лошади, цѣлыя подводы съ мукой, свиными тушами и всякимъ добромъ были добычей Корниловцевъ.

Красные кавалеристы отошли версты на три отъ села, зажгли сначала костры, а потомъ видно не выдержали холода и ушли искать для себя новый ночлегъ.

Одновременно съ группой генерала Кутепова къ Салькову со стороны Мелитополя приближались войска генерала Абрамова, замѣнившаго отрѣшеннаго отъ командованія арміей генерала Драценко. Передовыя части красной конницы пытались ворваться въ Чонгарскій полуостровъ, но были отбиты.

«18-го октября противникъ, видимо плохо освѣдом-

ленный въ обстановкѣ, — пишетъ генералъ Врангель, — продолжалъ всей массой своей конницы оставаться въ раіонѣ Ново-Алексѣевка — Сальково — Геническъ. Положеніе конницы «товарища» Буденнаго, прижатой съ сѣверо-востока и съ сѣвера нашими частями къ болотистому, солончаковому, еще плохо замерзшему Сивашу, могло оказаться безконечно тяжелымъ. Части пѣшей 3-ьей донской дивизіи генерала Гусельщикова, совмѣстно съ подошедшей 7-ой пѣхотной дивизіей, поддержанныя бронепоѣздами, рѣшительно обрушились на не ожидавшаго удара съ этой стороны врага. Конница Буденнаго была застигнута врасплохъ: полки стояли по дворамъ расѣдланными. Безпорядочно металась красная кавалерія. Врассыпную выскакивали наспѣхъ собранные эскадроны, прорываясь между нашей пѣхотой. Одна батарея противника въ полной запряжкѣ и большая часть его обозовъ попали въ руки генерала Гусельщикова. Входъ въ Крымъ для арміи былъ открытъ».

20-го октября войска генерала Абрамова подъ прикрытіемъ группы генерала Кутепова стали втягиваться въ сальковское дефиле. Корниловская дивизія въ это время, на походѣ отъ села Ново-Михайловка до села Ново-Алексѣевка. отбивалась отъ атакъ красной конницы. Врѣзаться въ колонну Корниловцевъ противнику не удалось ни разу. Въ одномъ хуторѣ около Ново-Алексѣевки Корниловцы нашли нѣсколько повозокъ своей хозяйственной части, отосланной еще изъ В. Рогачика. Застигнутыя на этихъ повозкахъ сестры милосердія были зарублены, предварительно изнасилованы и изуродованы.

Когда Корниловская дивизія подошла къ станціи Сальково, она была занята красными. Послѣ большого и тяжелаго боя Корниловцы ее взяли. Цѣлые составы поѣздовъ, груженыхъ интендантскимъ имуществомъ, стояли брошенными на подъѣздныхъ путяхъ. Это имущество разбирали проходившія части и мѣстные жители. Въ одинъ вагонъ влѣзъ казакъ и выбрасывалъ изъ него пачки кожаныхъ безрукавокъ, приговаривая — «хватай Гаврилычъ!», перебрасывалъ ее дальше оживленной хохочущей толпѣ казаковъ.

За войсками генерала Абрамова втянулась въ Чонгарскій полуостровъ и вся армія генерала Кутепова. Наседавшихъ красныхъ сдерживала Дроздовская дивизія.

Русская армія понесла жестокія потери убитыми, ранеными и обмороженными. Много было отставшихъ и взятыхъ въ плѣнъ. Въ руки красныхъ попало 5 бронепоѣздовъ, 8 орудій, артиллерійскіе склады и милліоны пудовъ заготовленнаго хлѣба. Въ свою очередь войска Врангеля при своемъ отступленіи захватили у красныхъ 15 орудій и 2.000 плѣнныхъ.

ВПЕРЕДЪ!

совѣтскихъ дивизій, составленныхъ изъ отборныхъ войскъ, подъ покровомъ тумана стали переходить Сивашъ, держа направленіе на Чувашскій полуостровъ.

«Когда передовыя части ударной группы дошли до проволочныхъ загражденій и не смогли продвинуться дальше, положеніе стало критическимъ.

«Почти всѣ части ударной группы находились на днѣ Сиваша, которое вслѣдствіе рѣзкой къ этому времени перемѣны вѣтра стало быстро заливаться водой.

«Подрывники бросились устраивать проходы въ проволочномъ загражденіи съ помощью удлиненныхъ пироксилиновыхъ зарядовъ, но если бы имъ и удалось ихъ сдѣлать, то пройти черезъ нихъ вся ударная группа той силы, какая была назначена, не успѣла бы: надвигавшаяся съ моря вода захлестнула бы ее.

«Въ это время слѣдовавшія сзади части ударной группы, боясь быть залитыми водой, рванулись впередъ, нажали на передовыхъ и ворвались въ полуостровъ» *).

На Чувашскомъ полуостровѣ несли охрану не успѣвшія закончить формированіе кубанскія части генерала Фостикова. Небольшой отрядъ Фостикова всего съ двумя пулеметами былъ сметенъ красными, и они вышли въ тылъ перекопскихъ позицій. Контръ-атаки не удались. Судьба Перекопскаго вала была рѣшена.

Вечеромъ 26-го октября полковникъ Левитовъ вызвалъ къ себѣ капитана Трошина и передалъ ему, что съ наступленіемъ темноты вся Корниловская дивизія получила приказаніе отойти на Юшуньскія позиціи, а его 2-ой батальонъ назначается въ арьергардъ. Чтобы не обнаружить передъ противникомъ своего отхода, необходимо до послѣдняго момента пострѣливать изъ винтовокъ.

Неприступный Перекопскій валъ началъ пустѣть. Увозятъ пулеметы, уходитъ одна рота за другой. Трошинъ растянулъ по окопамъ весь свой батальонъ. Зловѣщую тишину изрѣдка нарушалъ одиночный выстрѣлъ. Наконецъ. снялся и 2-ой батальонъ. Въ полномъ молчаніи, безъ одного огонька папиросы, Корниловцы прошли черезъ Армян-

---

*) А. Сыромятниковъ: «Наступленіе», стр. 103.

скій Базаръ и глубокой ночью втянулись въ первую линію Юшуньскихъ укрѣпленій. 1-ый полкъ занялъ правый флангъ около Соленаго озера, въ центрѣ сталъ 3-ій полкъ, а на лѣвомъ флангѣ до моря — 2-ой полкъ.

Въ журналѣ боевыхъ дѣйствій 1-го полка было занесено:

«Позиція, занимаемая полкомъ, была мало пригодна для обороны и во многихъ мѣстахъ не имѣла обстрѣла; на нѣкоторыхъ участкахъ противникъ могъ скрытно подойти къ самой проволокѣ. Окопы не были сплошными и не имѣли между собою ходовъ сообщенія. Между 1-мъ и 3-мъ полкомъ былъ прорывъ въ 500 шаговъ, не занятый никѣмъ».

Такія же записи и 2-го полка:

«... Для пулеметовъ сдѣланы гнѣзда-капониры, но съ очень малымъ кругозоромъ и обстрѣломъ...»

На другой день около 10 часовъ утра красные перешли въ наступленіе, направляя главный ударъ въ стыкъ 1-го и 3-го Корниловскихъ полковъ. Въ началѣ Корниловцы отражали атаки успѣшно, но къ полдню противникъ ввелъ болѣе крупныя силы и всю свою артиллерію. Пулеметчики вытащили изъ укрѣпленныхъ гнѣздъ пулеметы и стрѣляли прямо съ бруствера. Пулеметная тачанка капитана Бурьяна выскочила передъ окопами на открытую позицію. Словно макъ, заалѣла между проволокой красная фуражка Бурьяна. Вой и взрывы снарядовъ усилились. Около тачанки падаютъ лошади. Пулеметъ еще надрывается, но вотъ по корниловской цѣпи пробѣжалъ взволнованный вздохъ: «капитанъ Бурьянъ, капитанъ Бурьянъ...» Доблестный капитанъ былъ убитъ.

Красные ворвались въ стыкъ между 1-мъ и 3-мъ полкомъ и начали распространяться по окопамъ влѣво и вправо. Подъ сильнѣйшимъ обстрѣломъ Корниловцы стали отходить. Въ ногу былъ раненъ полковникъ Левитовъ. Его подымаютъ и уносятъ. Онъ кричитъ «бейте ихъ... бейте ихъ...»

Въ этомъ бою былъ перераненъ почти весь командный составъ Корниловской дивизіи: генералъ Пешня, полков-

никъ Щегловъ, подполковникъ Лысань, подполковникъ Пухъ.

Въ командованіе дивизіей вступилъ командиръ Корниловской артиллерійской бригады генералъ Ерогинъ, въ командованіе 2-мъ полкомъ капитанъ Трошинъ, 3-мъ полкомъ — полковникъ Минервинъ.

27-го октября генералъ Врангель по прямому проводу сообщилъ генералу Кутепову всю сложившуюся обстановку въ Крыму и настаивалъ на необходимости продержаться на Юшуньскихъ позиціяхъ, хотя бы еще нѣсколько дней, чтобы выиграть время для погрузки на суда тыловыхъ учрежденій, лазаретовъ и населенія.

На послѣднихъ Юшуньскихъ позиціяхъ ночью 28-го октября 1-ый Корниловскій полкъ былъ смѣненъ. Не прошли Корниловцы и полторы версты отъ своихъ позицій, какъ услышали сзади себя сильнѣйшую стрѣльбу. Полкъ пріостановился. Уже стало разсвѣтать. Передъ 3-мъ батальономъ показались густыя цѣпи. Разобрать, кто идетъ — свои или красные — было трудно. Подъ прикрытіемъ бронепоѣзда «Георгій Побѣдоносецъ» Корниловцы двинулись навстрѣчу. Только когда цѣпи сблизились шаговъ на двадцать, враги узнали другъ друга. Съ той и другой стороны раздались залпы. «Георгій Побѣдоносецъ» подкатилъ вплотную къ краснымъ и въ упоръ сталъ ихъ разстрѣливать изо всѣхъ своихъ орудій и пулеметовъ. Красные побѣжали, Корниловцы за ними, Бронепоѣздъ ускорилъ ходъ и разогналъ подоспѣвшіе резервы красныхъ.

Корниловцы оглядѣлись — одни, совершенно одни... Вокругъ притаившіеся красные... Подъ прикрытіемъ «Георгія Побѣдоносца» 1-ый полкъ отошелъ за Юшунь. Когда командиръ подсчиталъ свои силы, въ полку было всего 120 штыковъ.

29-го октября генералъ Врангель отдалъ приказъ: войскамъ, оторвавшись отъ противника, итти къ портамъ для погрузки.

Главнокомандующій вызвалъ къ себѣ еще хромавшаго генерала Скоблина и сказалъ ему, что онъ назначается комендантомъ по погрузкѣ войскъ въ Севастополѣ, и что здѣсь грузиться будутъ войска 1-ой арміи за исключеніемъ

Корниловской дивизіи, для которой данъ маршрутъ на Евпаторію. Скоблинъ запротестовалъ.

— Корниловская дивизія должна грузиться въ Севастополѣ. Если, ваше превосходительство, вы не измѣните своего рѣшенія, я немедленно выѣзжаю къ дивизіи, иначе казаки ототрутъ Корниловцевъ отъ кораблей.

Врангель измѣнилъ свое рѣшеніе. Корниловцы пошли на Севастополь. Когда они вошли въ городъ, около полутораста тысячъ людей уже были посажены на пароходы.

Корниловцы были погружены на «Саратовъ». 2-го ноября съ наступленіемъ сумерекъ «Саратовъ» поплылъ. Корниловцы не отрывали глазъ отъ берега. Еще виднѣется узкая полоска земли и прибрежные огоньки. Огни исчезли, и тьма окутала родную землю.

XXXV.

ПОТЕРИ КОРНИЛОВЦЕВЪ.

Открытая вооруженная борьба національныхъ силъ съ Интернаціоналомъ кончилась. Долгіе страшные годы два меча разсѣкали живое тѣло Россіи. Земля дымилась кровью.

Нѣтъ ничего ужаснѣе братоубійственной войны, и не дай Богъ испытать ее ни одному народу.

Всѣ Корниловцы были переранены, и много тысячъ ихъ полегло на родныхъ поляхъ.

Съ 25-го іюня 1917 года по 1-ое ноября 1920 года, т. е. за сорокъ мѣсяцевъ своей борьбы съ большевиками Корниловскіе полки выдержали 570 боевъ (въ это число не входятъ бои, которые вели отдѣльные батальоны или роты) и потеряли убитыми 13.674 человѣка, ранеными — 34.328, а всего — 48.002 человѣка.

Если начать перечислять поименно всѣхъ погибшихъ Корниловцевъ, то только для одного такого сухого перечня понадобилась бы книга въ нѣсколько сотъ страницъ. Перечень именъ погибшихъ бережно хранится у генерала Скоблина. Для Корниловцевъ эти имена не безличны, для постороннихъ — это «имена, Ты, же ихъ, Господи, вѣси».

. . . .

Русская Армія ушла въ изгнаніе. Годъ она отстояла въ Галлиполи «литургію вѣрныхъ» и разсѣялась по всѣмъ странамъ свѣта. Разсѣялся и Корниловскій Ударный Полкъ, но таковы животворящіе соки, впитанные имъ въ себя изъ родной земли, что Корниловцы, въ разсѣяніи сущіе, до сихъ поръ хранятъ свое соборное единство, до сихъ поръ, какъ часовые, перекликаются между собой:

ПОТЕРИ КОРНИЛОВЦЕВЪ.

	Убито	Ранено	Всего
Начальниковъ дивизій		2	2
Командировъ полковъ	4	15	19
Командировъ батальоновъ	64	125	189
Командировъ ротъ	472	1100	1572
Младшихъ офицеровъ	4781	11500	16281
Ударниковъ	8327	21500	29827
Военныхъ чиновниковъ	15	48	63
Докторовъ	3	12	15
Сестеръ милосердія	8	26	34
ИТОГО	13674	34328	48002

— Слу-шай...

Съ каждымъ годомъ рѣдѣетъ цѣпь часовыхъ, завороженныхъ мечтой объ Отечествѣ. Смѣны не видно. За разводящаго — смерть.

Отъ непосильнаго труда на шахтахъ, заводахъ, отъ вѣчной гоньбы въ городахъ за кускомъ хлѣба открываются старыя раны.

Въ душѣ нарастаетъ тревога:

Когда же прозрѣетъ народъ и скинетъ ярмо?

Неужели напрасны всѣ жертвы?

Въ чемъ наша вина?

Тяжелымъ камнемъ легли на душу укоры:

— Грязными руками вы довершали бѣлое дѣло Корнилова...

И великимъ оправданіемъ прозвучали проникновенныя слова русскаго писателя Ивана Бунина:

«Пусть не всегда были подобны горнему снѣгу одежды бѣлаго ратника, — да святится во-вѣки его память.

«Подъ тріумфальными вратами галльской доблести неугасимо пылаетъ жаркое пламя надъ гробомъ безвѣстнаго солдата. Въ дикой и нынѣ мертвой русской степи, гдѣ почіетъ бѣлый ратникъ, тьма и пустота. Но знаетъ Господь, что творитъ. Гдѣ тѣ врата, гдѣ то пламя, что были бы достойны этой могилы? Ибо тамъ гробъ Христовой Россіи. И только ей одной поклонюсь я въ день, когда Ангелъ отвалитъ камень отъ гроба ея.

«Будемъ же ждать этого дня»...

— Слу-шай...

Нерадостно жить, если нѣтъ воспоминаній, озаряющихъ душу внутреннимъ свѣтомъ. Тягостны воспоминанія Корниловцевъ за всѣ годы ихъ борьбы съ большевиками. Въ теченіе трехъ лѣтъ Корниловцы прикасались къ ранамъ Россіи. Отечество было предано, святыни осквернены, права человѣка попраны, вѣковой укладъ народа по-

руганъ. Въ смерчѣ ненависти и злобы крутилась вся страна. Страшное право жизни и смерти было у каждаго вооруженнаго, и грани между жизнью и смертью были стерты. Самый героизмъ и пафосъ бѣлой борьбы были омрачены братской кровью.

Но и этотъ мракъ пронизывалъ свѣтъ. Воспоминаніе о немъ унесли съ собой оставшіеся въ живыхъ и павшіе въ бояхъ Корниловцы. Съ нимъ легче было умирать и легче жить теперь въ изгнаніи.

Этотъ свѣтъ Россіи Бога живого, свѣтъ — немеркнущій.

Онъ горѣлъ въ призывѣ сельскаго батюшки, взывавшаго: «православные, ратуйте за церковь Христову, за домъ Богоматери!»

Онъ сіялъ у матерей и отцовъ, благословлявшихъ своихъ сыновей на ратный подвигъ.

Онъ свѣтился на пасхальной заутренѣ въ распечатанномъ храмѣ.

Онъ струился въ радостномъ перезвонѣ колоколовъ въ освобожденныхъ городахъ.

Онъ озарялъ сестеръ милосердія.

Онъ преобразилъ махновцевъ.

Онъ былъ у красноармейцевъ, давшихъ напиться израненному бѣлогвардейцу.

Россія Бога живого...

Она шире государственныхъ границъ.

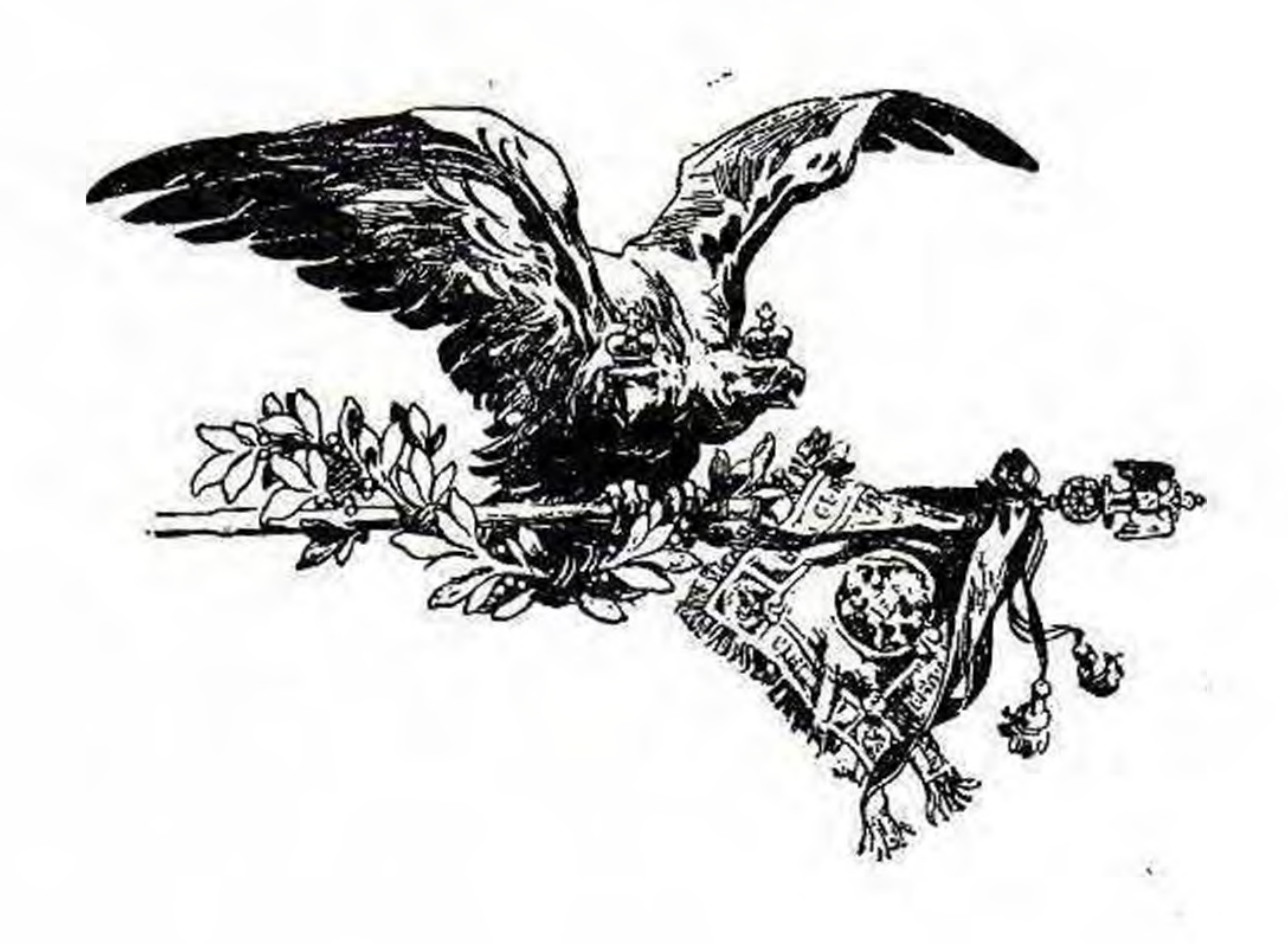
Она выше политическихъ идеаловъ.

Она богаче всѣхъ сокрытыхъ въ ея нѣдрахъ богатствъ.

Не напрасны были жертвы во имя ея воскресенія.

Кровью и духомъ къ ней пріобщились соборно бѣлые ратники — Корниловцы.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

IMPRIMERIE « VAL », 45, Rue Compans, Paris

